

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Е.Н. Бусел

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ ВИТЕБСКОЙ
ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Монография

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2015*

УДК 37(091)(476.5)«18/19»
ББК 74.03(4Бей-4Вит)
Б92

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 23.10.2015 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 6 от 10.06.2015 г.

Автор: доцент кафедры социально-педагогической работы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук **Е.Н. Бусел**

Р е ц е н з е н т ы :

декан факультета повышения квалификации по педагогике и психологии УО «ВГМУ», доктор педагогических наук, профессор *З.С. Кунцевич*;
заведующий кафедрой социально-педагогической работы ВГУ имени П.М. Машерова, доктор педагогических наук, профессор *А.П. Орлова*

Бусел, Е.Н.

Б92 Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века : монография / Е.Н. Бусел. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – 172 с.
ISBN 978-985-517-508-8.

В монографии рассматриваются факторы и состояние развития образования, школы и педагогики Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века. Раскрываются региональная специфика и общие тенденции в развитии образовательной практики и общественно-педагогической мысли губернии. Показаны становление и развитие историко-педагогической регионологии как интегрированной отрасли педагогического знания в контексте региональных и национальных особенностей Беларуси. Опора на широкий круг первоисточников, в том числе введение в научный оборот целого ряда ранее не использованных архивных материалов, подтверждает достоверность и обоснованность представленных в рукописи научных результатов.

Издание адресовано педагогам, преподавателям, аспирантам и студентам, а также всем, интересующимся вопросами развития образования и школы на белорусских землях.

УДК 37(091)(476.5)«18/19»
ББК 74.03(4Бей-4Вит)

ISBN 978-985-517-508-8

© Бусел Е.Н., 2015
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	8
1.1 Генезис отечественной историко-педагогической регионологии	11
1.2 Историко-педагогические источники исследования системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в.	20
1.3 Ведущие факторы развития системы образования Витебской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) ...	32
Глава 2. ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	56
2.1 Развитие школьного дела Витебской губернии во второй половине XIX в. – 1903 г.	56
2.2 Система образования Витебской губернии начала XX в. (1903–1917 гг.)	73
2.3 Общественно-педагогическая мысль региона второй половины XIX – начала XX в.	95
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	109
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	116
ПРИЛОЖЕНИЯ	139

ВВЕДЕНИЕ

В качестве одной из базовых идей развития современной системы образования Республики Беларусь выступает ориентация на освоение личностью общечеловеческих ценностей и уникального этнокультурного наследия своего государства. Данное положение подразумевает понятие «регионализация образования», предполагающее использование в учебно-воспитательном процессе «аутентичного материала», а также построение образовательной системы с учетом образовательных нужд конкретного региона, включая опору на исторически сложившиеся региональные воспитательно-образовательные традиции [18; 77; 83; 89].

Усиление региональности в сфере образования обусловлено объективными причинами, вызванными переходом к информационному обществу, усиливающейся глобализацией и вестернизацией [72; 94; 95; 254], которые в сознании подрастающего поколения сопровождаются искажением системы духовно-нравственных ориентиров и утратой этнокультурной идентичности. В этой ситуации возникает опасность разрушения традиционных духовных ценностей белорусского народа и деморализации общества. Названные изменения приводят к переоценке роли образования и воспитания в развитии государства. Одними из основных задач воспитания выступает формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания, а также нравственной культуры [85]. Это обостряет необходимость переосмысления воспитательно-образовательных традиций, исторически сложившихся на землях Беларуси. Обращение к педагогическому наследию прошлого, накопленного в регионах, помогает преодолеть указанные негативные особенности современности и разрешить следующие противоречия:

– между содержанием «Кодекса Республики Беларусь об образовании», «Программы непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011–2015 гг.», где одним из основополагающих принципов государственной политики в сфере образования выступает интеграция в мировое образовательное пространство при сохранении и развитии традиций системы образования, содержание воспитания предполагает опору на культурные и духовные традиции белорусского народа [85; 195], и недостатком научных знаний, раскрывающих региональные исторически сложившиеся воспитательно-образовательные традиции;

– между потребностью в содержательном материале по истории педагогики и образования Беларуси и фрагментарностью знаний о генезисе школьного дела на землях Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в.;

– между необходимостью теоретической разработки принципа регионализации системы образования в историческом контексте применительно к условиям Беларуси и отсутствием соответствующих фундаментальных исследований.

Таким образом, для разрешения данных противоречий необходимо целенаправленное исследование развития системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. как неотъемлемой части системы образования на белорусских землях. Без знания генезиса школьного дела отдельных регионов невозможно успешное развитие современной историко-педагогической науки, формирование общей и педагогической культуры будущих педагогов. История школьного дела Витебщины поможет восполнить недостающие звенья в отечественном историко-педагогическом знании и сформировать целостное представление об особенностях генезиса системы образования на белорусских землях. Поликультурность современного образовательного пространства, интеграция в мировое образовательное сообщество при сохранении традиций системы образования определенным образом перекликается с ситуацией, характерной для Витебской губернии рассматриваемого исторического периода. Сосуществование людей различных языков, религий, культур, национальностей на протяжении длительного периода времени способствовало выработке в характере уроженцев Витебщины терпимости и толерантности, которая проявлялась, в том числе, в условиях организации образовательного процесса.

Вопросы генезиса школьного дела и просвещения на белорусских землях второй половины XIX – начала XX в. содержатся в фундаментальных работах советского периода таких исследователей, как М.Н. Абраменко, М.К. Кириллов, М.С. Мятельский, З.А. Пастухова, А.В. Трухан, С.А. Умрейко [1; 4; 10; 78; 109; 121; 182; 232]. В постсоветский период дореволюционная тематика в развитии системы образования Беларуси представлена в трудах и публикациях педагогов Е.Г. Андреевой, Л.И. Василевич, Е.Л. Евдокимовой, В.А. Капрановой, В.Н. Лухверчика, Е.Л. Петуховой, С.В. Снапковской [3; 24; 62; 74; 98; 99; 184; 219; 220], историков С.М. Восовича, О.И. Ершовой, Н.Е. Новик, В.М. Острога, В.В. Сергеенковой, М.А. Ступакевич [13; 14; 31–34; 65; 128–135; 213; 224]. В ближнем зарубежье (преимущественно на территории России) вопросы развития системы образования Северо-Западного края освещают работы исследователей Л.А. Бережной, Э.Д. Днепровой, Р.Ф. Усачевой и др. [42], [67]. Отдельным вопросам становления и развития дореволюционной школы Витебщины посвящены работы и публикации современных отечественных историков и краеведов Т.В. Воронич, С.М. Восовича, Н.С. Моторовой, Н.Е. Новик, А.М. Подлипского, А.В. Русецкого, Ю.А. Русецкого, Е.Д. Тогулевой, Л.В. Хмельницкой [30; 32; 33; 106–108; 130; 188; 205; 230; 231; 241].

Однако отсутствуют фундаментальные историко-педагогические труды, представляющие комплексное исследование развития системы образования Витебской губернии.

Хронологические рамки исследования охватывают период со второй половины XIX века по 1917 год. Очерченные временные границы являются самостоятельным периодом в истории образования на белорусских землях, находившихся в составе Российской империи. В 1855 г. на престол взошел Александр II, в ходе царствования которого был произведен ряд радикальных реформ, в том числе в сфере системы образования северо-западных губерний. Отмена в 1861 г. крепостного права и реформирование социальной сферы актуализировало необходимость в элементарном образовании многомиллионного крестьянского сословия. Принятие в 1863 г. Министерством народного просвещения «Временных правил для учебных заведений белорусско-литовских губерний», восстание 1863–1864 гг., вхождение в 1864 г. в состав Виленского учебного округа Витебской губернии предопределили дальнейший ход в истории развития системы образования последней. Негативные последствия политизации образовательной сферы проявлялись в тотальной русификации населения посредством обучения в массовой русской школе, а также сдерживании развития среднего звена образования. С другой стороны, в целях проведения великодержавной политики правительство было вынуждено расширять и развивать образовательную сферу. Обострившиеся внутриполитические противоречия вызвали активизацию общественно-педагогического движения. После 1917 г. в системе образования белорусско-литовских губерний, в том числе Витебской, произошли резкие изменения, обусловленные событиями февральской и октябрьской революций, что фактически стало началом нового этапа в истории образования на белорусских землях.

Исследование, посвященное генезису системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в., включая эволюцию прогрессивной педагогической мысли, роль частной инициативы в развитии просвещения, имеет несомненную значимость для культурного и духовного развития современной Витебщины, поскольку возрожденные традиции, позитивный педагогический опыт можно использовать в различных сферах социально-культурной жизни региона, что позволяет провести параллели между эпохами, используя достижения педагогики и просвещения прошлых лет. Историко-педагогический анализ развития образовательной практики и педагогической мысли является уроком, позволяющим, критически оценивая прошлое и настоящее, вычленять в нем рациональные идеи, которые могут быть творчески восприняты современностью. Безусловно, критическому анализу в рассматриваемый период историко-педагогического развития подлежат:

религиозные и имущественные ограничения, имевшие место в учреждениях образования повышенного типа; многоплановость и расхождения в программах тех или других школ; отсутствие преемственности между звеньями (как будет сказано ниже, тенденции преемственности между начальной и средней школой региона наметились только в начале XX в.); недостаточное финансирование массовой народной школы; «перекос» в сторону религиозного воспитания.

С другой стороны, нельзя не отметить положительные явления общественно-педагогической мысли и образовательной практики региона указанного исторического периода: частная инициатива, меценатство и благотворительность, общественно-педагогическое движение. Они особенно ярко проявились на рубеже XIX–XX вв. Наконец, в современных условиях кризиса традиционных нравственных и духовных ценностей следовало бы обратить внимание на имевшую место практику религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения. Не менее интересным для современной образовательной и воспитательной практики представляются «забытые» и «забывающиеся» формы организации учебной деятельности – литературные беседы, публичная защита рефератов, музыкально-литературные вечера и др., которые также освещаются на страницах монографии.

Г Л А В А 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Методологическая основа исследования проблемы развития системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века представлена на трех уровнях: философском, общенаучном и конкретно-научном.

Философско-методологической базой исследования являются законы материалистической диалектики:

– единства и борьбы противоположностей, что выражается через действие ряда противоречий: противоречия между внешними факторами (уровень развития общества и организация системы образования, тотальная русификация и сохранение народами этнокультурного своеобразия); противоречия между внешними и внутренними факторами (официальная политика российского государства и частная инициатива, социально-экономическая необходимость просвещения широких народных масс и привычные стереотипы поведения конкретного индивида); противоречия между внутренними факторами (несоответствие развития педагогической теории и практики народного образования; требования к личности, детерминированные целями образования, и готовность последней к их выполнению);

– перехода количества в качество (количественные изменения в организации школьного дела способствуют качественным изменениям в образовании, экономике и социально-культурной сфере);

– отрицание отрицания (поступательное развитие педагогической теории и практики путем отклонения старого, регрессивного, отрицательного и сохранение прогрессивного).

Общенаучную основу исследования составляют следующие методологические принципы историко-педагогического исследования:

– принцип единства теории и практики (изучение и критический анализ развития предшествующего педагогического опыта, а также внедрение его результатов в систему подготовки специалистов социальной и образовательной сфер);

– принцип историзма (система образования рассматривается как изменяющаяся во времени и развивающаяся, что позволяет использовать прогрессивные идеи предшествующего педагогического опыта в решении проблем педагогики настоящего);

- принцип объективности (сравнительно-сопоставительный анализ информации и опора на факты, содержащиеся в архивных и опубликованных источниках);
- принцип всеобщей связи (рассмотрение проблемы исследования во взаимосвязи с внешними и внутренними факторами);
- принцип взаимосвязи логического и исторического (логика познания объекта сквозь призму его временного развития).

Перечисленные принципы обуславливаются опорой на системный подход (В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов) [217], что предполагает анализ объекта как единого целого, состоящего из множества элементов, рассматриваемых во взаимосвязи и развитии.

Конкретно-научную основу исследования составили:

- историко-педагогический подход (М.В. Богуславский, Э.Д. Днепров, В.Г. Пряникова, З.И. Равкин) [20; 42–45; 199], предполагающий критический анализ предшествующего педагогического опыта с целью выявления прогрессивных идей для разрешения проблем и противоречий педагогики настоящего;
- культурологический подход (И.Ф. Исаев) [217], рассматривающий систему образования Витебской губернии как специализированную область культуры, обеспечивающую трансляцию накопленного опыта, в основе которого лежат определенные культурные ценности;
- этнопедагогический подход (И.Ф. Исаев, А.П. Орлова, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов) [144; 217], предполагающий единство общечеловеческого, национального и регионального в воспитании и образовании личности;
- синергетический подход (М.В. Богуславский, М.В. Булыгина) [20; 21] к определению понятия «историко-педагогическая регионология» как комплексного раздела педагогической науки, сформированного на стыке различных научных дисциплин, таких как история, педагогика, регионология;
- гендерный подход (М.А. Ступакевич, П.В. Терешкович) [224; 226], позволяющий выявить статус и значение мужского и женского образования, а также мужскую и женскую составляющие в структуре грамотного населения региона второй половины XIX – начала XX в.
- аналитический подход (сбор, систематизация, обобщение данных, их интерпретация).

Методы исследования: историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный анализ; индукции, дедукции, аналогии, классификации; анализ архивных материалов.

Теоретической базой исследования является анализ философских, педагогических, исторических, историографических, этнографических научных трудов и статей, а также трудов по регионологии в границах исследуемой проблемы, в которых:

– рассматривается генезис историко-педагогической регионологии (педагоги и просветители XIX – начала XX века М.О. Без-Корнилович, С.И. Гессен, Е.Ф. Карский, Н. Одинцов, И.П. Корнилов, А.Н. Пыпин, Е.Р. Романов, К.Д. Ушинский, Н.Я. Янчук и др. [17; 35; 86; 87; 141; 201; 237]; белорусоведы и педагоги советского периода Э.Д. Днепров, Н.И. Касперович, А.Н. Пискунов, З.И. Равкин, М.И. Силищенский, Ф.Ф. Шамахов [43; 76; 185; 215; 221; 244]; российские педагоги В.Г. Арискин, М.В. Булыгина, Т.С. Буторина, Т.М. Леонтьева, Е.С. Мертенс, Е.А. Смягликова [8; 21; 22; 96; 218], отечественные педагоги М.Е. Кобринский, Н.К. Катович, Т.Г. Шатюк [77; 83; 246]; историки А.А. Гужаловский, И.В. Грабенчук, А.В. Денисов, М.Ф. Шумейко [38; 39; 41; 250; 251]);

– анализируется понятийно-терминологический аппарат историко-педагогической регионологии как интегрированной отрасли научного знания (отечественные педагоги В.А. Бейзеров, А.И. Жук, Н.К. Катович, Н.Н. Кошель [18; 66; 77; 89]; культуролог С.В. Донских [61], историк А.И. Локотко [97]; российские педагоги М.В. Булыгина, Т.С. Буторина, Э.Д. Днепров, Н.К. Костин, Е.А. Смягликова, П.Ю. Утков, И.П. Чепурышкин [21; 22; 45; 88; 218; 235; 243]; философы А.Н. Лапшин [94], политологи И.Н. Барыгин, О.Г. Леонова [15; 95], социолог Р.Х. Симонян [216]);

– выявляются и классифицируются историко-педагогические источники (историки и краеведы Т.В. Воронич, О.Н. Давидовская, О.И. Ершова, Н.В. Матусевич, Д.И. Раскин, М.А. Ступакевич, С.О. Шмидт [30; 40; 65; 103; 202; 224; 248], историк педагогики Т.Г. Шатюк [245; 246]);

– анализируются факторы развития системы образования Витебской губернии (педагоги Н. Марченко, С.В. Снапковская [100; 219; 220], историки О.И. Ершова, В.В. Сергеенкова и др. [65; 213]);

– описываются направления развития школьного дела Витебской губернии (педагоги Е.Г. Андреева, Т.Л. Красниченко, историки Н.С. Моторова, Н.Е. Новик, Е.Д. Тогулева и др. [3; 90; 106–108; 230; 231]) и его отдельных звеньев (педагог И.М. Бобла – развитие специального образования; искусствоведы Н.С. Волонцевич, Г.П. Исаков, историки А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий – художественного образования, С.М. Восович – школ церковного ведомства, М.А. Ступакевич – женского образования [19; 23; 33; 70; 205; 224]);

– представлен вклад литераторов К. Вереницына, А.И. Вериго-Доревского, Э.Ф. Вуля, А. Ельского, И.Д. Орловского, этнографов и фольклористов Н. Анимеле, В. Астаповича, Н.Я. Никифоровского, А.Р. Пщелко, А.Ф. Рыпинского, П.В. Шейна, историков и краеведов М.О. Без-Корниловича, Д.И. Довгялло, А.П. Сапунова, А.М. Сементовского, В.К. Стукалича, педагогов и просветителей А. Аргамакова, С. Аргамаковой, И.О. Васютовича, И.Д. Горбачевского, Ю. Пэна,

К.И. Тихомирова, О. Шостака, С. Яновского и др. в развитие общественно-педагогической мысли региона второй половины XIX – начала XX в. [5–7; 9; 11; 12; 25; 37; 46; 64; 125–127; 132; 143; 145; 187–189; 200; 208; 209; 212; 222; 223; 249; 252; 253].

Несмотря на имеющуюся источниковедческую базу, вышеуказанные аспекты системы образования Витебской губернии представлены отдельными публикациями либо трудами, освещающими вопросы развития школьного дела в целом по Беларуси. Как будет указано ниже, в 1980-е гг. педагогом С.В. Селицким была предпринята попытка исследовать школьное дело Витебщины дооктябрьского периода, однако она не была реализована в полной мере. В последующие годы процесс развития системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. не был предметом фундаментального историко-педагогического поиска, что обуславливает целесообразность нашего обращения к указанной проблеме.

1.1 Генезис отечественной историко-педагогической регионологии

Историко-педагогическая регионология – развивающаяся область педагогического знания, возникшая на стыке истории, педагогики и регионологии. Предпосылки историко-педагогической регионологии на землях Беларуси сложились к середине XIX в. под влиянием национально-освободительного движения, с одной стороны, и оживлением интереса российской науки к исследованиям по отечествоведению (родиноведению), которое понималось как всестороннее изучение Российской империи, включая географию, историю и этнографию. В 1840 г. в Париже А.Ф. Рьпинским, участником восстания 1830–1831 гг., была издана этнографическая работа «Беларусь», являвшаяся одной из наиболее ранних в данной области [205, с. 223]. В 1845 г. было создано Русское императорское географическое общество [68, с. 10], основной целью которого провозглашалось изучение и распространение географических, статистических и этнографических сведений о самой России. В середине XIX в. вышли работы историко-этнографической направленности Н. Анимеле, М.О. Без-Корниловича, А. Киркора, П.Н. Шпилевского, И. Юркевича и др., написанные по материалам белорусских губерний [10, с. 220–221; 11, с. 24; 228–230; 478; 479; 17].

В 1860-е гг. зарождается школьное родиноведение, одним из основателем которого на территории Российской империи является К.Д. Ушинский. По мнению великого педагога, познание собственной Родины, включая изучение родных языка, литературы, географии и истории, является необходимым условием развития каждого человека [237, с. 358–

363]. В русле школьного родиноведения развивается школьное краеведение. Заметим, что в указанный период времени белорусские земли, находившиеся в составе Российской империи, рассматривались лишь частью единого российского государства, а в качестве «родных» провозглашались русские язык, литература, география и история, что соответствовало великодержавной политике обрусения северо-западных территорий. Применительно к белорусским землям у истоков школьного краеведения, которое понималось как «собрание учителями местных сведений», находился помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа И.П. Корнилов (1864–1868 гг. – попечитель Виленского учебного округа). В 1862 г. была опубликована соответствующая статья «О поощрении уездных и приходских учителей к собиранию местных сведений» [86]. В ней И.П. Корнилов утверждал, что «...изучение Отечества есть вопиющая потребность нашего времени» [86, с. 296]. Можно провести параллель между словами государственного деятеля и современным ему пониманием принципа регионализации образования, о которой речь пойдет ниже: «Нет сомнения, что система народных училищ должна быть одарена свойством применяться... к местным условиям, ибо невозможно допустить однообразную организацию школ между обществами, различающимися по своему развитию и быту...» [86, с. 296]. И.П. Корнилов также попытался обосновать необходимость изучения истории народного образования Северо-Западного края, о чем свидетельствовали его слова: «История народного образования в западных России и Литве представляет весьма важный предмет для изучения. К сожалению, она почти не затронута нашими учеными» [87, с. 9]. Известно, что в период 1864–1868 гг. были организованы учительские командировки по северо-западным губерниям с целью «собрания сведений исторических и этнографических» [87, с. 18–19]. Вместе с тем, по инициативе И.П. Корнилова в Вильно был открыт Северо-Западный отдел Русского географического общества (1867–1876), предусматривающий исследование Северо-Западного края, включая белорусские губернии [68, с. 11, 20].

Одновременно во второй половине XIX в. в губернской и общероссийской печати появились результаты региональных исследований Витебской губернии фольклорно-этнографической и историко-краеведческой направленности И.Д. Горбачевского, Н.Я. Никифоровского, А.П. Сапунова, А.М. Сементовского, П.В. Шейна и др. [11, с. 475; 37; 125–127]. Видное место занимал российский журнал «Этнографическое обозрение», основателем и главным редактором которого являлся Н.А. Янчук. Выступая за активное изучение Беларуси, он стал одним из авторов-составителей «Программы для собирания этнографических сведений» (1887), которая включала разделы, посвященные описанию быта, обрядов, обычаев, верований народа [10, с. 333–334; 11, с. 477–488], содержащих значительный пласт народной педагогики.

В конце XIX в. была опубликована работа российского этнографа А.Н. Пыпина, в которой автор предпринял попытку обосновать общие и особенные черты, присущие белорусскому народу, проанализировав язык и вероисповедание [201, с. 156–159].

В начале XX в. была предпринята попытка внедрения краеведческих исследований в практику школьных учителей. В 1901 г. на страницах журнала «Народное образование в Виленском учебном округе...» вышла статья Н. Одинцова «Частные задачи народной школы в Северо-Западном крае» [141]. По мнению автора, одной из задач народной школы выступает формирование у учащихся «русского мировоззрения» посредством изучения «важнейших событий истории Северо-Западного края, древних памятников русской народности и православия, сохранившихся до настоящего времени», а также рассказов о жизни и деятельности лиц, потрудившихся на пользу края [141, с. 38]. В 1905 г. знаменитый этнограф, член Русского географического общества, уроженец Беларуси Е.Р. Романов предложил организовать ведение школьных летописей, обратившись к окружному начальству Виленского учебного округа с соответствующим письмом. В нем исследователь поднял проблему отсутствия в педагогической литературе трудов по истории народной школы, а также внес предложение: «...не признано ли будет целесообразным вменить в обязанность учителям низших школ составление и ведение школьных летописей» [112, № 5, с. 4]. Е.Р. Романов предложил соответствующую программу, которая подразумевала описание школьного района в историческом, географическом этнографическом и экономическом отношениях, включая статистические сведения. Часть программы отводилась истории развития народного просвещения, в том числе, истории училищ, где могли работать составители школьных летописей, а также отслеживанию генезиса «религиозных и просветительских центров». По истечении каждых 10 лет предусматривался подробный анализ экономической и культурно-просветительской статистики района. Предложение Е.Р. Романова было одобрено, и в 1906 г. вышло распоряжение «О ведении народными учителями школьных летописей» [112, № 5, с. 4–6]. Собственно термин «краеведение» возник в педагогической науке в начале XX века. Впервые в 1914 г. его использовал русский педагог В.Я. Уланов в значении «история края» или «местная история» [39, с. 64].

В начале XX в. происходила дальнейшая активизация фольклорно-этнографического и историко-краеведческого движения, которое было представлено просветительскими обществами, среди которых видное место занимало «Общество изучения Белорусского края в Могилеве» (1905) [250, с. 88]. После 1905 г. филиал общества был учрежден на территории Витебской губернии [260, д. 21306, л. 3]. В 1910 г. был воссоздан Северо-Западный отдел Русского императорского географического общества. Членами общества состояли упомянутый выше Е.Р. Романов, а также эт-

нографы и краеведы Витебщины В.Г. Краснянский, Д.И. Довгялло и др. Отдел имел четыре секции: 1) географии и статистики; 2) этнографии и археологии; 3) археографии; 4) истории [68, с. 3–5]. До 1917 г. одновременно со светскими краеведческими организациями создавались соответствующие организации церковного ведомства [194, № 33, с. 490–495]. Их целью выступало «изучение церковно-религиозной и общественной жизни местного края в ее прошлом и настоящем, обследование, хранение и собирание памятников древности и старины» [194, № 37, с. 407]. Необходимо заметить, что в начале XX в. были опубликованы комплексные труды, которые, так или иначе, указывали на региональное этнокультурное своеобразие белорусского народа. Например, филологом и славистом Е.Ф. Карским был издан фундаментальный труд «Белорусы», в котором отмечались языковые особенности жителей отдельных белорусских регионов, в том числе Витебской губернии [75].

Начало Первой мировой войны (1914–1918 гг.), события 1917 г. повлекли изменения в развитии данной отрасли знания. В этот период многие российские и белорусские исследователи эмигрировали за границу. Видный русский педагог и философ С.И. Гессен, будучи в эмиграции, в 1923 г. издал знаменитый труд «Основы педагогики», в котором выделил «сверхнациональный» (общечеловеческий) и «областной» (федеральный) компоненты образования. Последний, осуществляясь в русле общенационального и общечеловеческого образования, предполагает опору на местные язык, культуру и историю края [35, с. 355].

Краеведческое движение на территории Беларуси в 1920–1930-е гг. было представлено двумя направлениями. Поскольку западная часть Беларуси в 1921 г. стала частью Польши на основе Рижского договора, на ее территории краеведение развивалось в русле западноевропейского регионализма, основателем которого принято считать французского поэта Ф. Мистраля (1830–1914). Сущность западноевропейского регионализма заключалась в популяризации научных знаний и создании условий для научных исследований в провинции, развитии у местного населения инициативы. Принципы регионализма в Западной Беларуси проводило Польское краеведческое товарищество, основанное в 1906 г. [39, с. 62–63].

Краеведческое движение на территории советской Беларуси осуществлялось во взаимосвязи с белорусизацией и реформированием образования, актуализировавшими необходимость теоретического обоснования педагогического краеведения и родиноведения. Разработкой их теоретических основ занимался белорусовед М.И. Силищенский. Исследователь обосновал воспитательное значение родиноведения, которое заключается в том, что оно закладывает основы «правильного миро-созерцания» и воспитывает высшие эмоции человеческого духа: чувство общности, гражданственности, любви к Отечеству, а также развивает интеллект. Краеведение и родиноведение М.И. Силищенский

рассматривал во взаимосвязи. Родиноведение как всестороннее изучение своего Отечества имеет две ступени: низшую и высшую. Усвоение краеведческого материала соответствует первой ступени родиноведения; самостоятельное собирание и обработка материала и, в полном смысле, научное исследование Родины соответствует второй ступени родиноведения [215, с. 296–297]. Важнейшим средством осуществления родиноведения является создание музея с исследовательским отделом, включающего в свою деятельность изучение истории образования родного края [215, с. 303].

В 1920-е гг. на землях Белорусской ССР краеведение бурно развивается, его работу координировал Институт белорусской культуры (1922–1928). Школьное краеведение органично связывалось с работой окружных (в 20-е гг. существовало Витебское окружное товарищество краеведения) и уездных краеведческих организаций. В этот период активизируется научно-просветительская деятельность белорусских ученых-краеведов Н.И. Касперовича (1900–1937), И.П. Фурмана (1890–1935), А.О. Шлюбского (1897–1941) [76; 240; 247]. В русле краеведческого движения накапливался историко-этнографический материал, осуществлялось книгоиздание, развивалась отечественная историко-педагогическая наука. В целом, в 1927–1929 гг. краеведение на землях Восточной Беларуси достигло своего расцвета. Однако в 1930-е гг. белорусские ученые-краеведы были подвергнуты сталинским репрессиям, а само краеведческое движение в 1938 г. директивой Наркома просвещения СССР «О постановке и организации краеведческой работы» было разгромлено [41, с. 31; 250, с. 93].

В 1940-е гг. краеведение вновь возобновляется в практике учителей, что было обусловлено необходимостью проведения политико-воспитательной работы в связи с событиями Великой Отечественной войны: собирались необходимые свидетельства участия населения в борьбе против фашистов, а также «о трудовом подвиге народа» [71, с. 14]. В соответствии с постановлением СНК СССР от 21.06.1944 «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе», «краеведение стало важным элементом в повышении квалификации учительства, в деле вовлечения его в научно-исследовательскую работу, прямым следствием чего было появление методических материалов по истории родного края» [71, с. 14–15]. В связи с этим с середины 1940-х гг. в советской педагогической историографии начала развиваться региональная тематика, охватывающая различные исторические периоды [43, с. 32–33]. В 1950–1960-е гг. появляются первые работы, посвященные развитию школьного дела и просвещения на белорусских землях [78; 121; 182]. В 1970 – начале 1980-х гг. в советской историко-педагогической науке велись споры о целесообразности региональных историко-педагогических исследований. В 1977 г. в журнале «Советская педагогика» появилась ста-

твья А.П. Пискунова «История российской педагогики: некоторые итоги и перспективы» [185], в которой автор выделил четыре группы историко-педагогических исследований: 1) «персоналии»; 2) работы по истории народного образования в целом или по истории общеобразовательной школы отдельной страны, союзной или автономной республики, области или крупного города; 3) работы, в которых прослеживается история становления и развития отдельных типов образования, отраслей специального образования и т.п.; 4) проблемные историко-педагогические исследования [185, с. 62–64]. По мнению А.И. Пискунова, исследования второй группы были полезны лишь на этапе накопления «сведений фактического характера» [185, с. 63]. Автор ссылаясь на исследования истории школы советского периода, справедливо отмечая, что «развитие советской школы в общем определялось одними и теми же партийно-правительственными актами... в истории школы в отдельных республиках и областях было гораздо больше общего, чем специфического» [185, с. 63–64]. Спустя три года, в 1980 г., вышла статья Ф.Ф. Шамахова «О системе историко-педагогических исследований и роли в ней региональной тематики» [244]. В ней автор критикует отрицательные взгляды А.И. Пискунова относительно региональных историко-педагогических исследований. По мнению Ф.Ф. Шамахова, А.И. Пискунов недооценивает влияние особенностей отдельного региона на школу и народное образование. Ф.Ф. Шамахов пишет, что региональные исследования «помогают в решении определенных проблем современности, показывая, как последние разрешались в условиях той или иной части страны; локальный материал исторического прошлого служит особенно живительным родником, питающим подрастающее поколение идеями патриотизма; региональные исследования богаты конкретными фактами, значение которых для науки очевидно» [244, с. 157].

В 1981 г. советский и российский историк педагогики Э.Д. Днепров, утверждая, что «научная значимость региональной проблематики бесспорна при должном уровне ее разработки», вместе с тем, отмечал: значительная часть историко-педагогических работ «построена по стандартной схеме и напоминает скорее краеведческие обзоры, чем научные исследования. Все это резко снижает их ценность и порождает скептическое к ним отношение» [44, с. 25].

Положительный интерес к региональным исследованиям в советской педагогической историографии усилился во второй половине 1980-х гг. По мнению советского и российского историка педагогики З.И. Равкина, для этого периода была характерна «уникальная для мировой педагогики ситуация тройной смены парадигм»: вместо «школы учебы» утверждается «школа труда», на смену которой приходит «свободная школа». Все это так или иначе «связано с возможностью обратиться к национальным, народным истокам» [221, с. 137]. Последнее, как известно, предполагает

изучение локальных воспитательных особенностей и традиций.

В исследованиях истории педагогики и образования Витебщины обозначенного периода, прежде всего, необходимо отметить работу С.В. Селицкого [211], педагога, краеведа, преподавателя Витебского педагогического института им. С.М. Кирова [2, с. 7]. С.В. Селицким было организовано исследование развития народного образования Витебщины в дореволюционный период. По нашему мнению, данное исследование является первой попыткой проведения научного историко-педагогического поиска в отношении Витебского региона.

Кризисные явления начала 1990-х гг. ослабили интерес к местному историческому наследию стран бывшего СССР, однако на рубеже XX–XXI вв. объектом исследователей в области политологии, истории, культурологи, социологии, педагогики и др. становятся регионы и региональные сообщества, что позволяет говорить о развитии новой междисциплинарной отрасли – регионологии. Отметим, что на постсоветском пространстве регионология приобрела широкое развитие в 2000-е гг., прежде всего, в трудах и публикациях российских исследователей В.Г. Аришкина, И.Н. Барыгина, М.В. Булыгиной, Т.С. Буториной, В.Л. Калашникова, А.Н. Лапшина, О.Г. Леоновой, Т.М. Леонтьевой, Р.Х. Симоняна, Е.А. Смягликовой, П.Ю. Уткова, И.П. Чепурышкина [8; 15; 21; 22; 72; 94–96; 216; 218; 235; 243]. Региональная проблематика в трудах отечественных исследователей представлена скромнее. Среди педагогических работ указанным вопросам посвящены диссертационные исследования и монографии М.Е. Кобринского (1997, 2001) [83], Н.К. Катович (1999) [77], Т.Г. Шатюк (2000) [246]. Диссертация последней «Развитие народного образования Беларуси на микрорегиональном уровне во второй половине XIX – начале XX в.в. (на примере уездного г. Гомеля Могилевской губернии)» [246], по нашему мнению, констатировала окончательное становление отечественной историко-педагогической регионологии, сущность которой мы раскрываем ниже.

Для более глубокого понимания указанной отрасли знания нами проведен анализ соответствующей социально-философской и историко-педагогической литературы, изданной на рубеже XX–XXI вв. Отметим, что к понятию «регионология» примыкают понятия синонимичного ряда «регионалистика», «регионоведение», «регионализм» и др. Корневым термином выступает понятие «регион», которое не имеет однозначной трактовки. Проведенный А.Н. Лапшиным (2000) анализ «многочисленных подходов к определению понятия... позволяет сделать вывод, что каждый из них основывается на разворачивании одного или нескольких признаков [региона]: территория, экономическая сфера, социально-политическая структура, демографические характеристики и т.д.» [94, с. 10]. С.В. Донских (2005), замечая, что все имеющиеся определения классифицированы с позиции функционального и гуманитарно-

субстанциональных подходов [61, с. 75], считает верным не ограничиваться одним из них, поскольку «для глубокого изучения региона необходимо использование обоих из этих подходов» [61, с. 78]. Иными словами, исследователь предлагает новый, интегрированный подход. При опоре на функциональный подход регионы выделяются на основании административно-территориального деления как нечто самоочевидное и выступают объектами практико-ориентированных исследований устоявшихся научных дисциплин (политологии, экономики, истории и т.п.). [61, с. 75]. Нередко указанный подход представлен при определении понятия «регион» в справочниках и словарях [15, с. 67–69; 203]. Исследователи, применяющие гуманитарно-субстанциональный подход, в наиболее общем виде рассматривают регион как некое «социокультурное понятие... знаково-символическое пространство объединенных совместной деятельностью и взаимодействием людей» [89, с. 20]. В границах данного понимания обсуждаются вопросы регионального деления Беларуси и его истоков (А.И. Жук, А.И. Локотко) [66; 97], особого регионального самосознания населяющей регион общности, группового чувства принадлежности к «малой родине» (С. Донских) [61, с. 77] и др.

Использование интегрированного подхода в социально-гуманитарном знании позволяет рассматривать регион как сложноорганизованную систему, имеющую физико-географический, историко-культурный и антропологический аспекты [61, с. 76], а также административно-политические, экономические, социокультурные и организационно-педагогические подструктуры [45, с. 269–270]; регион понимается как *территориальная и социально-культурная общность*, представляющая «уникальное сочетание природных, экономических, социальных и политических процессов», обеспечивающая «социальное воспроизводство в биоэкологическом, экономическом, образовательном, научном, социокультурном и других аспектах» [88, с. 29], (приложение А).

В историко-педагогическом знании эволюция регионологии осуществлялась в отношении анализа понятий «*региональная образовательная система*» (Э.Д. Днепров, 1999), представляющая «единый целостный образовательный комплекс... который мобилизует, интегрирует в себе весь образовательный потенциал региона, его финансово-экономические, материально-технические, кадровые, научно-методические и прочие составляющие» [45, с. 270], и «*регионализация образования*». Последняя рассматривалась в качестве задачи региональной образовательной политики, а также *парадигмы и принципа* организации образования [45, с. 269; 298]. Заметим, что белорусский педагог Н.К. Катович (1999) понятие «регионализация образования» определяет как «учет в воспитании специфики местных, сложившихся исторически социокультурных особенностей и традиций, способствующих становлению личности патриота и гражданина» [77]. В свою очередь, понятие образовательно-

воспитательный регион представляет «определенную территорию с аналогичной или близкой внешней воспитательной средой, в пределах которой формируется общность людей для решения одинаковых или сходных педагогических проблем на основании учета местных географических, экологических, исторических, этнографических, социальных, экономических, национальных и религиозных факторов и традиций» [77, с. 38]. Новое видение регионализации образования предложил российский педагог П.Ю. Утков (2004). По его мнению, «регионализацию образования следует рассматривать как процесс максимального приближения образовательной сферы к реальным потребностям школы с учетом специфики региона, его культурно-исторических особенностей» [235, с. 83].

Российский исследователь педагогики А.К. Костин (2005), говоря о том, что «в настоящее время нет общепризнанной трактовки» региональной образовательной системы [88, с. 28], предлагает рассматривать понятие «*региональное образовательное пространство*» как базовое и являющееся предметом педагогической регионологии. По мнению российских педагогов И.П. Чепуршкина, Н.Б. Пугачевой (2008), педагогическая регионология также представляет собой «раздел педагогики, изучающий региональное образовательное пространство, т.е. педагогические аспекты территориальной организации общества (его отношение к образованию)» [243, с. 10]. Региональное образовательное пространство определяется как совокупность научно-образовательных, культурно-просветительских и др. институтов, СМИ, общественных организаций и социальных систем, а также социально-психологических стереотипов мышления, ориентированных на потребности образования и решение его проблем [243, с. 11].

Одновременно в российской регионологии вычленяется ее историко-педагогическая область. Т.С. Буторина, стоявшая у истоков данной отрасли знания, в качестве *предмета педагогической регионологии* рассматривает «изучение толерантности региональных и национальных приоритетов, историко-педагогических и социально-культурных особенностей региона, влияющих на формирование и развитие личности» [22]. Историком педагогики Е.А. Смягликовой (2007) раскрывается суть педагогической регионологии с позиции системного подхода, которая понимается как «особая область педагогического поиска, предметом которой является изучение регионально-национального компонента в области воспитания и образования, историко-педагогических и социокультурных особенностей региона, влияющих на формирование и развитие в нем личности» [218, с. 4].

В отечественной историко-педагогической науке регионологическая тематика развивается в рамках научной школы А.П. Орловой [144]. В частности, исследуются исторические особенности образовательного пространства Витебщины. В настоящее время понятийно-терминологический аппарат данной отрасли знания применительно к условиям белорусской

системы образования находится в процессе разработки. В нашем понимании историко-педагогическая регионология – это ответвление педагогической регионологии, изучающее исторически сложившийся воспитательный опыт и процессы развития системы образования в границах конкретного региона либо его части.

Таким образом, отечественная историко-педагогическая регионология во второй половине XIX в. стихийно развивалась в русле краеведческого направления родоноведения; краеведческий материал накапливался в трудах фольклористов, этнографов и историков. В начале XX в. была предпринята попытка внедрения краеведения в практику народного учителя; возросло количество краеведческих обществ. В первые годы советской власти разрабатывались теоретические основы педагогического и научного краеведения. Краеведческое движение, представленное централизованной сетью краеведческих организаций, достигло своего расцвета, однако впоследствии было свернуто и в 1938 г. ликвидировано. В годы Великой Отечественной войны краеведение возобновляется в практике школьного учителя. Одновременно развивается региональная тематика советской историко-педагогической науки. С распадом СССР актуализировалась потребность переосмысления педагогического наследия, накопленного в регионах. На рубеже XX–XXI вв. зарождается и развивается регионология как интегрированная отрасль научного знания. В отечественной науке разрабатывается методологическая база современных региональных историко-педагогических исследований.

1.2 Историко-педагогические источники исследования системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в.

По мнению советского и российского историка педагогики З.И. Равкина, эмпирическую базу историко-педагогического исследования составляют факты, «позволяющие освоить историко-педагогический процесс в его наиболее существенных чертах и специфически присущих ему событиях» [199, с. 13]. В наиболее общем виде факт понимается «как известный фрагмент изучаемого целостного явления, объективное событие, ситуация» [199, с. 13]. По определению советского и российского историка Д.И. Раскина, «все, что может нести информацию о фактах реальной действительности», рассматривается в качестве исторического источника [202, с. 89]. В свою очередь, историко-педагогический источник – это «продукт социальной деятельности, содержащий в виде некоторой знаковой системы информацию об общественных процессах воспитания и обучения, закрепляющий эту информацию и обладающий потенциальными условиями для включения этой информации в систему ис-

торико-педагогических знаний» [202, с. 91]. Данное определение было предложено исследователем в 1986 г. на страницах сборника научных трудов сотрудников Научно-исследовательского института общей педагогики Академии педагогических наук СССР «Актуальные вопросы историографии и источниковедения...» [202]. Д.И. Раскин в своей статье отследил генезис историко-педагогического источниковедения, отметив, что в советской историографии источники подразделялись на *собственно источники* и *«предисточники»* (Н.П. Ковальский), *потенциальные и реальные* (И.Д. Ковальченко), *массовые и уникальные* (И.Д. Ковальченко, В.И. Стрельский, Б.Г. Литвак и др.) [202, с. 91–105]. Ссылаясь на классификацию историка С.О. Шмидта [248, с. 9–13], Д.И. Раскин разделил историко-педагогические источники на *письменные, вещественные, изобразительные и звуковые*. По мнению исследователя, «для историко-педагогических источников характерно заметное преобладание письменных» [202, с. 91]. Д.И. Раскин также обосновал *специфические виды историко-педагогических источников*, к которым он отнес *учебники и учебные пособия, акты государственного законодательства, делопроизводственную и учебную документацию (классный журнал, ученический дневник, протоколы заседания педсоветов и др.), мемуары и дневники, периодику, публицистику и педагогическую литературу* [202, с. 105–107].

С распадом СССР в 1991 г. проблемы историко-педагогического источниковедения выпали из поля зрения отечественных исследователей. Исключение в отечественной историко-педагогической науке составили работы Т.Г. Шатюк [245; 246]. Исследователем была разработана авторская модель классификации историко-педагогических источников, основанная на информативном подходе, исходящая из трех аспектов информации – *синтаксическом, прагматическом и семантическом*. Так, *синтаксический аспект* целесообразно использовать только на этапе начального сбора информации. *Прагматический аспект* информации в отношении классификации историко-педагогических источников более конкретизирован и подчинен собственно цели исследования. *Семантический аспект*, по мнению Т.Г. Шатюк, тождественен самой систематизации источников [245, с. 65–66]. Исследователь подчеркивает необходимость комплексного использования всей базы источников, а также пишет о единстве трех аспектов информации. Примером классификации по *синтаксическому признаку*, по мнению Т.Г. Шатюк, является *классификация С.О. Шмидта*, указанная выше, где *письменные источники* наиболее полно отражают *прагматический аспект* информации. В свою очередь, Т.Г. Шатюк разделяет их по родам на *документальные и повествовательные, опубликованные и неопубликованные (архивные)*. *Документальные источники* подразделяются по видам на *актовые, делопроизводственные, статистические и картографические*. Каждый из этих видов имеет свои подвиды и подструктуры. *Повествовательные источники* подразделяются по видам на лич-

ные (письма, дневники, мемуары); художественно-публицистические (художественные произведения и периодическая печать); исторические (исторические повести, хронографы, летописи) и научные (исторические, педагогические, философско-социологические труды, географические описания) [245, с. 64–65]. В группе исторических источников, по мнению Т.Г. Шатюк, отдельно выделяются *собственно педагогические*, к которым относятся учебники, руководства, учебные пособия; учебные планы, программы, расписания, планы уроков; протоколы педсоветов, классные журналы, отчеты, записи преподавателей, связанные с учебным процессом; учебные тетради, конспекты, сочинения и др. [245, с. 64, 69]. Таким образом, классификация, разработанная Т.Г. Шатюк, в наиболее общем виде охватывает всю типологию историко-педагогических источников.

В отношении классификации и типологии источников исследования системы образования на белорусских землях второй половины XIX – начала XX в. интерес представляют работы современных отечественных историков Т.В. Воронич и М.А. Ступакевич [30; 224]. Т.В. Воронич (2005) все имеющиеся источники классифицирует на *опубликованные, неопубликованные (архивные) и материалы периодической печати*. При этом историк рассматривает *законодательные и делопроизводственные, справочные и статистические материалы*, а также *публицистику*, представляющую «сравнительно небольшую группу» [30, с. 8]. М.А. Ступакевич (2006) использованные документальные материалы делит на *опубликованные и неопубликованные*. К первой группе источников относятся *законодательные акты* (положения, законы, постановления, распоряжения и т.п.), *делопроизводственная документация* (циркуляры, доклады, отчеты, обзоры), *публицистика* (материалы периодической печати), *статистические материалы* (статистические сборники, «Обзоры», «Памятные книжки» и т.п.), *воспоминания, мемуары* – «воспоминания, юбилейные сборники, мемуарная и художественная литература». К неопубликованным источникам исследователь относит архивные материалы [224, с. 10–13].

По нашему мнению, в основе типологии и классификации историко-педагогических источников должны лежать критерии информативности, актуальности и достоверности. Анализ имеющихся публикаций по вопросам источниковедения системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. позволяет сформулировать следующие выводы. Прежде всего, наиболее информативную базу представляют архивные источники «громadные массивы которых», как утверждал Э.Д. Днепров, «еще остаются нетронутыми» [44, с. 21]. На основании проведенного нами исследования, *архивные источники* делятся на *самостоятельные педагогические*, включающие школьную документацию, *документальные* (законодательные, делопроизводственные, статистические) и *личные* (мемуары, письма и т.п.). В условиях развивающегося информационного общества в группе *опубликованных источников* вы-

деляются *традиционные (бумажные)* и *виртуальные*, представленные *электронными ресурсами библиотек и ресурсами удаленного доступа*. Однако использовать последние, представленные в широком доступе в Интернете, по нашему мнению, следует с осторожностью, поскольку содержащаяся в них информация нередко характеризуется излишним исследовательским субъективизмом и не всегда достоверна. *Опубликованные историко-педагогические источники* делятся на *собственно педагогические* (учебные планы, программы, расписания, отчеты и т.п.), *документальные* (законодательные, делопроизводственные статистические и т.п.) и *повествовательные*. Последние целесообразно разделять на «*публикации исследуемого периода*» (в нашем случае, это вторая половина XIX – начало XX в.) и «*публикации последующего периода*», советского и постсоветского. По авторитетному заявлению советского и российского историка педагогики С.Ф. Егорова, «в большинстве историко-педагогических работ советского периода наследие отражается односторонне, поскольку в соответствии с господствующей методологией историческая наука рассматривалась «как политика, опрокинутая в прошлое» [63, с. 75], что, тем не менее, не исключает возможности обращения к исследованиям советского периода. Наконец, по видам *повествовательные источники* делятся на *научные, периодические, художественные*, а также *личные*.

Изученные нами историко-педагогические источники исследования системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. целесообразно делить на *архивные (неопубликованные)* и *опубликованные*. Отметим, что *архивные самостоятельные педагогические источники*, отражающие «внутреннее» содержание и наполнение педагогического процесса, организованного в учебных заведениях региона, содержатся в фондах Национального исторического архива Беларуси в Минске. Прежде всего, это фонды Дирекции народных училищ Витебской губернии, Полоцкого Епархиального училищного совета, Витебского губернского правления, Витебской гимназии и др. [260; 261; 263–268; 270]. В них содержатся билеты и журналы учета посещаемости и поведения учащихся [263, д. 482], протоколы заседаний педсоветов и программ литературно-вокальных вечеров, «дела об ученических экскурсиях» и др. [266, д. 133; 267, д. 94, 96, 120, 246, 258], учебные планы по отдельным дисциплинам, программы работы частных, бесплатных, вечерних, женских, дошкольных, начальных, ремесленных, профессиональных и др. учебных заведений [259, д. 2181; 263, д. 1321, 1659, 1827, 1936, 2167, 2307, 3029, 3037, 3541, 3806, 3820, 3908, 4227; 270, д. 18 и др.]. Вниманию исследователей могут быть представлены конспекты пробных уроков испытуемых на получение звания учительницы высшего начального училища, а также отчеты домашних учителей о проделанной с воспитанниками работе [263, д. 2167; 268, д. 231].

Приступая к рассмотрению *архивных документальных источников*, заметим, что их значительное количество хранится в архивах Минска и

Санкт-Петербурга, и частично – Витебска. *Законодательные источники*, включающие приказы, предписания, распоряжения, циркуляры и др., также содержатся в фондах Национального исторического архива Беларуси. Примером могут служить циркуляры из попечительства округа, переписка Витебской дирекции с инспекторами, различные дела о «запрещениях», введении новых предметов, замене классной системы преподавания на урочную и др. [263, д. 1594, 1595, 1670; 265, д. 411, 497, 714; 268, д. 102, 175, 234, л. 32–34]. Вниманию исследователей может быть представлена *делопроизводственная документация*. Например, в архиве находятся списки (формулярные, послужные, наградные) и документы по личному составу учительского персонала церковных учебных заведений Витебской губернии, что позволяет сформировать представление об уровне педагогической подготовки и профессионализме педагогов региона второй половины XIX – начала XX в. [264, д. 112]. Фонды 2554 и 2645 содержат дела об освобождении учащихся «от платы за обучение» в Витебской гимназии и Витебском учительском институте [265, д. 346; 268, д. 83]. Фонд 2649 «Витебского губернского по делам об обществах присутствия» хранит значительное количество документов, посвященных учреждению и отчетам различных просветительских обществ, действовавшим в губернии в начале XX в. [269]. Их анализ позволяет сформировать представление о культурно-образовательном облике Витебщины. *Делопроизводственная документация*, включая отчеты об осмотре учебных заведений Витебской губернии, доклады о состоянии внешкольного образования региона и др., хранится также в фонде департамента народного просвещения Российского государственного исторического архива [272–280]. В фондах 733, 759, 1287, 1341 содержатся документы об открытии отдельных учебных заведений региона и об изменениях, происходящих в учебно-воспитательном процессе. *Делопроизводственный сборник* содержится в фонде 2289 Государственного архива Витебской области [258]. Наконец, наиболее обобщенные *статистические сведения* хранятся в фондах попечителя Виленского учебного округа, а также Дирекции народных училищ Витебской губернии Национального исторического архива Беларуси в Минске [262; 263].

В указанном архиве находятся материалы относительно развития школьного дела и просвещения Витебщины, по сути, носящие характер *мемуаров*. Интерес представляет фонд 2536 Полоцкого епархиального училищного совета [264]. Известно, что бурное развитие школ православного церковного ведомства на Витебщине, как и в других губерниях Виленского учебного округа, происходило в 80-е гг. XIX в. преимущественно за счет открытия школ грамоты, которые контролировались ведомством Святейшего Синода. В архивном документе, со слов уездного наблюдателя, повествуется об учителе школы грамоты. Некий крестьянин Полоцкого уезда Феодосий Данилович Полторуков организовал подобную школу, которая помещалась в курной избушке-истопке. Феодосий Данилович устроил в

ней дощатую перегородку, выбелил известью стены и потолок, прорубил окно, смастерил стол со скамьями и организовал обучение. В день приезда наблюдателя в школе грамоты обучалось 9 мальчиков и 1 девочка. У каждого из них была своя книжка. Дети, начавшие учиться первую зиму, умели читать и писать, знали первоначальные молитвы, обучались вычислению в уме. Они учились писать на грифельной доске либо на бумаге по образцам прописей, написанных самим учителем. В школе было организовано индивидуализированное обучение, с каждым учеником учитель занимался отдельно. Наблюдатель отмечал заботливое отношение наставника к детям, а также дружескую атмосферу и взаимоуважение, царившие в школе [264, д. 10, л. 161–164 об.]. Вышеописанное позволяет по-новому оценить значение школ грамоты в деле народного просвещения региона конца XIX в. и отметить их определенную просветительскую функцию.

Особенности обучения в учебных заведениях региона начала XX в. отражают *мемуары современников*, которые хранятся в архивах Витебского областного краеведческого музея и Музея истории образования Витебщины при Витебском областном институте развития образования [255; 256]. В первую очередь, интересны малоизвестные воспоминания И.П. Дейниса (1985), полоцкого краеведа, обучавшегося в 1910–1918 гг. в Витебской гимназии. В мемуарах содержатся сведения, характеризующие гимназию с положительной стороны. Автор подробно описывает здание гимназии, штат, профессорско-преподавательский состав, учебно-воспитательный процесс, акцентируя внимание на гражданском, религиозном и патриотическом воспитании, регламент занятий учебного заведения, а также особенности досуговой деятельности гимназистов [256]. В архиве Витебского областного краеведческого музея имеются воспоминания М.А. Сахарова, находящегося в должности учителя Витебской мужской гимназии с 1887 по 1907 г. В основном сведения посвящены волнениям 1905 г., а также предшествующим им событиям. В тексте повествуется о тайных «сходках» и революционной деятельности гимназистов. При этом автор подчеркивает лояльное отношение руководства учебного заведения к «требовательным» выступлениям учащихся [255].

Личная переписка государственных деятелей И.П. Корнилова, М.Н. Муравьева, витебского генерал-губернатора П.Н. Клушина в отношении учреждений образования региона с нижестоящими и вышестоящими инстанциями, представленная нашему вниманию, содержится в фондах 970, 733 и 1287 Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге [274; 279; 280].

Опубликованные педагогические источники включают, прежде всего, учебно-методические пособия, инструкции, программы для учебных заведений Виленского учебного округа и т.п., что позволяет сформировать представления об особенностях содержания образования в школах региона на разных ступенях обучения. Данные источники ис-

следовались нами в Национальной библиотеке Беларуси, Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), библиотеке Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Витебской областной библиотеке им. В.И. Ленина, Епархиальной библиотеке им. А.П. Сапунова в Витебске и др. [69; 73; 196–198; 225; 227].

Законодательные постановления опубликовывались на страницах региональных и окружных периодических изданий [110–119; 190–194] (указанные источники выделены нами в отдельную группу, о которой речь пойдет ниже).

Статистические сведения относительно грамотности городского и сельского населения Витебской губернии зафиксированы в общеимперских изданиях – «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.», «Однодневной переписи начальных школ в Империи 1911 г.» и др. [142; 183]. Сведения статистического характера по губерниям Виленского учебного округа помещены в сборник М.В. Довнар-Запольского «Исследования и статьи» [47]. Раздел, посвященный народному образованию, отражает положение школьного дела региона согласно статистическим сведениям 1887 г. [47, с. 430–436]. Сведения, освещающие состояние народной школы Витебской губернии, также имеются в многотомнике «Россия: Полное географическое описание нашего отечества...», вышедшего в начале XX в. под редакцией В.П. Семенова [204, с. 121–126].

Во второй половине XIX в. в Витебской губернии активизируется деятельность по сбору, анализу и обобщению сведений, касающихся состояния школьного дела и просвещения на территории региона. К опубликованным документальным делопроизводственным и статистическим источникам можно отнести «Памятные книжки Витебской губернии» и «Обзоры Витебской губернии», содержащие развернутые ведомости о числе учебных заведений региона различных типов [136–139; 166–180]. В группу региональных документальных делопроизводственных и статистических источников можно включить сохранившиеся «Отчеты», «Доклады», «Очерки» и т.п. о состоянии школьного дела Витебского училищного совета, Витебской дирекции, православных братств, епархиального учительского совета и др. [26; 48; 92; 93; 122; 123; 149–151; 163–165; 207]. Исследовательский интерес представляют отчеты и «исторические записки» различных учебных заведений региона – Витебской мужской гимназии, Спасо-Евфросиньевского женского училища, Двинского реального училища, Двинской женской гимназии и др. [82; 91; 105; 157; 158]. Определенные сведения, касающиеся работы с беспризорниками содержатся в отчетах Витебского благотворительного общества и Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов [153; 154; 156]. В начале XX в. просветительскую работу проводили комитеты попечительства о народной трезвости, занимавшиеся организацией воскресных школ и школ для взрослого населения [148]. От-

четы общества взаимопомощи учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии в некоторой степени позволяют рассмотреть положение народного учителя региона, а также определить роль данной организации в повышении профессионализма педагогов [159–161]. И наконец, отчет о деятельности Витебской ученой архивной комиссии позволяет оценить ее значение в развитии образования и просвещения региона [155]. Отдельные вопросы школьного дела Витебщины включены в ежегодные «Доклады...» губернской и уездных земских управ и др. источники [48–59; 242].

Переходя к группе *повествовательных источников*, отметим *материалы «исследуемого периода»*. Публицистические материалы по вопросам развития образования региона начала XX в., исследованные нами, содержатся в *периодической печати*. Прежде всего, необходимо отметить губернское издание «Полоцкие епархиальные ведомости», на страницах которого печатались статьи, посвященные вопросам народного просвещения [190–194; 249; 252]. Статьи педагогов и общественных деятелей Витебской губернии опубликованы в журналах «Народное образование в Виленском учебном округе...» [110–120; 228; 229].

Авторская оценка тех или иных явлений и «живых фактов» в истории образования Витебщины представлена в *опубликованных личных мемуарах и хрониках*. В автобиографической хронике С.С. Орлицкого (Окрейца) (1836 – после 1918) «Далекие годы» (1899 г.) есть воспоминания, посвященные обучению автора в Витебской Александровской гимназии в 50-е – начале 60-х гг. XIX в. [143]. Автор критически повествует о преобразованиях, происходивших в учебном процессе после вступления на престол Александра II. «Рутинные и негодные» методы преподавания отдельных уроков были заменены на новые – лекции. Однако на практике это могло сводиться к тому, что «учитель приносил какое-нибудь руководство и заставлял одного читать громко, а сам важно ходил гусем по классу» [143, с. 126]. Отдельные страницы отводятся так называемым «сходкам», имевшим место среди гимназистов, «ярких восстановителей Польши», с одной стороны, и «либералов, космополитов», с другой. В хронике повествуется об учителе русского языка Коновалове, распространяющем на своих занятиях вольнодумство, читавшего ученикам статьи из журнала «Колокол» [143, с. 136–139]. Такова субъективная оценка отдельным эпизодам, происходящим в жизни Витебской мужской гимназии накануне восстания 1863 г.

Авторская позиция относительно дореформенной школы Витебщины содержится в повести Н.Я. Никифоровского «Сельское школьное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застала его реформа 19 февраля 1861 г.» (1892) [127]. Автор классифицирует все школы дореформенного типа и выделяет церковные, панские, прикостельные, примонастырские, раскольничьи и другие «школки». Цер-

ковные школы организовывались священнослужителями практически в каждом приходе. Их основная цель заключалась, в том, чтобы выработать «столпы преданности православной вере». Такие «школки» обычно посещали 2–5 мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет. Школы не имели собственного помещения, располагались, как правило, в доме самого священника, а потому были тесны и неудобны. «Панские школки», открываемые помещиками, были неплохо оснащены материально, снабжены учебниками и учебными принадлежностями. Целью обучения в них выступала подготовка лакеев, писарей, счетоводов и подмастерьев. Как писал Н.Я. Никифоровский, «уже само комплектование школы было необычным: по заказу отбирались сюда одномастные (блондины), отличавшиеся стройной наружностью и не имевшие телесных недостатков» [127, с. 34]. Преподавание в таких школах осуществлялось исключительно на польском языке. Н.Я. Никифоровский акцентирует внимание читателя на методах школьного воспитания и обучения. Для всех школ дореформенного типа было характерно применение физических и психологических наказаний, чему автор посвятил целый раздел в своей работе [127, с. 37–40]. Вопреки имеющейся точке зрения, Н.Я. Никифоровский не столь критичен в отношении всех «школок», распространенных в 50-е гг. XIX в. Несмотря на то, что прикостельные школы были польскими и открывались, в первую очередь, с целью ополячивания белорусских крестьян, исследователь все же отмечает, что большую половину обучающихся в этих школах составляли девочки, им отводилось почетное место среди товарищей-мальчиков. Такая ситуация в дореформенный период не встречалась в других школах. Н.Я. Никифоровский справедливо замечал: «Дальновидные служители католичества и полонизма понимали настоящую цену грамотных матерей, к образованию которых и направляли свои воспитательные силы» [127, с. 36].

Определенные сведения о состоянии народной школы Витебщины 80-х гг. XIX в. содержатся в опубликованном *дневнике* «Тяжелая доля...» [233]. Неизвестный автор красноречиво повествует о невыносимых условиях труда народных учителей Витебской губернии и недостатках организации школьного дела. *Мемуары* бывшего воспитанника Полоцкой учительской семинарии Юрия Окрейца приведены в историко-документальной хронике Полоцка «Памяць...». Акцентируя внимание на суровости воспитания и жесткой организации режима семинарии, автор, тем не менее, допускает, что такое воспитание могло быть необходимым, поскольку оно не позволяло крестьянским мальчикам, не знающим городской жизни, «сбиться с пути» [181, с. 304].

Опубликованные фольклорно-этнографические и историко-краеведческие труды В. Астаповича, М.О. Без-Корниловича, И.Д. Горбачевского, Д.И. Довгяло, И.И. Долгова, О.М. Киселева, Н.Я. Никифоровского, А.П. Сапунова, А.М. Сементовского, В.К. Стукалича,

А.Р. Пщелко, П.В. Шейна, более подробно освещенные нами во второй главе, отражают значительный пласт средств и методов народной педагогики региона, а также генезис отдельных школ Витебщины [17; 37; 46; 64; 125–127; 200; 208; 209; 212; 222; 223].

Первые попытки анализировать и прогнозировать развитие народного образования Витебской губернии отражены в *научных трудах*, имеющих характер *монографий*. Определенный исследовательский интерес вызывает работа И.А. Самойловича «Экономическое положение народного образования... в Витебской губернии» (1903) [206]. В ней автор рассматривает образование и просвещение в качестве ведущих факторов роста благосостояния народа и государства, прогнозирует сроки введения всеобщего обучения, анализирует состояние школьного дела в целом, подчеркивает необходимость развития женского и профессионального образования региона и др. По нашему мнению, к этой группе источников можно отнести работу Н.Г. Матвеева «Краткий обзор деятельности управления по делам земского хозяйства...» (1910) [102]. Несмотря на то, что по содержанию и структуре она напоминает отчет, в ней представлено авторское видение в решении той или иной проблемы в системе народного образования региона.

Традиции и идеи народной педагогики Витебской губернии, включая любовь к родной земле, уважительное отношение к труду, почтительное отношение к родителям и старшим и др., содержат *лирические и прозаические художественные произведения*, написанные уроженцами региона К. Вереницыным, Э.Ф. Вулем, А. Ельским, И.Д. Орловским [64; 145; 205, с. 213, 220].

Характеризуя *повествовательные источники «последующего периода»*, обратим внимание, что в советский период и вплоть до середины 1980-х гг. история школы Витебщины не была объектом специального научного поиска. И лишь в 1987 г. появляется публикация «Народное образование на Витебщине за 70 лет советской власти», написанная С.В. Селицким (1914–1994) [211]. Необходимо отметить, что источник имеет тенденцию отображать и подчеркивать недостатки дореволюционной школы, сквозь него красной нитью проходит мысль: «Дооктябрьская Витебщина была одной из многочисленных царских окраин с полуфеодальной экономикой, с весьма отсталым сельским хозяйством, с забитым и задавленным нуждой и культурной отсталостью населением» [211, с. 1]. Несколькоими годами раньше вышли работы «Асвета і педагагічная думка ў Беларусі» (1985) и «Антологія педагогічнай думкі Беларускай ССР» (1986), отдельные разделы которых посвящены педагогам и просветителям Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. [4; 10]. Как было указано выше, на современном этапе вопросы школьного дела и просвещения Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. представлены преимущественно публикациями историков и краеведов в периодических

изданиях и за редким исключением – в составе научных трудов [30; 32; 33; 106–108; 130; 188; 230; 231; 241]. Внимание исследователей привлекают труды историков Т.В. Воронич «Губернский город Витебск на рубеже XIX–XX вв.» [30], где система образования представлена как важный показатель социально-экономического развития, С.М. Восовича «Православные братства Витебщины и их культурно-просветительская деятельность в 1861–1914 гг.» [32], где анализируется вклад соответствующих церковных организаций в развитие просвещения региона, а также работа А.В. и Ю.А. Русецких «Художественная культура Витебска с древности до 1917 года» [205], посвященная развитию художественной культуры и художественного образования Витебщины.

Самостоятельную группу источников, использованных нами, занимают самостоятельные *цифровые источники*: ресурсы удаленного доступа, представленные в открытом доступе в Интернете [22; 81; 213; 251]. Однако практически все виды описанных нами опубликованных источников (прежде всего, материалы дореволюционного периода, а также современные российские диссертации и авторефераты) имеют оцифрованные аналоги, представленные в виртуальных читальных залах, что позволяет отнести их в подгруппу электронных ресурсов библиотек.

Таким образом, наиболее информативными источниками по развитию истории образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. являются письменные, которые могут быть архивными (неопубликованными) и опубликованными. К архивным (неопубликованным) источникам относятся: педагогические (учебные планы, программы, расписания, планы уроков, протоколы педсоветов, классные журналы, отчеты, записи преподавателей, связанные с учебным процессом, учебные тетради, конспекты, сочинения и др.); документальные (делопроизводственные, законодательные и статистические); личные (воспоминания, мемуары, письма).

Письменные опубликованные источники целесообразно разделять на две большие группы: традиционные (бумажные) и цифровые, охватывающие практически все виды опубликованных источников. Последние делятся на педагогические, документальные (делопроизводственные, законодательные, статистические) и повествовательные. Повествовательные источники включают литературу исследуемого и последующего периодов. По видам повествовательные источники включают периодику (газеты, журналы), личные (дневники, воспоминания, хроники), научные труды (монографии, справочники, этнографические, исторические труды и т.п.), художественные произведения (поэтические и прозаические) (рисунок 1.1).

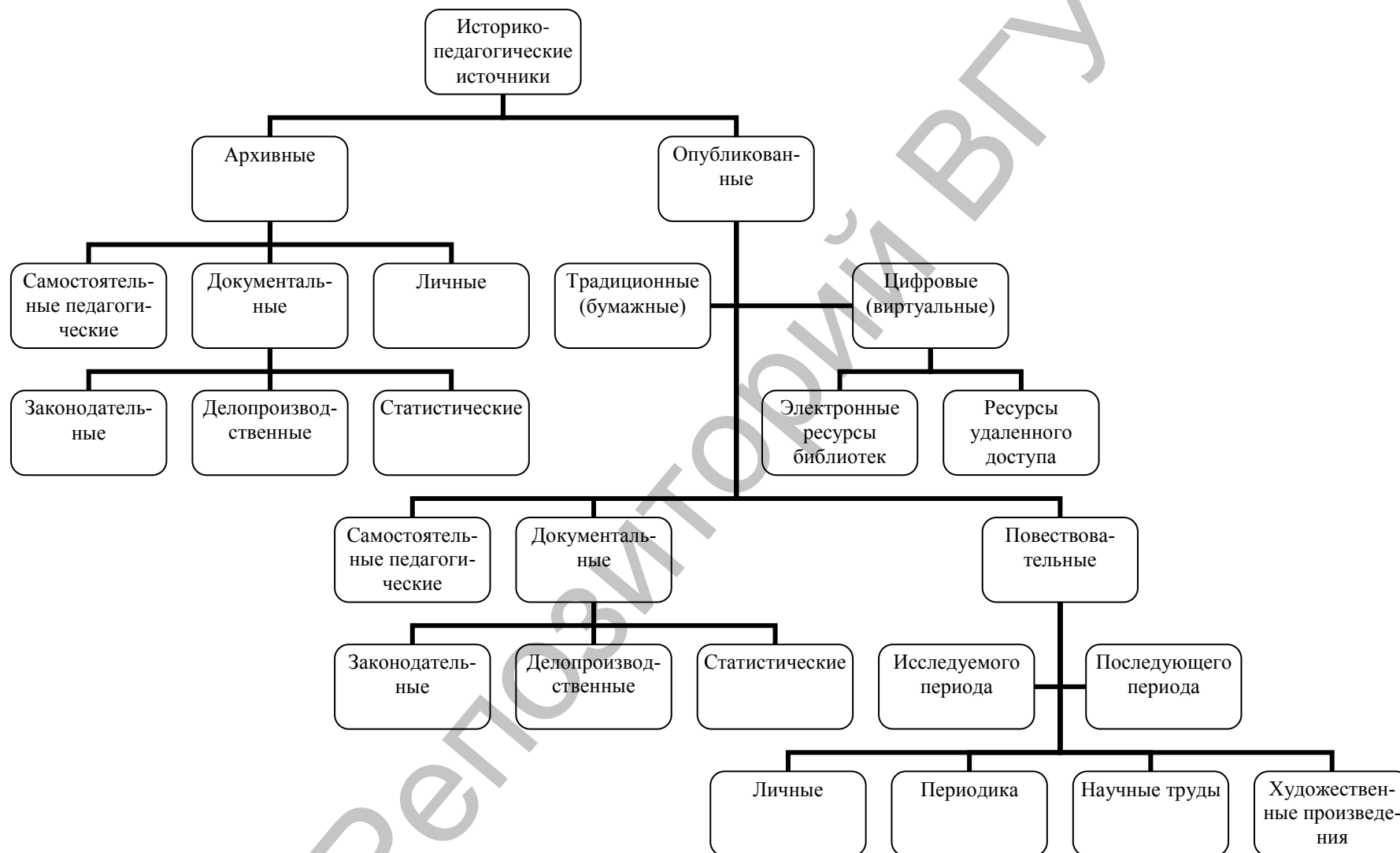

Рисунок 1.1 – Историко-педагогические источники исследования системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в.

1.3 Ведущие факторы развития системы образования Витебской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.)

Развитие школьного дела и просвещения Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. происходило при взаимодействии различных факторов, среди которых ведущие место занимали проведение образовательной политики Российской империи, потребности социально-экономической сферы, этнокультурное своеобразие региона, активизация меценатской деятельности и общественно-педагогического движения и др.

Политические факторы. Укрепление позиций начальной школы на белорусских землях во второй половине XIX в. было подчинено целям обрусения местного населения. На северо-западные губернии до 1903 г. не распространялась земская реформа 1863-х г., тем самым предотвращалось «польское» влияние местной интеллигенции на широкие крестьянские массы посредством устранения от управления народной школой. В 1863 г. были приняты «Временные правила...», в соответствии с которыми в состав учебных предметов светской народной школы белорусских губерний входили: Закон Божий, русский язык, четыре действия арифметики, церковное пение. В том же году была утверждена Витебская дирекция народных училищ [28, с. 432–433]. С этого момента в Витебской губернии начался процесс подчинения школ всех типов и ведомств Министерству народного просвещения, что было достигнуто к середине 1870-х гг. Это имело определенные положительные стороны. Количество школ возрастало, за качеством учебно-воспитательного процесса осуществлялся контроль, учителям оказывалась методическая помощь. В 1864 г. Витебская губерния была подчинена Виленскому учебному округу, в составе которого находилась на протяжении всего рассматриваемого периода времени [213].

В середине 1880-х гг. в сфере начального образования Беларуси свои позиции значительно укрепила православная церковь, что было обусловлено изменением образовательной политики российского правительства, связанного с усилением религиозности и консервативных начал. В 1884 г. были приняты «Правила о церковноприходских школах», утвердившие роль православия в образовании, что привело к значительному росту школ церковного ведомства. Несмотря на имеющиеся недостатки, церковные школы вплоть до конца XIX в. выполняли важную просветительскую функцию, содействуя образованию многочисленной крестьянской массы. Тем не менее, к концу XIX в. количество всех школ не позволяло удовлетворить потребность в элементарном образовании широких слоев населения. Результатом становилось «тайное обучение». Процесс народного образования находился под пристальным вниманием со стороны царских властей, попытки «тайного обуче-

ния» влекли строгое наказание на основании положения 1892 г. [10, с. 350]. В целом, к концу XIX в. в Витебской губернии в отношении образования сложилась несколько противоречивая ситуация. С одной стороны, в 1897 г. в шести губерниях Виленского учебного округа средняя грамотность оказалась на уровне 17% [114, № 12, с. 516–517], в то же время в Витебской губернии уровень грамотности среди населения составил 24,6% [36, с. 54]. Показатели образованности среди новобранцев Витебщины 1896 г. превысили среднеимперские 1898 г. [65, л. 198], [122, с. 3]. С другой стороны, на 1 января 1900 г. соотношение учащихся ко всему населению Витебской губернии составило 3,01 (в 1899 г. – 2,08) [204, с. 122] (приложение Д), что было одним из самых низких на восточно-белорусских землях. Ниже будет указано, что некоторая часть сельского населения Витебской губернии, преимущественно латышей, получали домашнее образование, что объясняет относительно высокий уровень грамотности населения региона конца XIX в., несмотря на незначительное количество учащихся в народных училищах.

В начале XX в. в условиях обострившейся внутривосточной ситуации и мощного общественно-педагогического движения правительство было вынуждено пойти на уступки. 24 августа 1906 г. были отменены наказания за тайное обучение [113, № 1, с. 7; 220, с. 50]. Циркуляром от 5 декабря 1906 г. упростилась процедура открытия начальных, народных, приходских одноклассных и двухклассных училищ частными лицами, обществами и учреждениями [113, № 2, с. 59–62], благодаря чему их количество возросло.

В отношении средней школы политика Российской империи также не была однозначной. На протяжении второй половины XIX в. предпринимались попытки сдерживания развития мужского среднего образования, что явилось реакцией на восстание 1863 г.; существовали ограничения по этноконфессиональному признаку – преимущества отдавались лицам православного вероисповедания [28, с. 441–442], циркуляр 1887 г., известный как «циркуляр о кухаркиных детях» [74, с. 107], ограничивал доступ к гимназическому образованию непривилегированных слоев населения. Однако после восстания 1863 г. царское правительство занялось организацией женского образования, в том числе среднего. Создание ряда правительственных женских школ, по мнению М.Н. Муравьева, могло послужить цели «парализации размножения» польских школ [274, л. 17]. Таким образом, сеть женских учебных заведений создавалась исключительно с целью предотвращения польско-католического влияния на женское население губернии. Первоначальный упор был сделан на развитие школ духовного ведомства, служащих источником проведения национально-охранительной политики царской власти. Так, историки педагогики Э.Д. Днепров, Р.Ф. Усачева в пособии «Женское образование в России» приводят слова из всеподданнейшего

доклада 1863 г. в отношении западных губерний империи: «Развитая образованная женщина духовного сословия могла бы быть великою нравственною силою в крае, где и воспитанники, и образование духовного юношества находятся в очень неудовлетворительном состоянии» [42, с. 203]. Таким образом, восстание 1863 г., имевшее отрицательное влияние на развитие мужской средней школы Беларуси, косвенным образом стимулировало развитие женского образования белорусских губерний, в том числе Витебской, о чем более подробно освещено во второй главе монографии.

Расширение начального образования, проведение политики русификации в широкие крестьянские массы актуализировало потребность в подготовленных педагогических кадрах, что вынуждало власти открывать учебные заведения, готовившие учителей народных училищ. В период с 1872 по 1915 г. в регионе было учреждено 3 учительские семинарии (Полоцк, Двинск, Невель). В начале XX в. в губернии учреждались педагогические курсы, педагогические классы при светских и духовных учебных заведениях; педагогическая подготовка осуществлялась во второклассных и церковно-учительских школах церковного ведомства. Важнейшими событиями стали открытие Витебского учительского института (1910), а также Витебского филиала Московского археологического института (1911), первого высшего учебного заведения на территории современной Беларуси начала XX в. [26, с. 10; 28, с. 473; 49, доклады по народному образованию, с. 15; 106, с. 16–17; 111, № 5, с. 23; 146, с. 11–13; 147; 262, д. 20, л. 63–63 об.].

Положительную роль в деле развития народного образования сыграла земская реформа, распространенная на территорию Витебской губернии в 1903 г. [10, с. 371; 220, с. 50–51]. С этого момента в регионе фактически зародилось учебное заведение нового типа – земская школа, осуществлявшая обучение по светским программам, вытесняя более консервативные школы церковного ведомства. Земство выделяло значительные средства на постройку, ремонт и оснащение материально-технической базы школьных зданий, организацию при школах сельскохозяйственных курсов и др. [52, с. 5–6; 102, с. 22–31, 34–37, 39–40, 44].

В 1904–1908 гг. губернским земским комитетом разрабатывался проект плана школьной сети с целью введения всеобщего обучения, рассчитанного на осуществление в 30-летний срок [117, № 1, с. 25–33]. Заметим, что план всеобщего проектировался, исходя из статистических данных переписей 1897 и 1907 гг. Количество детей школьного возраста (8–11 лет) отдельно не фиксировалось. Для определения их доли по циркулярному предложению управления Виленского учебного округа брали 1/7 часть от всего населения. Однако другие статисты для определения количества детей указанного возраста предлагали рассматривать 1/10 часть населения [206, с. 23], таким образом, их количество

варьировалось. По данным переписи 1897 г. в регионе число детей 8–11 лет равнялось 121335 человек, но по результатам переписи 1907 г. эта цифра оказалась меньшей – 120490 человек. На 1 января 1907 г. «Таблицами сметного исчисления расходов Министерства народного просвещения на введение всеобщего начального обучения в Российской империи» официальная цифра детей школьного возраста в регионе была принята в количестве 140748 человек, максимальная из возможных. Однако признавалось, что наблюдавшаяся в губернии эмиграция могла стать причиной сравнительно незначительного увеличения числа детей. Тем не менее, для введения всеобщего начального обучения в Витебской губернии было решено открыть 2815 школ с 50 учащимися в каждой, а также решить вопросы кадрового обеспечения [102, с. 34–35; 117, № 1, с. 29–32].

В целях осуществления данного проекта только за одно десятилетие (1903–1912 гг.) земство открыло 907 школ [123, с. 7]. Наиболее плодотворными стали 1907–1910 гг., когда земство учредило 608 училищ с 29 комплектами. В 1907 г. около 22,7% сельских мальчиков и 5,6% сельских девочек в возрасте 8–13 лет посещали начальные школы [242, с. 45]. Как отмечалось в отчете из Управления Виленского учебного округа, в 1907 г. по степени доступности училищ Министерства народного просвещения в наиболее выигрышном положении находилась Витебская губерния – одна школа приходилась на 3324 обоюбого пола жителей, в то время как по округу в среднем – на 4264. На одного учителя в министерских училищах региона приходилось в среднем 46 учащихся, что было ниже установленной министерской нормы в 50 человек. В то же время средняя цифра по округу равнялась 58 человек. Относительно невысокая для своего времени наполняемость классов способствовала результативности школьного обучения. В 1907 г. доля детей, окончивших курс начальных училищ, в среднем по округу составила 8% [114, с. 346–351], тогда как на Витебщине она равнялась 10,6% в министерских училищах и 14,2% в школах церковного ведомства [214, с. 22]

Заметим, что в 1907 г. доля средств, выделяемых на развитие начального образования со стороны земств в регионах Виленского учебного округа, наибольшей была в Витебской губернии и составила 54,4% от всех ассигнований [114, № 9, с. 352]. Благодаря усилиям земства уже в 1910–1911 учебном году в школах Витебской губернии, преимущественно народных, обучалось 59573 учащихся, т.е. более 40% от количества детей школьного возраста, принятого в 140000 [102, с. 37; 117, № 1, с. 28].

К началу 1910 г. во всех типах начальной народной школы состояли на службе 700 учителей и 742 учительниц [117, № 1, с. 29–31]. Женская квота в среде педагогического персонала Северо-Западного края преобладала только в Витебской губернии. По-видимому, необходимость в короткий срок решить вопросы кадрового обеспечения вынуждало земство устраивать на работу в школы выпускниц женских

гимназий и духовных училищ, поскольку мужские учительские семинарии не могли в полной мере обеспечить решение кадровой проблемы.

Земство способствовало приобретению среднего и среднего специального образования среди непривилегированных слоев населения, выплачивая стипендии в учебных заведениях различного типа. Земские организации финансировали учительские командировки на курсы внутри губернии и за ее пределами, а также содействовали лицам женского пола в получении специального медицинского образования, что подтверждают документально зафиксированные случаи выделения земских стипендий слушательницам на обучение в медицинских учебных заведениях [49, доклады по народному образованию, с. 19, 36–42; 50, с. 14–16; 51, с. 27; 53, с. 131–132, 143–146; 54, с. 85–86; 56, с. 105–106; 57, с. 48–49, 50–52; 59, д. № 18; 116, № 2, с. 179; 258, д. № 10, л. 179 об.].

Занимаясь организацией народного просвещения, земство устраивало публичные лекции, чтения и беседы по вопросам распространения сельскохозяйственных знаний, а также популяризации гигиенических сведений [58, с. 45–49]. В 1913 г. в Витебской губернии были организованы 442 беседы по вопросам различных отраслей сельского хозяйства с привлечением 19518 слушателей. Сельскохозяйственные курсы для народных учителей в 1913 г. были организованы Себежским земством при Лужеснянском сельскохозяйственном училище. Программа курсов включала химию и физику повышенного курса, сведения из метеорологии, основы ботаники и общего земледелия, основы зоологии и общего животноводства, пчеловодство и огородничество и др. [118, № 11, с. 594–595]. В том же году земскими органами было устроено 28 различных профессиональных курсов продолжительностью от 2 до 4 недель, причем «недостаточные курсисты получали пособие на свое содержание» [119, № 6–7, с. 330]. В 1913 г. земской комитет рассматривал вопросы организации губернского земского книгоиздательства, в том числе возможность печати учебников. Был разработан и принят к осуществлению соответствующий проект [51, с. 57–64].

Социально-экономические факторы. Во второй половине XIX – начале XX в. более 80% жителей региона проживали в сельской местности. Облик поселений Витебской губернии имел свои особенности. Типичная деревня включала не более 5 дворов. Сложные условия для ведения земледелия вынуждали крестьян заниматься лесными промыслами, извозом, строительством, рыболовством. Большое значение играло отходничество в крупные городские центры [80, с. 250]. Согласно сведениям 1867 г., удельный вес городского населения Витебской губернии составлял 13%, что превышало не только среднебелорусские, но и среднеимперские показатели [67, с. 554]. К концу XIX в. доля городского населения губернии несколько увеличилась и в 1897 г. равнялась 14,6% [204, с. 131–132].

В 1861 г. через Витебскую губернию впервые пролегла железная дорога, а в 1868 г. железная дорога соединила Витебск, Полоцк и Двинск [168, с. 9–11]. Строительство железных дорог способствовало укрупнению городов, налаживанию межрегиональных и внутригубернских торговых, экономических и культурных связей. В 1873 г. в Витебске было открыто отделение Рижского коммерческого банка, а в 1874 г. – Общество взаимного кредита [168, с. 9]. Приток капиталов активизировал рост фабрично-заводского производства, сконцентрированного в крупных административных центрах. Таким образом, технический переворот, завершившийся в российской промышленности в начале 1880-х гг. [84, с. 154], оказал непосредственное влияние на развитие промышленного производства региона и его социально-экономический облик. На рубеже XIX–XX веков в уездах Витебской губернии были созданы почтовые станции, отделения и телеграф [137, с. 33–34]. В свою очередь, это активизировало потребность в подготовке соответствующих кадров, что приводило к организации профессиональных курсов, открытию специальных учебных заведений, обеспечивающих общеобразовательную и профессиональную подготовку.

В определенной взаимосвязи с развитием системы образования находились процессы урбанизации. Крупные города губернии выступали мощными социально-культурными центрами, играя ключевую роль в развитии тех или иных звеньев локальной системы образования, что было обусловлено внутрирегиональной спецификой, а также оказывали влияние на распространение образовательных тенденций в границах определенного внутрирегионального пространства. По нашему мнению, на территории Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. такими центрами являлись Витебск, Двинск и Полоцк.

Согласно переписи 1897 г., в Витебске проживало 65871 человек. Здесь была заложена база современного дошкольного воспитания: в 1887 г. впервые на белорусских землях учредился фребелевский детский сад. В Витебске изначально в губернии были открыты мужская (1803 г.) и женская (1866 г.) гимназии. Город послужил базой отечественной сурдопедагогики: в 1896 г. И. Васютовичем впервые на белорусских землях было открыто христианское учебное заведение для глухонемых детей. На рубеже XIX–XX вв. развивалось художественное образование: в 1898 г. открылась знаменитая школа-студия Ю. Пэна. Витебск явился колыбелью современного педагогического образования Беларуси: в 1910 г. в городе открылся учительский институт. В начале XX в. был заложен фундамент отечественной высшей школы: 27 октября в 1911 г. в городе открылось Витебское отделение Московского археологического института. Во второй половине XIX – начале XX в. в Витебске действовали театр, кинотеатр, фотоателье, библиотеки и читальни, были созданы различные общественные организации, в том

числе Благотворительное общество (1870 г.), Витебское общество попечения о детях (не позднее 1897 г.), а также впервые на белорусских землях учреждено Общество вспомоществования народным учителям и учительницам (1897 г.). О культурном уровне развития городского населения свидетельствует тот факт, что уже в 1889 г. жители Витебска выписывали 133 наименования газет и журналов на русском, польском и немецком языках. Витебск явился одним из немногих городов Российской империи, где были организованы музеи [16, с. 86; 23, с. 7, 12; 27, с. 439, 445; 30, с. 12; 39, с. 61, 79; 49, доклады по народному образованию, с. 15; 70; 90, с. 18; 146; 171, с. 231; 179, с. 5, 46–47; 180, с. 76–89; 183, с. 4; 263, д. 1937, л. 1–63].

По своему культурно-образовательному облику с Витебском соперничал Двинск (до 1893 г. – Динабург, современный Даугавпилс), крупнейший административный центр губернии (согласно переписи 1897 г., в городе проживали 69675 жителей). В Двинске впервые среди уездных городов губернии была открыта гимназия (1831), преобразованная в 1872 г. в реальное училище, первое на территории региона. В городе были заложены основы профессионально-технического образования губернии, в начале XX в. сеть профессиональных учебных заведений была представлена шире, чем в других уездных городах. Примером могут служить открытие мужской и женской торговых школ (не позднее 1904 г.), частных еврейских мужского ремесленного (не позднее 1906 г.) и женского профессионального училищ (1910). В начале XX в. в Двинске существовало Общество распространения профессионального и ремесленного образования среди детей евреев. Сеть просветительских организаций была представлена шире, чем в других уездных центрах. Среди них – педагогический кружок, Музыкальное общество «Лютня», Немецкое литературное общество, Общество любителей латышского языка. В начале XX в. в городе действовали детский приют и еврейский сиротский дом, где воспитанники имели возможность получить элементарное образование и ремесленную подготовку. Достаточно развитой была социальная инфраструктура. В городе издавались газеты «Двинский листок» и «Западная Двина», работали не менее 7 библиотек и читален, действовал Двинский театр [23, с. 7, 12; 179, с. 129–131; 183, с. 4; 210, с. 224].

Важным культурно-образовательным центром Витебской губернии выступал Полоцк, образовательные традиции которого сложились в более ранний период (например, в 1812–1820 гг. работало высшее учебное заведение – Полоцкая иезуитская академия). Во второй половине XIX – начале XX в. сеть учебных заведений города выглядела скромнее, чем в Витебске и Двинске, однако имела некоторые преимущества. В городе находился Кадетский корпус (1835). Полоцк явился колыбелью духовного образования региона. В нем впервые в губернии были откры-

ты Православная духовная семинария (1806; после 1856 г. переведена в Витебск), а также учреждено епархиальное женское училище (1844), старейшее на белорусских землях. В начале XX в. в Полоцке развивалось общественное дошкольное воспитание, действовала широкая сеть начальных училищ, в том числе благотворительных, функционировали полноценные средние учебные заведения. Полоцк послужил базой развития среднего специального педагогического образования современной Витебщины – в 1872 г. в городе учредили учительскую семинарию (в настоящее время действует педагогический колледж). Уже в 1895 г. в Полоцке имелись 6 типографий и типолитографий, а это значит, была возможность осуществлять местное книгоиздательство [28, с. 428; 46; 147; 173, с. 187–188; 166, с. 205; 209].

Этнокультурные факторы. Витебская губерния, занимавшая северную и северо-восточную земли Беларуси, частично включала территории современных России и Латвии. По количеству населения в начале XX в. Витебская губерния уступала остальным губерниям округа (данные 1910 г.) [124, с. 36–37]. Этнический состав жителей региона не был однородным. Согласно статистическим сведениям 1897 г., в Витебской губернии проживали: белорусы – 52,95%, латыши – 17,73%, русские (великорусы) – 13,29%, евреи – 11,7%, поляки – 3,38% и немцы – 0,49% (2,03% всего городского населения) [230, с. 50–51]. Удельная доля этнических белорусов региона была меньшей, чем в Минской, Могилевской и Виленской губерниях, где они в структуре населения составляли 76,04%, 82,8% и 56,06% соответственно [80, с. 249]. Повсеместно в губернии было представлено еврейское население, причем наибольший процент евреев зафиксирован в Витебском и Двинском уездах – 22,8% и 20,03% соответственно. В структуре городского населения евреи составляли более 50% за исключением Велижа и Двинска (44,15% и 46,02% соответственно). Наибольший процент еврейского населения в 1897 г. отмечался в Городке – 67,9%, Дриссе – 67,29%, Невеле – 67,23% и Полоцке – 61,35%. Анализируя локальные особенности этнического состава, уезды Витебщины можно условно разделить на несколько групп. Самую крупную группу представляли так называемые «белорусские уезды» (Дриссенский, Велижский, Невельский, Городокский, Лепельский, Полоцкий и Витебский), где удельный вес белорусов составлял более 50%. Следующая группа – это «курляндские уезды» с преобладанием латышского населения (Двинский, Люцинский и Режицкий). Доля русского населения наиболее весомой была в Себежском уезде – 47,09%, что позволяет рассматривать его как «русский уезд» (приложение Б). Конфессиональный состав населения Витебской губернии также не был однородным. Большинство жителей губернии исповедовали православие – 53,9% (в уездах – 48,6%), на втором месте находились католики – 25,2% (в уездах – 23,68%), на третьем месте – иудеи (более 11%).

Кроме этого, в губернии проживали представители протестантской веры из числа этнических немцев и латышей (около 3%) [230, с. 51–54].

Взаимодействие этнокультурных и политических факторов обуславливали распространение грамотности по уездам. Анализируя изменения в системе образования региона, произошедшие на рубеже XIX–XX вв., необходимо обратить внимание на данные переписи 1897 и 1907 годов. В 1897 г. наиболее грамотным являлось население западных уездов – Люцинского (52,61%), Двинского (47,88%) и Режицкого (46,02%). Наименьшая грамотность была характерна для жителей восточных уездов – Городокского (13,58%), Себежского (15,06%) и Невельского (15,62%) [183, с. 8]. Спустя 10 лет наибольшая доля грамотных лиц была зафиксирована в восточных уездах – Витебском (более 41% среди мужского населения и более 9% среди женского населения), Городокском и Себежском (около 33% и 4% соответственно). Самые низкие показатели грамотности, напротив, выявились в Люцинском уезде – лишь немногим более 20% мужского и 3% женского населения [206, с. 41].

В качестве возможной причины таких расхождений следует отметить, что перепись 1907 г. касалась исключительно крестьянского и мещанского населения губернии, строения которого подлежали обязательному страхованию [206, с. 8]. Перепись была неполной и охватывала не более 80% сельского населения региона [206, с. 24–25, 31–32]. С другой стороны, статистические данные 1897 г. фиксировали грамотность жителей региона старше 10-летнего возраста, тогда как данные переписи 1907 г. – грамотность населения старше 8-летнего возраста. Понижение возрастных границ могло привести к более низким показателям. Можно предположить, что в 1907 г. отмечали только лиц, владеющих русской грамотой. А поскольку в западных уездах повсеместно преобладало латышское население, не посещающее русские школы, этим объясняется незначительная доля грамотных в Режицком и Люцинском уездах. Грамотность населения восточных уездов за 10-летний период, напротив, значительно возросла, что свидетельствует о положительных изменениях, произошедших в системе образования региона.

Мнение о широком распространении народных училищ в западных уездах не находит убедительного подтверждения: в 1900 г. наибольшее количество светских школ было зафиксировано в центральном Лепельском уезде, на втором месте находился западный Люцинский, но на третьем – восточный Городокский уезд. На рубеже XIX–XX вв. внимание церковных деятелей было также сосредоточено на распространении школ преимущественно в восточных землях губернии, количество которых значительно возросло [92, с. 1; 149, с. 55–56]. В этот период в одном из наиболее населенных и «грамотных» Двинском уезде на 166612 сельских жителей приходилось лишь 23 школы Министерства

народного просвещения; доля детей школьного возраста, посещающих государственные школы, составляла лишь 10% [122, с. 6; 137, с. 72] (таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Распространение на рубеже XIX–XX вв. школ по уездам Витебской губернии¹

Уезды	Население (1897– 1898)	Доля (%) грамотного сельского населения в уездах (1897)	Доля (%) учащихся в уездах ко всему числу детей школьного возраста (1897)	Школы православного церковного Ведомства		Школы Министер- ства народ- ного про- свещения (1900)
				1891– 1892	1907– 1908	
1	2	3	4	5	6	7
Витебский	108278	28	44,3	47	177	15
Велижский	88878	16,2	20,8	23	52	15
Городокский	107024	11,2	24	14	59	24
Двинский	166612	40,3	10	4	15	23
Дриссенский	93793	20,8	14,5	15	43	18
Лепельский	152765	14,9	23,5	34	90	35
Люцинский	124625	39,6	15,9	4	24	25
Невельский	102323	14,1	28,1	31	77	18
Полоцкий	121385	16,3	24,7	27	77	22
Режицкий	127004	35,8	11	7	18	20
Себежский	90059	12,1	20,2	42	60	16

В начале XX в. первые земские школы также открывались преимущественно в восточных уездах [117, с. 30]. По нашему мнению, грамотность населения западных уездов на рубеже XIX–XX вв. могла объясняться этнокультурными особенностями: латышские дети традиционно обучались грамоте у своих матерей [113, № 2, с. 65] (приложение Е). Таким образом, данные переписи 1907 г., согласно которым наибольший «процент семей с грамотными и учащимися» был зафиксирован в восточных уездах (Витебском, Городокском и Себежском), самые низкие показатели грамотности выявились в западных землях, отразили результаты школьной политики за период 1897–1907 гг. [242, с. 41].

Неоднозначными представляются вопросы русификации Витебской губернии на рубеже XIX–XX вв. В частности, проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы: русификация, осуществлявшаяся на Витебщине, была по-своему «успешной». Об этом свидетельствуют результаты переписи 1897 г., со-

¹ Примечание – Таблица составлена на основании данных: [92, с. 1; 122, с. 6; 137, с. 72; 149, с. 55–56; 183, с. 8].

гласно которым русский язык был преобладающим в губернии – 56,8% сельских жителей Витебщины назвали его родным. Причем в Невельском уезде – 98,4%, Городокском – 97,9%, Себежском – 80,7%, Витебском – 80,6%, Велижском – 67,3%, Полоцком – 57%. Белорусскоговорящее население было представлено скромнее – 23,1% уездных жителей Витебщины назвали родным белорусский язык. Наибольший процент белорусскоязычных был зафиксирован в уездах: Дриссенском – 60,5%, Лепельском – 55%, Полоцком – 38,2%, Люцинском – 32%. 15,8% сельских жителей губернии родным языком назвали латышский, 2,7% – польский [123, с. 16–17].

Анализ характера «тайных школ», открываемых на территории губернии во второй половине XIX – начале XX в., позволил прийти к выводу, что обучение в них велось преимущественно на русском языке, за исключением, школ, открываемых в так называемых «курляндских уездах» [263, д. 2036; 264, д. 10, л. 161; 263, д. 3159, л. 9, 16; д. 3215, л. 10–11; 263, д. 2852, л. 8, 12 об.]. Косвенным доказательством «успешности» русификации является относительно высокая доля лиц, получивших свидетельство об окончании народных училищ, о чем неоднократно говорилось выше.

Взаимодействие социально-экономических и этнокультурных факторов обусловили гендерную специфику образования. Данные переписи 1897 и 1911 гг. свидетельствуют о том, что уровень образованности среди женского населения Витебской губернии превышал средние показатели по Виленскому учебному округу [36, с. 54; 116, № 7–8, с. 603–606; 142, с. 6–7]. Отчасти это явление можно объяснить также и тем, что в этнической структуре населения региона значительная доля принадлежала латышам и евреям, в среде которых уровень женского образования традиционно складывался выше, чем у восточных славян. Немаловажным является тот факт, что количество городского населения Витебщины было наибольшим по сравнению с другими губерниями края. А поскольку в городской среде образование являлось более доступным, чем в сельской местности, доля городских грамотных женщин также оказала положительное влияние на общую статистику образования. Данное обстоятельство не могло объясниться преобладанием женщин в структуре населения региона по сравнению с другими губерниями. Например, еще в 1881 г. было замечено: в Витебской губернии на 100 девочек рождалось 107 мальчиков, в то время как в России на 100 девочек – 104 мальчика [169, с. 135]. В переписи 1907 г. отмечалось, что в уездном населении губернии «по сравнению с другими местностями европейской России, процент женщин... очень незначителен» [242, с. 25]. По нашему мнению, в основе гендерных аспектов грамотности лежали определенные региональные социально-культурные особенности и традиции, что отражает точка зрения современного белорусского

историка П.В. Терешковича [226, с. 172], а также влияние социально-экономических факторов.

На рубеже XIX–XX вв. возросла женская составляющая среди педагогического персонала, о чем было упомянуто выше. Как видно из таблицы 1.2, начиная с 1894 г., доля учительниц в Витебской губернии была самой весомой по округу (таблица 1.2).

Таблица 1.2 – Процент учительниц по губерниям Виленского учебного округа в 1880, 1894 и 1911 гг.¹

Губернии	В уездах			В городах	
	1880 г.	1894 г.	1911 г.	1894 г.	1911 г.
Виленская	19,9	13,3	31,2	30,8	41,6
Витебская	28,0	42,0	57,4	49,0	58,8
Гродненская	7,8	7,1	26,5	29,1	40,7
Ковенская	5,4	8,4	25,1	42,0	32,7
Минская	31,3	30,0	31,6	31,2	46,5
Могилевская	37,8	26,5	42,0	43,7	52,8
По округу	20,9	22,4	39,0	36,1	46,2

Согласно сведениям Российского государственного исторического архива [275, д. 349, л. 14 об.], в 1914–1915 гг. удельный вес лиц женского пола среди учителей отдельных уездов региона составлял более 90%. На 1 января 1917 г. всего в губернии работало 556 учителей и 1076 учительниц, таким образом, удельный вес последних составил более 65% от общего количества персонала. К 1917 г. по своему образовательному цензу учительницы и учителя были примерно в одинаковых условиях: около 99% всех служащих на учительских должностях региона имели образование не ниже начального. Однако среди мужчин более 57% имели специальное педагогическое образование, тогда как среди женщин таковых было около 30%. Но количество женщин со специальным педагогическим образованием в Витебской губернии было самым высоким – 318 человек (для сравнения, в Виленской губернии – 59, Гродненской – 120, Ковенской – 99, Минской – 138 и Могилевской – 181 человек) [262, д. 20, л. 17].

В начале XX в. прогрессивные губернские земские деятели в своих публикациях, докладах и выступлениях поднимали вопросы женского образования, отмечая, что крестьяне неохотно отдают девочек в школу [206, с. 54–55]. Несмотря на это, доля девочек, обучающихся в начальных училищах Виленского учебного округа, в начале XX в. на территории Витебской губернии была наивысшей [119, № 2, с. 78] (приложение В). В целом, показатели уровня женского образования в Витебской губернии начала XX в. превышали не только среднебелорусские,

¹ Примечание – Таблица составлена на основании данных: [142, с. 10–12].

но и среднеимперские [116, № 7–8, с. 603–606; 142, с. 6–7]. Что касается уровня образованности мужского населения региона, он был незначительно ниже средних показателей по округу, однако также превышал среднеимперские данные (таблица 1.3.).

Таблица 1.3 – Образованность населения Российской империи 1911 г.¹

Средние показатели образованности	Всего населения	Мужского населения	Женского населения
По Российской империи	3,85	5,22	2,47
По Виленскому учебному округу	4,04	5,80	2,26
По Витебской губернии	4,09	5,53	2,65

Таким образом, это опровергает тезис о том, что Витебская губерния до 1917 г. была «отсталой окраиной Российской империи».

Просветительско-педагогические факторы. Развитие педагогической теории и практики способствовало не только совершенствованию учебно-воспитательного процесса, но и обеспечению доступности образования среди широких слоев населения, просвещению народной массы. Меценатская деятельность, так или иначе, присутствовала на всех ступенях образования Витебской губернии и тесным образом была связана с общественно-педагогическим движением. Это позволяет объединить меценатскую деятельность и общественно-педагогическое движение в группу просветительско-педагогических факторов.

Изначально меценатская деятельность проявилась при организации детских приютов. В приютах призревались дети обоего пола в возрасте 3–12 лет, круглые сироты, полусироты и малоимущие. Учебно-воспитательная часть в приютах строилась в соответствии с программами одноклассных сельских училищ. Пионерами в деле учреждения подобных заведений на Витебщине выступали частные лица. Известно, что еще в 1838 г. Е.А. Дьякова открыла в Витебске так называемую «залу приюта» для бедных девиц, являвшуюся благотворительным воспитательно-учебным заведением [28, с. 415–416]. Ее преемницей явилась С.П. Голицына. В 1847 г. здание приюта было переведено в бывший дом купца Меняйлова, приобретенный С.П. Голицыной на аукционе. По ее ходатайству в приюте было учреждено 2 отделения и открыто переходное заведение [167, с. 223–235]. С.П. Голицына с заботой относилась к судьбам воспитанниц. Из приюта девочки выходили подготовленными к семейной жизни, обученные ведению домашнего хозяйства. Каждой из них полагалось приданое в 100 рублей, выделенное из приютских средств, и серебряный сервиз. По свидетельству Н.Я. Никифоровского, «питомицы

¹ Примечание – Таблица составлена на основании данных: [116, № 7–8, с. 603–606; 142, с. 6–7].

приюта за ничтожным исключением, становились женами тогдашних канцеляристов... помимо предоставления улучшенного служебного положения своим мужьям из-за покровительства княгини такие супруги украсили далеко не одну чиновничью жизнь, упрочили материальное и нравственное положение семей, где им суждено было состоять супругами, матерями, хозяйками и где некоторые из них ныне состоят почтенными бабушками при своих родных внуках – интеллигентных питомцах разных учебных заведений» (1899) [125, с. 25].

В середине XIX в. землевладельцы Витебской губернии определенным образом оказывали содействие в деле развития народного просвещения и образования. В фондах Российского государственного исторического архива находятся сохранившееся «Дело об объявлении высочайшей благодарности 4-м помещикам Витебской губернии за содействие их религиозно-нравственному образованию крестьянских детей»: в 1855 г. землевладельцы Лепельского и Дриссенского уездов Гребницкий, Цихашвецкий, Корсак и Убри «содержали на своем иждивении немалое число крестьянских детей в приходских училищах» [278, л. 4–4 об.]

В Витебской губернии вплоть до конца XIX в. брошенные дети, «подкидыши», находились на попечении Приказа общественного призрения (1797–1895), который передавал их на воспитание частным лицам за ежемесячную плату в 3 рубля. По достижению 8-летнего возраста дети либо оставались в приемных семьях, либо возвращались в приюты Приказа и обучались в школах или мастерских [173, с. 230–231]. В 1904 г. председатель Витебского благотворительного общества А.Д. Чепелевская открыла «приют для подкидышей», в котором осуществлялся уход и воспитание брошенных детей младенческого и раннего возраста. В 1906 г. в Витебской губернии находилось не менее 7 детских приютов, включая 2 приюта ведомства учреждений императрицы Марии (основано в 1839 г.), 3 приюта Витебского благотворительного общества (основано в 1870 г. по инициативе губернатора П.Я. Ростовцева), приют Двинского общества призрения лиц, заключенных под стражу, а также «Убежище» Витебского общества попечения о детях (основано не ранее 1897 г.) [49, с. 51–65].

Сохранились сведения об открытии в 1907 г. частными лицами, М.И. Броэль-Плятером и М.Э. Броэль-Плятер, в Двинском уезде в имении Комбуль и местечке Креславка приютов для детей рабочих и служащих [269, д. 98, л. 1–2]. В 1908 г. витебским губернатором было рассмотрено прошение дворянки В. Яскевич об открытии приюта для детей в м. Рукшеницы Полоцкого уезда. Дальнейшая судьба приюта нам неизвестна, но ответ губернатора содержал указание: «...если в приюте дети будут обучаться грамоте, на это должно быть испрошено разрешение учебного начальства» [269, д. 95, л. 4].

Немаловажную роль в развитии просвещения Витебщины второй половины XIX – начала XX в. играли религиозные организации – православные братства и попечительства, католические, еврейские и лютеранские благотворительные общества и т.п. Одним из старейших в губернии выступало церковное братство во имя святителя Николая и преподобной княжны Евфросиньи, созданное в 1867 г. Братство отпускало средства на содержание народных училищ Полоцкой епархии, а также способствовало открытию Полоцкой учительской семинарии [165, с. 19–22].

В конце XIX в. наиболее влиятельным являлось братство святого Владимира, созданное в 1887 г. При его участии осуществлялся контроль над учебно-воспитательным процессом в церковно-приходских школах Полоцкой епархии, назначались денежные пособия на содержание учебных заведений, организовывались народные чтения, библиотеки, читальни и т.п. В 1891–92 гг. Свято-Владимирское братство учредило во всех городах Витебской губернии, кроме Полоцка, уездные отделения. После 1894 г. братство занималось преимущественно просвещением взрослого населения посредством открытия при церквях Полоцкой епархии библиотек, организации народных чтений и чтений с «волшебными картинками» религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания. В 1895 г. при содействии братства состоялось официальное открытие церковно-археологического музея в г. Витебске – «епархиального древлехранилища» (неофициальное открытие состоялось в 1893 г.). Музеем заведовала комиссия в составе преподавателя мужской гимназии А.П. Сапунова, помощника инспектора духовной семинарии Д.И. Довгялло, учителя подготовительного класса мужской гимназии Н.Я. Никифоровского и священника В.О. Говорского. В 1904 г. музей был открыт для посетителей, основной контингент которых составляла учащая молодежь. Известно, что в 1908–1909 гг. древлехранилище посетили воспитанники духовной семинарии, женских гимназий – Мариинской, Варваринной, Черновой, – и мужской гимназии Неруша [29, с. 108–111].

В 1897 г. братством в г. Городке впервые были созданы так называемые «уличные библиотеки». На базарной площади и в других частях города вывешивались наклеенные на картон листки и брошюры религиозно-нравственного характера, и, таким образом, грамотные люди могли ознакомиться с их содержанием. В 1898 г. «уличные библиотеки» существовали в девяти приходах Городокского уезда [33, с. 108–109].

После революционных событий 1905 г. на территории Витебской губернии активизируется просветительская деятельность благотворительных обществ представителей иных религиозных конфессий. Так, Полоцкое католическое благотворительное общество, учрежденное 29 июля 1906 г., содержало дневной приют для бедных детей и швейную мастерскую [269, д. 273, л.102]. Можно предположить, что в при-

юте осуществлялась профессиональная подготовка воспитанников по указанной специальности. 6 августа 1907 г. было открыто Двинское старообрядческое братство. Известно, что на попечении братства в 1907–1912 гг. находились женское старообрядческое училище в г. Двинске, библиотека и читальня [269, д. 273, л. 124; д. 485, л. 502]. Режицкое католическое общество, учрежденное 10 октября 1907 г., содержало костельную школу [269, д. 273, л. 121]. В 1908 г. католическое благотворительное общество в м. Креславка Двинского уезда открыло дневные приют-ясли для детей католиков [269, д. 485, л. 31]. Есть сведения о существовании в 1912 г. приюта-школы благотворительного общества Стружано-Стернянского евангелическо-лютеранского прихода в г. Режица [269, д. 485, л. 36 об.].

Помимо христианских благотворительных организаций, в начале XX в. во всех уездных городах Витебской губернии действовали иудейские общества. Так, в 1908 г. к обществам, «преследующим цели народного просвещения», были отнесены Витебское общество для изучения еврейской истории и литературы, Общество распространения профессионального и ремесленного образования среди детей евреев г. Двинска, Двинское еврейское драматическое певческое общество, Полоцкая еврейская талмуд-тора и др. [269, д. 195, л. 20, 33, 40]. 1 мая 1910 г. в г. Режица было открыто «Женское общество попечения об учениках Режицкой талмуд-торы», которое выделяло средства на обучение беднейших еврейских детей [269, д. 273, л. 121].

В 1912 г. Витебское губернское правление рассматривало ходатайство об учреждении в Полоцке филиала Виленского еврейского общества попечения о детях, созданного в 1904 г. [269, д. 464]. Соответственно устава, общество распространяло свою деятельность на Вильно и Северо-Западный край с правом открывать отделения в городах и уездах. Целью организации провозглашалось содействие физическому, нравственному и умственному развитию детей евреев. Обществу предоставлялось право заниматься организацией помещений для занятий с детьми играми и физическими упражнениями, открывать фребелевские сады, убежища, приюты, ясли, мастерские, школы, библиотеки; устраивать прогулки и экскурсии, а также лекции, собеседования и курсы по вопросам, касающимся воспитания детей. Поскольку в ответе губернатора было разъяснено: на основании закона 1906 г. «... разрешение на открытие действительных сих отделений со стороны местных правительственных органов не требуется» [269, д. 464, л. 27 об.], можно предположить, что Полоцкий филиал Виленского еврейского общества попечения о детях был беспрепятственно учрежден.

На рубеже XIX–XX вв. общественные организации сыграли определенную роль в становлении пенитенциарной педагогики. В 1896 г. было учреждено Витебское общество земледельческих колоний и ре-

месленных приютов [156]. Общество было организовано с целью нравственного исправления несовершеннолетних правонарушителей. В 1899 г. организация открыла воспитательно-исправительное учреждение (колонию) для содержания 30 несовершеннолетних мальчиков. На счет колонии ежегодно выделялось 20% из штрафных сумм города. В колонии осуществлялось элементарное обучение и ремесленная подготовка воспитанников. Персонал воспитательно-исправительного заведения включал законоучителя, помощника учителя и так называемых «дядек», осуществляющих надзор за воспитанниками. «Дядьки» не имели педагогического образования, а потому после 1917 г. было решено заменить их помощниками воспитателей, имеющими звание народного учителя. После революционных событий 1917 г. приют был переполнен (в нем содержалось 40 мальчиков вместо 30) и находился в бедственном положении [271, л. 51, 53–54, 55, 56].

Общество неоднократно ходатайствовало перед губернским земским собранием о необходимости учреждения воспитательно-исправительного заведения для несовершеннолетних девушек (ходатайства зафиксированы в 1909 и 1912 гг.). В 1912 г. был разработан проект колонии, предназначавшейся для девочек 10–17 лет, совершивших преступление, а также беспризорных и бездомных, нищих и бродяг. На постройку здания землевладельцем Косовым был подарен участок земли, расположенный неподалеку от города по Оршанскому шоссе. Проектируемый штат заведения предполагал начальницу, надзирательницу, преподавательницу грамотности и мастерицу по обучению женским ремеслам. На содержание данного заведения запрашивалось 20% от сумм штрафных сборов, а также предусматривалось наличие средств из благотворительных взносов и вырученных от организации вечеров, спектаклей и концертов, устраиваемых самими воспитанницами. Таким образом, в проектируемой колонии предполагалось религиозно-нравственное, умственное и эстетическое воспитание посредством участия в художественной самодеятельности [49, с. 59–63; 55, с. 54–58]. Однако колония так и не была учреждена по причине отсутствия у городской администрации необходимых материальных средств на постройку здания.

Необходимо заметить, что помимо воспитания и обучения правонарушителей несовершеннолетнего возраста, в начале XX в. на территории Витебской губернии учебно-воспитательный процесс осуществлялся в пенитенциарных заведениях для взрослых. Например, известно о «ежегодных уроках при Струнской тюрьме» в Полоцком уезде [176, с. 73; 177, с. 64].

В роли общественно-педагогического фактора необходимо рассмотреть деятельность Общества вспомоществования народным учителям и учительницам Витебской губернии, первое на белорусских землях, организованное в 1897 г. Своей целью оно объявляло «помогать

нуждающимся учителям и учительницам начальных народных сельских и городских училищ Витебской губернии денежными пособиями и другими видами помощи» [234, с. 1]. В 1902 г. при Обществе были открыты общежитие для учительских детей, справочное бюро и ссудная касса. В 1904–1905 гг. обсуждался вопрос об устройстве приюта для одиноких, престарелых и не способных к труду народных учителей и учительниц. Приют было решено открыть при общежитии для учительских детей. В 1905 г. Общество ходатайствовало перед губернским земским комитетом о выделении необходимых средств для его открытия [263, д. 2860, л. 1–6]. Не позднее 1913–1914 гг. в Витебске начало функционировать общежитие для «командировочных» учителей [119, с. 26].

В 1908 г. отделения Общества были открыты в Городокском, Лепельском и Себежском уездах [113, с. 210–216]. Организация выделяла материальные средства на выплаты стипендий и пособий на обучение и содержание учительских детей, а также лечение самих учителей и т.п. [159, с. 5–6; 160, с. 9–10]. Члены Общества проявляли гражданскую активность. Например, в 1906 г. Общество ходатайствовало перед Министерством народного просвещения об увеличении пенсионного содержания учителей, работавших в приходских училищах, до размера «полного оклада получаемого ими жалованья»; в том же году Витебское Общество в числе первых на белорусских землях подняло вопрос освобождения от платы за обучение в гимназиях дочерей народных учителей и учительниц [161, с. 11–12]. Силами Общества устраивались благотворительные вечера и лекции научно-популярного характера. В 1907 г. была прочитана лекция на тему «Рентгеновские лучи» [161, с. 6–7, 10–12, 16]. 1 июля 1915 г. было учреждено Общество взаимного вспомоществования учащимся и учившим в церковно-приходских школах Полоцкой епархии [269, д. 617, л. 2].

В начале XX в. новые обороты набирает светское благотворительное движение. В марте 1909 г. было учреждено Русское общество взаимопомощи в г. Двинске, одной из задач которого выступало содействие начальному и профессиональному образованию детей, родных, братьев и сестер членов общества. В 1910 г. председателем было подано прошение об открытии приюта-школы для беспризорников, имевшей целью подготовить их к самостоятельному существованию посредством обучения какому-либо ремеслу. Согласно «Проекту», в приют в первоочередном порядке должны были приниматься дети и сироты членов общества до 17-летнего возраста, а также, по усмотрению, другие нуждающиеся дети. Допускалось открытие начального городского училища с целью обучения детей грамоте, «поднятия их умственного развития» и, «по мере возможности», учебных и ремесленных мастерских. Разрешение на открытие школы-приюта было получено в апреле 1911 г. [269, д. 158]. В указанные годы известно о деятельности Полоцкого благо-

творительного общества, которое выделяло средства на обучение детей в училищах и женской гимназии города. Помимо этого, общество сохранило начальное училище, более известное как «хулиганская школа» [113, № 7–8, с. 265–271], в 1912 г. в которой обучалось 84 мальчика и 67 девочек [269, д. 485, л. 85, 169–170, 188] (приложение Г).

В начале XX в. инициативу в деле развития народного образования и просвещения проявляли комитеты попечительства о народной трезвости. Так, в ноябре 1904 г. Двинскому уездному комитету было разрешено открыть при Прельской чайной курсы русского языка и арифметики для лиц женского пола (ранее комитетом были организованы мужские курсы). Согласно принятым «Правилам», курсы преследовали цель «доставить лицам женского пола, лишенным возможности обучаться в школе, сведения по названным предметам в объеме программы народных училищ» [263, д. 3029, л. 1–5]. Вход на курсы был свободным. По окончании учебы слушательницам предоставлялась возможность сдать экзамен по пройденному материалу и получить соответствующее свидетельство об окончании.

26 января 1905 г. подобные курсы для лиц мужского пола были организованы в Полоцке при городской чайной. Средства на их содержание выделил Полоцкий комитет попечительства о народной трезвости. Занятия на курсах велись ежедневно, кроме субботы, с 19.00 до 21.00. В чайной преподавали учителя Полоцкого городского училища. И.М. Бойцов, являющийся заведующим курсов, вел арифметику, М.И. Жеранин – русский язык, К.С. Кобяко – пение. По свидетельству современника В. Беляева, указанные курсы среди местного населения приобрели известность и были названы «босяцкой школой», в которой обучались не только подростки, но и лица 30–35 лет. Ученический контингент составляли портные, сапожники, слесари, водовозы, рабочие фабрик, дворники и др. На уроках учащиеся разделялись на несколько групп «по степени развития и успешности в усвоении сообщаемого» [113, № 7–8, с. 265–271] (приложение Г). Известно, что указанным комитетом были также выделены средства на открытие мужской воскресной школы при Полоцком городском училище [263, д. 3037, л. 1].

В 1906 г. Лепельским уездным комитетом попечительства о народной трезвости были организованы бесплатные воскресные курсы для взрослых при Лепельском городском училище. Занятия проводились в зимнее время по воскресным и праздничным дням и включали изучение русского языка, арифметики и чистописания. Обучение длилось 3 года [263, д. 3227, л. 4 – 4 об., 11, 12]. Курсы пользовались определенной популярностью, в 1910 г. в числе их посетителей были 51 мужчина и 27 женщин [263, д. 3912, л. 2].

Общественно-педагогическое движение, развернувшееся в начале XX в., способствовало усилению интереса к педагогике, новым методам

обучения и воспитания в профессиональной среде. В 1905 г. открылся Двинский педагогический кружок под председательством директора реального училища А.Ф. Князева [260, д. 21321, л. 3]. Цель кружка была сформулирована следующим образом: «Дать преподавателям разных учебных заведений Двинска, а также лицам, посвятившим себя педагогической деятельности в частных домах, возможности совместно обсуждать вопросы, имеющие отношение к их педагогической деятельности», а также «содействовать важному сближению педагогов и родителей для совместного обсуждения разных вопросов из практики обучения и воспитания детей» [260, д. 21321, л. 4 об.]. В 1905–1909 гг. в качестве основных форм работы использовались чтение и обсуждение педагогических и литературных статей и докладов [260, д. 21321, л. 7–16].

Важнейшее значение для развития научно-просветительской мысли региона имело создание в 1909 г. Витебской ученой архивной комиссии. В качестве ее фактических учредителей явились управляющий Витебской казенной палатой А.А. Морозов, преподаватель Витебской духовной семинарии Н.Н. Богородский, советник губернского правления В.С. Арсеньев, присяжный поверенный В.П. Федорович. О престижности созданной комиссии свидетельствует исторический факт: в составе ее почетных членов находились великие князья Константин, Николай и Георгий. Задачами комиссии выступали охрана памятников старины, изучение местной истории, древних рукописей, проведение экскурсий и т.п. [155]. Комиссия имела большую библиотеку, ее стараниями издавались сборники и научные труды «Полоцко-Витебская старина», «1812 год в Витебске», «Заметки о пребывании И.И. Лаженичкова в Витебске», «Очерки из истории белорусских городов» и др. Комиссия организовала сбор средств для строительства памятника героям Отечественной войны 1812 г. в Витебске. По инициативе Комиссии в 1911 г. было открыто Витебское отделение Московского археологического института [49, доклады по народному образованию, с. 15; 251].

Таким образом, развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. проходило при взаимодействии политических, социально-экономических, этноконфессиональных, а также просветительно-педагогических факторов, обусловивших особенности структуры системы образования, внутригубернскую специфику организации школьного дела, гендерные особенности ученического и учительского состава сравнительно с другими регионами Виленского учебного округа, а также качественное своеобразие учебно-воспитательного процесса, способствуя его совершенствованию и зарождению новых отраслей педагогики.

Таким образом, отечественная историко-педагогическая регионология во второй половине XIX в. стихийно развивалась. Предпосылки развития историко-педагогической регионологии сложились к середине

XIX в., чему способствовало усиление интереса к этнокультурным особенностям белорусского народа под влиянием национально-освободительных идей, а также общеимперского движения родиноведения (Н. Анимеле, М.О. Без-Корнилович, А. Киркор, А.Ф. Рыпинский, П.Н. Шпилевский, И. Юркевич и др.). В 1860-е гг. была предпринята попытка обоснования идеи школьного краеведения (К.Д. Ушинский, И.П. Корнилов). Одновременно во второй половине XIX в. происходило дальнейшее накопление фольклорно-этнографического и историко-краеведческого материала (И.Д. Горбачевский, Н.Я. Никифоровский, А.Н. Пыпин, А.П. Сапунов, А.М. Сементовский, П.В. Шейн, Н.А. Янчук и др.). В начале XX в. предпринимается попытка обоснования практики школьного краеведения, предполагающая ведение «школьных летописей» в деятельности народных учителей (Н. Одинцов, Е.Р. Романов). Организация филиалов Общества изучения Белорусского края (после 1905), воссоздание Северо-Западного отдела Русского императорского географического общества (1910) способствовали дальнейшему развитию краеведческих исследований. В 1914 г. возник термин «краеведение», понимаемый как «местная история» (В.Я. Уланов). В первые годы советской власти учеными-белорусоведами разрабатывались научно-теоретические основы педагогического краеведения и родиноведения (М.И. Силищенский). В 1920-е гг. краеведческое движение достигло своего расцвета, что было обусловлено созданием широкой сети краеведческих организаций. Представителями краеведческого движения указанного периода на территории Витебщины были Н.И. Касперович, И.П. Фурман, А.О. Шлюбский. Во времена сталинских репрессий деятельность краеведческих организаций была свернута, а само краеведческое движение разгромлено. С 1944 г. краеведческая работа возобновляется в практике школьного учителя. Одновременно в историко-педагогическом знании зарождается и развивается региональная тематика (Э.Д. Днепров, А.И. Пискунов, С.В. Селицкий, Ф.Ф. Шамахов). Однако вплоть до начала 1990-х региональные историко-педагогические исследования оставались слабыми в теоретико-методологическом плане. На рубеже XX–XXI вв. на постсоветском пространстве складывается историко-педагогическая регионология, сформированная на стыке истории, педагогики и регионологии. Представителями российской педагогической науки М.В. Бульгиной, Т.С. Буториной, Э.Д. Днепровым и др. разрабатываются понятия «региональная образовательная система», «регионализация образования», «региональное образовательное пространство», «педагогическая регионология», «историко-педагогическая область педагогической регионологии». Становление отечественной историко-педагогической регионологии как интегрированной отрасли знания происходит под влиянием исследований в области регионологии С.В. Донских, А.И. Жук,

Н.К. Катович, М.Е. Кобринского, А.И. Локотко, А.П. Орловой, Т.Г. Шатюк и др.

Попытки теоретического обоснования историко-педагогического источниковедения были предприняты во второй половине 1980-х гг. Э.Д. Днепровым, Д.И. Раскиным и др., однако после 1991 г. выпали из поля зрения исследователей. На рубеже XX–XXI вв. в отечественной историко-педагогической науке исключение составили работы Т.Г. Шатюк. На основании классификаций историко-педагогических источников, разработанных Д.И. Раскиным, Т.Г. Шатюк, С.О. Шмидтом, нами представлена собственная классификация письменных историко-педагогических источников, включая архивные (неопубликованные) и опубликованные. Классифицированные нами архивные самостоятельные педагогические источники охватывают протоколы, журналы, программы, учебные планы и т.п. Приказы, предписания, распоряжения, циркуляры, разнообразные отчеты и доклады объединены в группу архивных документальных источников. Неопубликованные мемуары современников, а также отдельные материалы личных фондов составляют группу личных источников.

Опубликованные самостоятельные педагогические источники содержат учебно-методические пособия, инструкции, программы и т.п. Статистические сведения по отдельным вопросам народного образования зафиксированы в статистических сборниках, а также «Обзорах» и «Памятных книжках» Витебской губернии. В опубликованных делопроизводственных документах, включая «Доклады» земских управ, зафиксированы сведения, освещающие те или иные вопросы организации системы образования региона. Публицистические материалы «исследуемого периода», освещающие состояние школьного дела губернии, содержатся в имперских и губернских изданиях. Авторская оценка тех или иных явлений в истории образования Витебщины представлена в мемуарах и хрониках Н.Я. Никифоровского, Ю. Окрейца, С.С. Орлицкого. Попытки анализировать и прогнозировать развитие народного образования Витебской губернии отражены в научных трудах Н.Г. Матвеева, И.А. Самойловича; отдельным вопросам истории школьного дела посвящены историко-краеведческие работы Д.И. Довгялло, А.П. Сапунова и др. Идеи народной педагогики региона содержатся в трудах фольклорно-этнографического характера и художественных произведениях В. Астаповича, К. Вереницына, И.Д. Горбачевского, И.И. Долгова, А. Ельского, Н.Я. Никифоровского и др. В источниках советского периода отдельные вопросы генезиса образования региона освещают коллективные труды «Асвета і педагагічная думка ў Беларусі» и «Антологія педагогічнай мыслі Беларускай ССР». На современном этапе вопросам развития школьного дела и просвещения региона посвящены

работы и публикации Т.Г. Воронич, С.М. Восовича, А.М. Подлипского, А.В. и Ю.А. Русецких и др.

Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. происходило при взаимодействии ряда политических (реформы 1860-х гг., школьная политика в отношении земель Северо-Западного края, распространение земской реформы и др.), социально-экономических (развитие капитализма, технический переворот, процессы урбанизации и т.п.), этнокультурных (особенности национального и религиозного состава населения) и просветительно-педагогических (меценатство и общественно-педагогическое движение) факторов. Реформирование социальной сферы в 1860-е гг. привело к организации массовой народной школы. Обучение в народных училищах на землях Беларуси осуществлялось в соответствии с «Временными правилами...» 1863 г. и имело свои особенности. Создание дирекций народных училищ, а также окончательное укрупнение Виленского учебного округа предопределили дальнейшие пути развития начальной школы региона. До середины 1870-х гг. все начальные училища были подчинены Витебской дирекции народных училищ и имели преимущественно светский характер. Однако с начала 1880-х гг. в регионе интенсивно развиваются школы церковного ведомства. Имеющееся количество начальных школ на рубеже XIX–XX вв. было недостаточным, результатом чего становилось «тайное обучение», жестко подавлявшееся царскими властями (положение 1892 г.). Политика российского правительства в сфере среднего образования вплоть до конца XIX в. была направлена на сдерживание развития мужской школы, однако предотвращение польского католического влияния в женской среде вынуждало власти развивать государственное женское среднее образование. Необходимость в просвещении широких народных масс и подготовке законопослушных педагогических кадров актуализировало потребность в развитии профессионального педагогического образования, результатом чего стало открытие соответствующих учебных заведений. В начале XX в. решающую роль в деле развития начального и профессионального образования сыграли земства. Земством был разработан и принят к осуществлению план по введению в губернии всеобщего начального обучения. Земство стимулировало развитие профессионального образования, устраивая разнообразные курсы, лекции, чтения, выплачивая стипендии на обучение в средних специальных и высших учебных заведениях, а также субсидии на открытие профессиональных учебных заведений.

Социально-экономические факторы, приводившие к росту и развитию промышленного производства в регионе, активизировали развитие профессиональной школы. На рубеже XIX–XX вв. процессы урбанизации привели к выделению крупных административных центров

губернии – Витебска, Двинска и Полоцка, что определенным образом стимулировало развитие системы образования на локальном уровне. Взаимодействие этнокультурных и социально-экономических факторов обуславливали локальные особенности распространения грамотности, возникновение различных типов дореволюционной школы, налагая определенную гендерную специфику. Особенностью массовой школы Витебской губернии было относительно большая составляющая девочек по сравнению с другими регионами Виленского учебного округа. Женская составляющая среди педагогического персонала также наиболее весомой была в Витебской губернии.

В развитии системы образования региона второй половины XIX–начале XX в. определенную роль сыграли частные лица из числа высокопоставленных чиновников, землевладельцев, оказывающих материальную поддержку и содействие в получении образования непривилегированных слоев населения. Существенное влияние на развитие школьного дела и просвещения Витебской губернии оказали разнообразные общественные формирования: православные братства, светские и религиозные благотворительные общества, комитеты попечительства о народной трезвости, профессиональные объединения. Благодаря частной и общественной инициативе представителям беднейших слоев представлялась возможность получить элементарное образование и профессиональную подготовку. Просветительно-педагогический фактор имел решающее значение при учреждении первого высшего учебного заведения в 1911 г. – Витебского филиала Московского археологического института.

ГЛАВА 2

ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

2.1 Развитие школьного дела Витебской губернии во второй половине XIX в. – 1903 г.

Вторая половина XIX в. явилась переломным периодом в истории восточнославянских государств, объединенных под началом Российской империи. В 1855 г. на престол взошел Александр II. В ходе его царствования был произведен ряд радикальных реформ, в том числе в сфере школьного дела и просвещения. Многомиллионное крестьянское сословие впервые получило доступ к начальному образованию. 23 марта 1863 г. были приняты «Временные правила для народных школ в губерниях Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской и Витебской», в соответствии с которыми происходило последующее реформирование начальной школы. В 1864 г. Могилевская и Витебская губернии были вновь включены в состав Виленского учебного округа, объединившего 6 губерний Северо-Западного края. Восстание 1863–1864 гг. предопределило дальнейшую политику Российской империи в отношении белорусских земель. Как справедливо заметили современные историки [213], «развитие начального образования в белорусских губерниях представителями правительственного лагеря разного уровня тесно связывалось с достижением политических целей», одной из которых выступала «совершенное и бесповоротное обрусение Западных губерний и полное слияние с православным русским народом и государством». Восстание оказало воздействие на состояние средней школы Северо-Западного края. Сократилось количество мужских гимназий и прогимназий. С другой стороны, была заложена основа для развития средней женской школы. С целью предотвращения польско-католического влияния правительство было вынуждено открывать на территории Беларуси учительские семинарии, что, в свою очередь, способствовало развитию среднего специального педагогического образования. Дальнейшее развитие капитализма актуализировало потребности в развитии профессиональной школы, благодаря чему к концу XIX в. на Витебщине возникли первые ремесленные и сельскохозяйственные

учебные заведения. Несмотря на негативные моменты, обострение отдельных противоречий, к концу XIX в. начальная и средняя школа региона приобрели более демократичный характер, была заложена основа для дальнейшего развития новых отраслей образования – дошкольного и профессионального.

Дошкольное воспитание и обучение. Первым воспитательным дошкольным учреждением в Российской империи считается школа для малолетних детей-сирот Е.О. Гугеля, открытая в 1832 г. при Гатчинском воспитательном доме. Опыт работы Е.О. Гугеля перенял В.Ф. Одоевский, знаменитый русский педагог, меценат и просветитель. В 1839 г. при его участии было составлено «Положение о детских приютах», которое затрагивало вопросы общественного воспитания детей-сирот дошкольного возраста [239]. Согласно Положению 1891 г., приюты давали постоянное, а также «дневное призрение детям, остающимся во время дневных работ их родителей или родственников без надзора, или лишенным по семейным обстоятельствам возможности получить дома первоначальное образование и воспитание...» [236, с. 210–211]. В 1860-е гг. в Петербурге и Москве были открыты первые детские сады, функционирующие по системе немецкого педагога Ф. Фребеля [239]. Таким образом, во второй половине XIX в. дошкольное образование на территории Российской империи, включая белорусские земли, развивалось в двух направлениях: в русле благотворительности, благодаря чему были открыты воспитательные дома и приюты, где содержались дети дошкольного возраста беднейших слоев населения; в фребелевских детских садах, преимущественно частных.

Во второй половине XIX в. в Витебской губернии сохранялись традиции общественного дошкольного воспитания и обучения малоимущих детей в приютах, заложенные в более ранний период. В Мариинском приюте, открытом еще в 1838 г. Е.А. Дьяковой, призревались дети 3–12 лет. Им преподавались закон Божий, чтение, письмо, 4 правила арифметики, священная история, пение, элементарные знания по географии. Девочек обучали рукоделию [28, с. 415–416]. 24 октября 1870 г. по инициативе Витебского губернатора П.Я. Ростовцева было создано Витебское благотворительное общество, которое содействовало функционированию и расширению сети благотворительных заведений для детей, в том числе дошкольного возраста. Известно, что Обществом было открыто 2 приюта: для мальчиков (в 1878 г. передан в ведение города) и детей обоего пола [173, с. 230–231]. К 1898 г. в нем состояли только девочки, начиная с 4-летнего возраста. В Мариинском приюте призревались девочки с 7 лет. Под руководством наставницы они обучались молитвам, азбуке, чтению по складам, «нумерации счисления», а также пению и рукоделию [174, с. 67–68].

В 1887 г. Е. Сасс-Тиссовская в Витебске открыла первый фребелевский детский сад [90]. Основную цель воспитания дошкольников Е. Сасс-Тиссовская видела в возможности «путем различных необреме-

нительных для их возраста занятий, игр и развлечений воспитать и направить их душевные способности и тем приготовить малюток к серьезным занятиям в школе» [263, д. 1659, л. 36]. Программа детского сада, предложенная Е. Сасс-Тиссовской, была направлена на воспитание детей обоего пола 3–8 лет и включала 3 отделения: старшее (6–8 лет), среднее (4–6 лет) и младшее (3–4 года). Занятия с детьми организовывались по системе Ф. Фребеля, включая рукоделие, гимнастику, музыку и пение, обучение письму и чтению, беседы на религиозную тематику, элементарные знания в области ботаники, истории и географии, «разговоры на французском и немецком языках» [263, д. 1659, л. 37–38]. Продолжительность ежедневных занятий составляла 3,5 часа (с 10.00 до 13.30). Детский сад был платным. Содержание ребенка в саду составляло 60 рублей в год при единовременном пособии 5 рублей на материалы. Разумеется, определить ребенка в дошкольное учреждение могли только состоятельные родители.

Несмотря на то, что возникновение детских садов было делом частной инициативы, их деятельность имела коммерческий характер, не зависящий от перечислений из городского бюджета, власти не всегда способствовали открытию дошкольных заведений. Так, в 1891 г. в Дирекцию народных училищ Витебской губернии поступило прошение Марии Фобель о намерении открыть в г. Динабурге русско-французский детский сад для детей обоего пола в возрасте от 3 до 8 лет. Предполагаемая плата за посещение дошкольного учреждения составляла 15 рублей за полугодие, что было почти вдвое ниже, чем у Е. Сасс-Тиссовской. Однако М. Фобель со стороны властей на свою просьбу получила отказ, обоснованный тем, что просительница страдает глухотой [263, д. 1827]. Сохранились сведения об открытии в 1898 г. в Витебске Ф. Слоним детского сада для еврейских детей [263, д. 2167]. Однако дальнейшая судьба этого заведения остается неизвестной.

Таким образом, к концу XIX в. на территории региона существовали 2 канала развития общественного дошкольного воспитания – детские приюты и детские сады. И если первый имел длительную историю, что было обусловлено традициями благотворительности, то второй канал только зарождался.

Начальное образование. Наиболее многочисленным типом школы второй половины XIX в. являлась начальная школа, которая была разнотипной и разноплановой. Современная историко-педагогическая наука располагает достаточным количеством работ, освещающих различные аспекты становления и развития школьного дела и просвещения на белорусских землях указанного периода (О.И. Ершова, С.В. Снапковская, М.А. Ступакевич и др.) [65; 219; 220; 224]. В имеющихся литературно-публицистических источниках, освещающих дореформенное состояние школьного дела и первые послереформенные десятилетия, Витебская

губерния нередко представлена как наиболее проблемный регион [65, л. 135; 67, с. 560–563; 204, с. 122]. Согласно данным, приведенным в дореволюционном издании, до 1861 г. на территории Витебской губернии было открыто только 7 «начальных народных училищ всех ведомств» (для сравнения, в Минской губернии – 30, Могилевской – 19) [204, с. 122] (приложение Д).

Однако это в некоторой степени противоречит свидетельствам современников, например, Н.Я. Никифоровского, описывающего состояние дореформенной школы [127]. Несмотря на имевшиеся недостатки в организации школьного дела, указанные этнографом, он привел сведения о существовании в губернии прицерковных, примонастырских, польских (помещичьих) и др. школ до реформы 1861 г.

По сведениям современного историка О.И. Ершовой, в 1855 г. в пяти белорусских губерниях насчитывалось 215 начальных учебных заведений, наименьшее количество которых находилось в Витебской губернии – 25, при этом в Виленской – 42, Гродненской – 71, Минской – 41 [65, л. 135] (приложение Д).

Нашему вниманию представился рукописный документ [263, д. 526], хранящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске, согласно которому в 1855 г. в ведомстве Дирекции училищ Витебской губернии, предшествующей Дирекции народных училищ, насчитывалось 34 учебных заведения, включая гимназию, уездные дворянские мужские и женские училища. Мужские уездные пятиклассные училища действовали в Полоцке и Лепеле, трехклассные – Витебске, Велиже, Невеле и Режице. Частные женские заведения находились в Витебске (3), Полоцке (2), Невеле (1) и м. Освея Дриссенского уезда (1). Кроме этого, насчитывалось 10 сельских приходских училищ Министерства государственных имуществ. В уездных городах для непривилегированных слоев населения были созданы приходские училища (9), в Витебске существовала «школа для начального обучения бедных девочек» [263, д. 526, л. 1–1 об.]. Необходимо отметить, что в рассмотренном документе не содержатся сведения относительно учебных заведений г. Динабурга и Динабургского уезда Витебской губернии. Тем не менее, известно о приходских и уездных училищах Динабургского уезда в 20–30-е гг. XIX в. По нашему мнению, в 50-е гг. они принадлежали ведомству дирекции Динабургской гимназии [28, с. 432, 436], документы о которой в Национальном историческом архиве Беларуси в Минске не сохранились. Вышеуказанное позволяет по-новому взглянуть на дореформенное состояние школьного дела региона и предположить, что статистические сведения относительно системы образования Витебской губернии в указанный период времени были неполными, однако общее количество начальных училищ региона накануне реформы оставалось мизерным, что было характерным для всех белорусских губерний.

В первые годы после отмены крепостного права число начальных учебных заведений на территории Витебской губернии возросло. Заметим, что по официальным данным, количество «всех учебных заведений» в Витебской губернии, открытых с 1863 по 1868 гг., представлено от 24 до 105. Но по сведениям журнала Витебского губернского статистического комитета [263, д. 763, л. 26–30 об.], в 1863–1864 гг. в Витебской губернии насчитывалось 582 учебных заведений (таблица 2.1).

Таблица 2.1 – Учебные заведения Витебской губернии в 1863–1864 гг.¹

В уездах				
Начальные	Мужские	Женские	Смешанные	Итого
	196	1	51	248
В городах				
	Мужские	Женские	Смешанные	Итого
Начальные	306	18	5	329
Средние	4	–	–	4
Специальные	1	–	–	1
Итого	507	19	56	582

В них обучались 7943 учащихся (7114 лиц мужского пола, 829 – женского). Учительский контингент составляли 877 человек (827 мужчин и 50 женщин). 507 учебных заведений были предназначены для мальчиков, 19 – для девочек, 56 – для лиц обоего пола. К разряду средних принадлежало 4, специальных – 1, низших – 577 учебных заведений. В число последних входили многочисленные еврейские начальные школы (талмуд-торы, эшиботы и хедеры), а также уездные, приходские, женские и сельские начальные училища. Из общего числа всех учебных заведений в городах насчитывалось 334, в уездах – 248. Последние были представлены штатными сельскими училищами, сельскими школами и волостными училищами крестьян-собственников. В них обучались 3229 учащихся. По мнению составителей Журнала, «число существующих училищ весьма достаточно», но в Витебском, Городокском, Динабургском, Дриссенском, Люцинском и Режицком уездах «училищ весьма мало», что объяснялось преобладанием в западных уездах латышей «на обрусение коих доселе не было обращено никакого внимания. По Витебскому и Городокскому уездам близостью губернского города» [263, д. 763, л. 26 об.]. Однако в следующем учебном году количество сельских школ сократилось до 188. Их сокращение было обусловлено дальнейшим реформированием и упорядочиванием системы образования. В первые послереформенные годы возникали школы, действующие только формально. По свидетельству современника, служащие, «собрав крестьянских детей в какую-нибудь избу,

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [263, д. 763, л. 26–30 об.].

раздавали им по букварю и, приказав волостному писарю или одному из церковнослужителей обучать детей грамоте, доносили своему начальству об открытии ими училищ... Открытые таким порядком школы как быстро возникали, так скоро же и прекращали свое существование...» [27, с. 366]. В указанные годы отмечалось низкое качество организации школьного дела, обусловленное не только отсутствием подготовленного персонала, но и специально обустроенных школьных помещений.

Дирекция народных училищ, временный штат которой был создан в 1863 г., находилась в ведении Министерства народного просвещения и подчинялась попечителю Виленского учебного округа [28, с. 433]. Помимо расширения штата светских народных училищ, Дирекция оказывала методическую помощь учителям, а также занималось практической подготовкой кандидатов «для замещения учительских должностей в народных училищах... преимущественно из воспитанников духовных семинарий» [27, с. 366–368]. В 1866 г. в Дирекцию народных училищ были переданы приходские училища, а в 1867 г. – училища Министерства государственных имуществ. В 1874 г. в ведомство Дирекции перешли все городские и уездные училища, женские, низшие, казенные и частные еврейские школы губернии, в том числе талмуд-торы, эшиботы и хедеры [93, с. 21–22]. Необходимо заметить, что с середины 1870-х и вплоть до 1890 гг. наблюдалось снижение темпов открытия народных училищ на территории региона. Однако с 1891 г. и до конца XIX в. отмечался относительный рост числа учебных заведений, подведомственных Дирекции. Количество учащихся в начальных училищах возросло с 3961 в 1865 г. до 21961 в 1900 г. [93, с. 8, 21].

Руководством для народных учителей Витебской губернии, в большинстве случаев, служили инструкции, изданные в 1871 г., согласно которым в народных одноклассных училищах, имевших трехлетний срок обучения, устанавливалась 36-часовая учебная неделя. Ежедневные занятия длились 6 часов. После четвертого урока предусматривался двухчасовой перерыв. В местностях с инородным населением, а также в случаях нерегулярного посещения учащимися школы продолжительность еженедельных уроков могла быть увеличена [113, № 2, с. 63–64] (приложение Е). Учащиеся в классе делились на 3 отделения «по степени познания и соответствия учебной программе». Каждому отделению было рекомендовано занимать отдельное место, причем девочки находились отдельно от мальчиков. Запрещались телесные наказания, для исправления недостатков рекомендовались «нравственные меры: советы, внушения, замечания, выговоры... и оставление в классе без места» [196, с. 7]. Следует заметить, что на практике наблюдались случаи отступления от правил: в отношении учеников применялись телесные наказания, однако учителя не несли за них должную ответственность [263, д. 1634]. По окончании учебного года

проводились испытания, на которые приглашались не только родители учащихся, но и «почетные лица из местного общества» [196, с. 2; 263, д. 1595]. Школы содержались за счет сельских обществ, на средства которых устраивались общежития и организовывалось общественное продовольствие учащихся. Прием в школу мог осуществляться волостными сходами на протяжении всего учебного года [113, № 2, с. 63–64].

В 80-е гг. XIX в. в образовательной политике Российской империи происходят серьезные изменения, обусловленные вступлением на престол Александра III. С этого времени в сфере начального образования наметились тенденции к усилению религиозности и воссозданию школ церковного ведомства [31, с. 52]. Следует заметить, что до начала 1880-х гг. на территории Витебской губернии количество школ Святейшего Синода было единичным. 13 июня 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах», а в 1885 г. Синод утвердил единые программы и учебный план для церковно-приходских школ, согласно которым в них изучались Закон Божий, церковное пение, чтение церковной и гражданской литературы, русская и церковнославянская грамота, начальные сведения из арифметики. Курс обучения в одноклассной школе устанавливался двухлетний, в двухклассной – четырехлетний. Более 15 часов в неделю отводилось изучению закона Божьего и церковного пения [10, с. 251; 230, с. 64]. 4 мая 1891 г. были утверждены «Правила о школах грамоты», по которым в них преподавалось: изучение молитв, чтение на русском и церковнославянском языках, простейшие действия арифметики. Обучение в школах грамоты длилось чаще всего одну–две зимы [230, с. 64]. С 1898 г. в одноклассных церковно-приходских школах разрешалось вводить трехлетний курс обучения (вместо двухлетнего), а в местностях с инородным населением – четырехлетний. Впоследствии трехлетний курс обучения был введен во всех школах Полоцкой епархии [34, л. 44], что способствовало повышению качества обучения. К концу XIX в. в церковно-приходских школах епархии обучались 8389 учащихся, в то время как в школах грамоты – 15799 [214, с. 9–10] (таблица 2.2).

Таблица 2.2 – Учебные заведения Полоцкой епархии¹

Годы	Церковно-приходские школы			Количество учащихся	Школы грамоты	
	Количество школ				Количество Школ	Количество Учащихся
	Одно-классные	Двух-классные	Второ-классные			
1	2	3	4	5	6	7
До 1884	22	0	0	Нет сведений	1	Нет сведений

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [214, с. 9–10].

1884	43	0	0	Нет сведений	1	Нет сведений
1885	71	0	0	1390	1	652
1890	144	2	0	8464	58	8464
1895	148	9	0	5685	492	11334
1900	190	10	3	8389	587	15799

Составители «Асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі...» М.Н. Абраменко, Е.Г. Андреева, М.С. Мятельский и др., а также В.М. Астрога и С.В. Снапковская [10, с. 305; 13; 219, с.13] обратили внимание на существование на территории Беларуси так называемых «тайных школ» – русско-белорусских и польских, открытых без разрешения вышестоящих инстанций. «Тайное обучение» в Витебской губернии имело свои особенности: в городах оно носило характер недозволенного репетиторства, нередко учителя готовили детей к поступлению в гимназии и городские училища [263, д. 2036], в сельской местности осуществлялось групповое обучение детей. Анализируя отдельные архивные документы, можно сделать вывод, что в Витебской губернии до принятия правил о наказании за «тайное обучение» 1892 г. фиксировались случаи, когда церковь фактически узаконивала недозволенные школы, включая их в состав школ грамоты [264, д. 10, л. 161]. Таким образом, бурный рост последних мог быть связан с тем, что они открывались на базе «тайных школ», а их основатели оставались учителями, поскольку на рубеже XIX–XX вв. в школах грамоты в большинстве случаев преподавали не члены притча, а светские лица [214, с. 17; 264, д. 10, л. 210].

Начиная с 90-х гг. XIX в., в начальных учебных заведениях Витебской губернии большое внимание уделяется воспитательной составляющей образовательного процесса, практикуются новые воспитательные формы: экскурсии, литературно-вокальные вечера, «патриотическое пение». Развивается внешкольное образование: при школах открываются народные библиотеки, для взрослого населения организуются народные чтения и открываются воскресные школы. Следует заметить, что первые школы для взрослых на территории региона возникли еще в 60-е гг. XIX в. Известно о деятельности 3-х таких школ в 1869–1870 гг. – Бочейковской Лепельского, Храповицкой Витебского и Стернянской Режицкого уездов. В отчетном году эти школы посещало 50 человек, из них пятая часть – женщины. Возраст учащихся был до 35 лет [151, с. 35]. Определенной популярностью среди населения пользовались «чтения с туманными картинками», основной целью которых выступало религиозно-нравственное просвещение и воспитание [93, с. 55; 263, д. 1936, л. 92–92 об.].

Несмотря на положительные достижения в русле организации школьного дела и просвещения, в Витебской губернии значительное

количество детей выбывало из народных училищ до окончания установленного срока. В качестве основной причины ухода выступала организация крестьянской жизни: дети оставляли обучение с началом полевых работ, так как были в них задействованы наравне со взрослыми. Еще одной причиной являлось неудобство размещения училищ для детей из отдаленных деревень. Наконец, причины экономического характера также оказывали отрицательное воздействие на школьную статистику: дети вынуждены были оставлять школу, поскольку родители не могли приобрести для них учебники, школьные принадлежности и одежду по сезону.

Тем не менее, в 1896 г. среди учащихся начальных училищ Виленского учебного округа, выдержавших экзамен на получение льготы по отбыванию воинской повинности, наибольшее количество было зафиксировано в Витебской губернии – 14,11%. При этом в Виленской – 9,1%, Минской – 8,2%, Могилевской – 8%, Гродненской – 7,9% от общего числа державших испытания [65, л. 198].

В городах и местечках региона во второй половине XIX в. получить начальное образование можно было в одноклассных приходских и двухклассных уездных училищах, открытых по положению 1828 г. 31 мая 1872 г. было принято «Положение о городских училищах», согласно которому вместо уездных училищ создавались городские, имевшие реальную направленность. В городских училищах устанавливался шестилетний срок обучения. Они были платными [10, с. 247–248]. Таблица недельных уроков училища включала: закон Божий, русский и церковно-славянский языки, арифметику, геометрию, историю, географию, черчение, рисование, чистописание, а также естествознание и физику, преподававшиеся в старших отделениях. За отдельную плату преподавались пение и гимнастика [114, № 9, с. 344].

К концу XIX в. в городах Витебской губернии действовали 5 городских по положению 1872 г., 6 уездных двухклассных, 27 мужских и женских городских начальных одноклассных училищ и 2 училища при евангелическо-лютеранских церквях. Отдельную группу составили 147 еврейских училищ, включая начальные одноклассные, народные и частные, мужские и женские, школы русской грамотности, а также талмуд-торы и хедеры [258, д. 2, л. 38 об.].

Среднее образование. В середине 1850-х гг. средняя школа Витебской губернии была представлена мужскими гимназиями в Витебске и Динабурге, кадетским корпусом («военной гимназией») и духовной семинарией в Полоцке (впоследствии корпус и семинария были отнесены к «специальным учебным заведениям») [136, с. 21]. Помимо этого, до 1854 г. получить неполное среднее образование дворянские сыновья могли в пятиклассных дворянских училищах, находившихся в Полоцке и Лепеле. Согласно положению 1836 г., они были основаны с целью подготовки дворянских детей к поступлению в гимназии. Их курс был согласован с курсом первых пяти классов гимназий. Однако после 1854 г.

изменения, произошедшие в программах этих учебных заведений, ликвидировали существовавшую между ними преемственность [279, д. 86, л. 1–3 об.]. В 1861 г. с целью разрешения данного противоречия И.П. Корниловым, находящимся в должности помощника попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, был разработан проект о преобразовании дворянских училищ Витебской и Могилевской дирекции в четырехклассные прогимназии. Подобным образом предполагалось восстановить существовавшую ранее преемственность. По мысли И.П. Корнилова, прогимназии в уездах и городах должны были стать доступными не только для дворян, но и прочих городских и сельских сословий: «Было бы полезным в Витебской и Могилевской дирекциях привести в исполнения следующие меры... Взамен открытия параллельных классов при гимназиях преобразовать все тамошние дворянские училища в прогимназии... Прогимназии в уездных городах должны быть доступны не только для дворян, но и для прочих городских и сельских сословий, для которых эти учебные заведения должны заменить высшие народные училища» [279, д. 86, л. 3–6]. По нашему мнению, осуществлению этого начинания помешала реакция царских властей на восстание 1863 г., в результате чего помыслы государственных деятелей относительно развития средней школы на землях Беларуси, в частности, Витебской губернии, изменились. Уже в 1864 г. по проекту М.Н. Муравьева гимназии были оставлены только в губернских городах Витебске и Могилеве, а также в виде исключения – в уездном городе Динабурге Витебской губернии. Лепельское и Полоцкое дворянские пятиклассные, а также трехклассные Витебское, Велижское и Невельское училища Витебской дирекции и Режицкое Динабургской упразднились. На их месте были открыты двухклассные училища для мальчиков и женские смены для девочек, которые не давали воспитанникам возможность продолжать обучение в гимназии [274, л. 2–4 об., 154].

Известно о существовании в середине XIX в. сети женских дворянских пансионов, воспитанницам которых предоставлялась возможность получения среднего образования. Примером могут служить пансионы Кошко и Яковлевой в Витебске. Последний в 1851 г., по результатам ревизии женских частных школ Витебской и Могилевской губерний, был признан образцовым [272, л. 7–9]. В 1855 г. образцовые пансионы находились в Витебске и Полоцке – В. фон Крузе и Э. Лапицкой [263, д. 526, л. 1 об.]. Преподавание в частных пансионах осуществлялось на польском языке, русский язык был введен лишь в качестве отдельного предмета. В 1860 г. витебский губернатор П.Н. Клушин подготовил министру внутренних дел докладную записку с предложением «для уменьшения влияния католического фанатизма» открыть женские училища, «по крайней мере, в городах Витебске, Полоцке и Динабурге», сославшись, что «...учреждение здесь открытого женского заведения должно принести неисчислимую пользу, делая доступным образование

для массы, которая наиболее в нем нуждается» [280, л. 54, 58 об.]. Прежде всего, правительство сделало упор на развитие женских школ духовного ведомства, служащих источником проведения национально-охранительной политики государства. Есть сведения, согласно которым первое женское учебное заведение духовного ведомства в Беларуси, Спасо-Евфросиньевское, было открыто в Полоцке еще в 1844 г. [166, с. 205]. Спустя 20 лет оно было упомянуто в Журнале Витебского губернского статистического комитета [263, д. 763, л. 26–30 об.]. В 1864 г. в Витебской губернии было открыто шестиклассное Полоцкое училище девиц духовного звания. Целью его деятельности объявлялось «воспитание дочерей священнослужителей в церковно-религиозном направлении», а также подготовка к учительской деятельности в народных училищах и церковно-приходских школах. Помимо учебного курса, воспитанницы обучались «разного рода рукоделиям и ведению домашнего хозяйства» [27, с. 364; 172, с. 196–197]. Закреплению статуса духовных училищ Виленского учебного округа способствовало правительственное распоряжение 1884 г., согласно которому они получили права прогимназий [213].

С середины 1860-х гг. развивается светское женское образование. В 1866 г. в Витебске была открыта первая женская трехклассная гимназия ведомства учреждений императрицы Марии, преобразованная в 1874 г. в семиклассную [27, с. 362]. В 1860-е гг. в Витебске и Полоцке были созданы образцовые пансионы [10, с. 266–267], на содержание которых выделялись средства из государственного казначейства. Одновременно в Велиже продолжал существовать частный пансион, обеспечивающий воспитанницам получение среднего образования [79, с. 21–24]. В 1879 г. была учреждена Динабургская женская прогимназия Министерства народного просвещения, преобразованная в 1882 г. в гимназию [27, с. 363].

Сравнивая развитие средней школы Витебской губернии с другими губерниями Виленского учебного округа в 1880-е гг., необходимо отметить некоторые положительные моменты. Витебская губерния занимала второе место в округе по количеству средних учебных заведений, в число которых включались гимназии и прогимназии Министерства народного просвещения, реальные училища, гимназии военного министерства, училища Синода, гимназии и прогимназии ведомства учреждений императрицы Марии, а также частные средние учебные заведения, осуществлявшие обучение по программам государственных гимназий и прогимназий [67, с. 563; 140, с. 377]. Согласно сведениям 1883 г., в 9 средних учебных заведениях Витебской губернии обучалось 1899 учащихся (для сравнения, в 6 средних учебных заведениях Гродненской губернии обучалось 1557 человек, в 9 средних учебных заведениях Могилевской губернии – 1878 человек, в 12 средних учебных заве-

дениях Минской губернии – 2492 человека) [67, с. 563]. В 1894 г. по числу государственных учебных заведений, обеспечивающих получение общего среднего образования, Витебская губерния занимала третье место в округе [42, с. 269–270].

В 1880-е гг. в Витебской губернии увеличилась сеть частных учебных заведений, позволявших установить преемственность с гимназиями. К 1883 г. в регионе насчитывалось 9 негосударственных учебных заведений: 2 мужских и 7 женских. Заметим, что среди учащихся частных школ женская составляющая была более весомой (таблица 2.3).

Таблица 2.3 – Количество учащихся в частных учебных заведениях¹

Количество учащихся в частных учебных заведениях	Годы									
	1874	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883
В мужских	–	–	–	–	–	–	60	67	20	26
В женских	159	227	195	218	230	206	277	314	336	287

Мужские школы находились в городах Полоцке (училище Черемшанского) и Динабурге (училище Шафрановой). Обучение в них осуществлялось по программам низших классов мужских гимназий: училища готовили мальчиков к поступлению в кадетские корпуса и реальные гимназии. Среди частных женских училищ в 1883 г. 2 принадлежало к училищам второго, 5 – к училищам третьего разрядов. Двухразрядные училища находились в Витебске и Полоцке. Обучение в них осуществлялось по программам женских гимназий Министерства народного просвещения с незначительными отступлениями. Частные училища третьего разряда находились в Невеле, Велиже, Витебске, Динабурге и Дриссе; по учебному курсу они соответствовали przygotowательным классам женских гимназий «с прибавлением кратких сведений из географии и начальных упражнений в новых языках» [170, с. 215–216]. Частные училища нельзя отнести к учебным заведениям, обеспечивающим получение полноценного среднего образования, но они послужили основой для открытия прогимназий и гимназий в более поздний период. В отличие от мужских, большинство частных женских школ Витебщины середины 1880-х гг. получали пособия со стороны правительства, за исключением Витебского, Динабургского и Дриссенского училищ третьего разряда [170, с. 215–216]. В 1884 г. в Витебске частное женское училище Варвариной было преобразовано в 7-классное училище I разряда «по типу и с программами женских гимназий». Не-

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [170, с. 216].

смотря на то, что выпускницы учебного заведения не пользовались правами правительственных гимназий, вплоть до конца XIX в. училище фактически функционировало как женская гимназия Министерства народного просвещения, обеспечивая своим учащимся получение полноценного среднего образования [263, д. 1659, л. 92–93 об.].

Таким образом, средняя школа Витебской губернии второй половины XIX в. характеризовалась разнотипностью. Для мальчиков были созданы классическая гимназия, реальное училище, духовная семинария, кадетский корпус и, начиная с 1880-х гг., частные училища наподобие прогимназий. Девочки имели возможность получить среднее и неполное среднее образование в женских гимназиях ведомств императрицы Марии, Министерства народного просвещения и духовных училищах, а также частных школах и пансионах. Частное образование не предоставляло выпускницам прав, которые предоставляли государственные средние учебные заведения, однако его уровень был достаточно высоким.

Несмотря на заявленную в более ранние годы «всесословность», получить среднее образование могли, в большинстве случаев, представители привилегированных слоев общества. Основные причины – высокая плата за обучение в гимназиях и училищах и недостаточная академическая подготовка самих учащихся, что препятствовало поступлению в учреждения среднего образования; в последнем случае также имели место конфессиональные ограничения. Так, во второй половине XIX в. в престижной Витебской мужской классической гимназии доля дворянских сыновей православного вероисповедания была наиболее весомой. Однако в период с 1865 по 1887 гг. в гимназии прослеживался рост количества учащихся иудейской веры – с 0,8% в 1865 г. до 15,1% в 1886 г. После выхода знаменитого циркуляра «о кухаркиных детях» (1887 г.) число представителей иудейской веры в губернской гимназии сократилось к 1888 г. до 11,7%. Удельный вес лиц католического исповедания среди учащихся гимназии сокращался, начиная с 1865 года – с 52,2% до 30,1% в 1888 г. Доля лиц православного происхождения, напротив, возросла с 45,4% в 1865 г. до 50,9% в 1888 г. Также увеличилось количество учащихся лютеранской веры – с 1,6% в 1865 г. до 7,3% в 1888 г. [11, с. 356–357]. Как видим, в указанные годы на Витебщине существовали определенные ограничения в получении мужского среднего классического образования в отношении лиц католического и иудейского исповедания. Однако это не распространялось на представителей лютеранской веры, преимущественно латышской и немецкой национальности.

Сословно-конфессиональные ограничения, имевшие место в мужской средней школе губернии, в меньшей степени проявились в отношении женской средней школы. Например, после 1888 г. среди учащихся Мариинской гимназии Витебска и министерской гимназии Двинска

доля девиц иудейской веры была достаточно высокой около 18% и 36% соответственно [11, с. 362–363]. Тем не менее, как в мужских, так и женских гимназиях рассматриваемого исторического периода число крестьянских детей было мизерным. Женские духовные училища региона конца 1880-х гг. были предназначены преимущественно для дочерей священнослужителей, что также отражалось на их составе (приложение Ж).

Характеризуя учебно-воспитательный процесс средней школы региона, необходимо отметить, в первую очередь, разнотипность и расхождения в программах средних учебных заведений. По уставу 1864 г. основным типом средней школы объявлялась гимназии: классические, реальные и полуреальные. Классическая гимназия предусматривала изучение двух древних языков – греческого и латинского. В реальной гимназии вместо древних языков предусматривалось изучение предметов естественного цикла. Срок обучения составлял 7 лет [28, с. 441]. По уставу 1871 г. ограничивался прием детей недворянского происхождения, предусматривалось учреждение только классических гимназий. С 1875 г. срок обучения в них увеличился до 8 лет. Увеличилось время, отведенное на изучение древних языков [28, с. 441]. В 1872 г. был принят устав о реальных училищах, которые учреждались вместо реальных гимназий, с шестилетним сроком обучения и профессиональным уклоном [10, с. 259; 96, л. 89]. По уставу 1887 г. в гимназиях ограничивался прием детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и т.п., а также детей евреев – не более 10% от общего состава учащихся [10, с. 262; 28, с. 441–442; 265, д. 497, л. 2–4].

Средняя школа Витебской губернии претерпевала изменения, которые следовали за уставами. В первую очередь, это коснулось Динабургской реальной гимназии, преобразованной в 1872 г. в реальное училище [27, с. 357–358]. Витебская мужская гимназия по уставу 1864 г. объявлялась классической. В 1875 г. в ней был открыт 8-й класс, а также параллельные отделения [157, с. 4]. На протяжении 1870–1880-х гг. отмечались определенные ограничения в получении среднего образования в отношении лиц недворянского, а также католического и иудейского исповедания [27, с. 356–357].

Анализируя учебные планы и программы средней мужской и женской школы второй половины XIX в., можно выделить универсальный общеобразовательный компонент, который был присущ большинству светских учебных заведений – закон Божий, новые языки, история, математика, география, естествознание, физика, чистописание, черчение, музыка [28, с. 441, 445]. Но на их изучение отводилось разное количество учебного времени. Каждый тип учебных заведений имел специфический образовательный компонент. Например, курс классической гимназии, как было указано выше, включал изучение древних языков, реального училища – пред-

метов «реального цикла», кадетского корпуса – специальных военных дисциплин, Мариинской гимназии – педагогики и рукоделия и др. [28, с. 428, 441, 445]. Обучение в духовной семинарии предусматривало изучение богословских наук, истории, дидактики, греческого, латинского, еврейского, французского, немецкого и русского языков, литературы, логики, психологии, физики, космографии, предметов математического цикла и др. [28, с. 464]. В училище для девиц духовного звания, открытом в 1864 г., девочки обучались закону Божьему, чтению, грамматике русского и славянского языков, чистописанию, арифметике, истории, географии, пению и рукоделию, а также гигиене, элементарному уходу за больными, иконописанию (с 1891 г.) и музыке [28, с. 471–473]. В Полоцком Спасо-Евфросиньевском женском училище к концу XIX в. преподавались: закон Божий, теория словесности и русский язык, дидактика, педагогика, русская и гражданская история, география, физика, гигиена и «подание помощи в несчастных случаях до прибытия врача», пение, арифметика и геометрия, чистописание, обучение скрипичной игре и рукоделие [158, с. 2–3] (приложение Ж).

В организации воспитательного процесса также наблюдались расхождения. Несмотря на то, что воспитание во всех учебных заведениях базировалось на триедином принципе «православие, самодержавие, народность», наиболее суровым оно было в училищах духовного ведомства и Полоцком кадетском корпусе. В гимназиях предусматривались большее количество развлечений и менее жесткие дисциплинарные взыскания. Однако вплоть до конца XIX в. отмечалась излишняя регламентация, отсутствие демократических начал как в организации мужской, так и женской школы Витебщины [34, л. 41–42; 105] (приложение 3).

Средние учебные заведения Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. подготовили значительное количество выпускников, впоследствии ставших видными учеными, литераторами, общественными деятелями, известными на территории региона и за его пределами. В этом отношении особенно ярко выделяется Витебская мужская гимназия, в которой, в свое время, обучались будущие писатели К. Вероницын, С.С. Окрейц, медики и физиологи А.А. Четет, С.В. Чирьев, Б.-В. Ф. Вериго, краеведы и историки Б.Р. Брежго, А.П. Сапунов, В.К. Стукалич, философ и писатель с мировым именем Н.И. Лосский (проучившись с 1881 по 1887 г. в гимназии, был исключен из нее с «волчьим билетом» за пропаганду социализма и атеизма), а также знаменитый художник М. Шагал и др. [188].

Витебская духовная семинария подготовила известных краеведов и историков Витебщины Д.М. Василевского, Н.И. Горбачевского, Д.И. Довгялло, Н.Я. Никифоровского, А.Р. Пщелко и др. [34, л. 102–104].

В отношении женских учебных заведений сохранились сведения о выпускницах Динабургской женской гимназии. Среди них упоминается будущий доктор социологии Соня Вайнштейн, окончившая гимназию в 1888 г. [105, с. 42].

Профессиональное образование. Характеризуя дореформенное состояние профессиональной школы региона, необходимо отметить существование Витебской духовной семинарии, готовившей священнослужителей. Для подготовки к поступлению в семинарию действовали Витебское и Полоцкое духовные училища, сведения о которых приводятся уже в 1863–1864 гг. В дореформенные годы был открыт Полоцкий кадетский корпус, готовивший молодых людей к военной карьере. В 1863–1864 гг. при нем существовала школа кантонистов [263, д. 763, л. 27–28]. Таким образом, в регионе были сформированы духовная и военная отрасли профессионального образования.

Вопросы ремесленной подготовки населения белорусских губерний на правительственном уровне рассматривались, начиная с середины 60-х гг. XIX в. [274, л. 31]. В 1861–1873 гг. в Витебской мужской гимназии существовали землемерно-таксаторские классы, в которых осуществлялась профессиональная подготовка лиц со средним специальным образованием [157, с. 4]. Ремесленные классы и отделения открывались, начиная с 1860-х гг., при сельских училищах округа на средства сельских обществ [106, с. 8]. Известно, что в 1866 г. в двух народных училищах Люцинского уезда мальчики обучались столярному ремеслу, рукоделие преподавалось трех городских школах Витебска, Полоцка и Велижа [150, с. 30]. К 1870 г. обучение ремеслам осуществлялось уже в четырех училищах региона [151, с. 35]. Что касается женских ремесел, то, как отмечал этнограф и педагог И.Д. Горбачевский, обучение рукоделию в народных училищах Лепельского уезда выступало важнейшим средством привлечения девочек к занятиям в школе. Он писал: «В Черствятском училище раньше не обучались девочки, но жена учителя А.М. Пучковская начала привлекать их в училище, обучая домоводству, кухонному делу, кройке, шитью, вышиванию и другим женским рукоделиям. И число учениц при этих условиях скоро перевалило за десять» [37, с. 21].

С 1880-х гг. обучение ремеслам и рукоделию вводится в школах духовного ведомства. По мнению современного историка С.М. Восовича, Полоцкая епархия лидировала среди белорусско-литовских епархий по количеству школ, где преподавались указанные предметы [34, л. 93]. Следует заметить, что обучение мужским ремеслам в училищах Министерства народного просвещения и школах духовного ведомства оплачивалось, в то время как преподавание рукоделия осуществлялось учительницами, женами и сестрами учителей и священнослужителей безвозмездно [263, д. 4694, л. 1–2 об.].

Дальнейшему развитию профессионально-технической школы способствовало создание в 1884 г. при Министерстве народного просвещения особого отделения Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию, на которое возлагалось составление общего

плана развития промышленного образования империи. Были установлены различные типы «промышленных училищ», обеспечивающие получение соответствующей профессиональной подготовки: 1) ремесленные училища; 2) школы ремесленных учеников; 3) низшие ремесленные школы [263, д. 2395, л. 2–2 об.]. Однако самостоятельные «промышленные училища» в Витебской губернии возникли только в начале XX в. В конце XIX в. известно лишь о трехклассном еврейском ремесленном училище в г. Двинске [27, с. 350]. К 1897 г. при городских училищах губернии в Витебске (1), Двинске (2) и Режице (1), а также уездном Невельском училище были организованы классы для обучения кузнечно-слесарному и столярно-токарному мастерству. Из еврейских училищ в том же году обучение аналогичным ремеслам производилось в Велижском, Полоцком и Лепельском начальных и Двинском ремесленном училищах [258, д. 2, л. 39]. В целом, в период с 1891 по 1900 гг. при учебных заведениях, находящихся в ведомстве Дирекции, было открыто 15 ремесленных классов: 7 по кузнечно-слесарному, 8 по столярно-токарному делу. Из них – 7 при городских училищах, 8 – при сельских [93, с. 4].

Нашему вниманию представился документ из фондов Национального исторического архива Беларуси в Минске, в котором в 1889 г. рассматривалось прошение дворянки М.С. Акрейц об открытии в Двинске школы рукоделия «для малолетних детей». К сожалению, судьба данного начинания нам неизвестна, поскольку других сведений о нем не сохранилось [259, д. 17470]. Однако мы можем предположить, что начальная профессиональная подготовка нередко осуществлялась частными лицами.

В 70–80 гг. XIX в. в Витебской губернии закладываются различные направления развития среднего специального образования. Необходимо пояснить, что в указанный период времени под «специальными учебными заведениями» рассматривались учреждения образования, обеспечивающие профессиональную подготовку. К таковым в 1881 г. были отнесены: военная гимназия, учительская семинария, духовная семинария, мужские и женские духовные училища [136, с. 21]. В 1871–1879 гг. в Витебске действовала фельдшерско-акушерская школа [106, с. 9], а в 1880 г. в губернском городе была учреждена школа полицейских урядников [128, с. 20]. В последней трети XIX в. динамично развивается педагогическое образование. В 1872 г. учреждается Полоцкая учительская семинария, готовившая учителей народных училищ. Несмотря на то, что выпускники учительских семинарий не имели статус выпускников средних учебных заведений, насыщенная программа семинарии, включавшая закон Божий, основы педагогики, русский, церковнославянский и иностранные языки, арифметику, основы геометрии, историю России, землемерие и др. [28, с. 438], обеспечивала учащимся получение более чем элементарного образования. Право заниматься педагогической деятельностью получали выпускницы женских

духовных училищ и Мариинских гимназий; в первом случае осуществлялась подготовка народных учительниц, во втором – домашних [31, с. 56; 213]. На рубеже XIX–XX вв. открывались второклассные школы для подготовки учителей школ церковного ведомства. К 1900 г. в Полоцкой епархии известно о 3-х подобных школах [31, с. 54–55].

К концу XIX в. назрела потребность в подготовке квалифицированных кадров в сфере сельского хозяйства. В 1894 г. на территории Витебской губернии возникла Зачернянская низшая четырехклассная сельскохозяйственная школа (1894–1903), открытая по инициативе владельца м. Зачерня [129, л. 120; 138, с. 84]. Целью школы являлось «распространение в народе, преимущественно путем практических занятий, основных познаний по сельскому хозяйству, а также ремесленному столлярному и кузнечному». Школа включала один подготовительный и три основных класса [138, с. 84–85]. В 1897 г. в имении Амбросовичи Витебского уезда была открыта еще одна низшая сельскохозяйственная школа, принадлежащая помещику Перотту [258, д. 2, л. 38].

Таким образом, во второй половине XIX в. осуществлялось последовательное развитие системы образования Витебской губернии. В последней четверти XIX в. зарождается современное дошкольное образование, обусловленное возникновением первых детских садов. Начальная и средняя школа региона претерпела ряд изменений, школьная сеть и количество учащихся возрастали. Существенным недостатком массовой начальной школы было отсутствие преемственности с полноценными средними учебными заведениями. К концу XIX в. в регионе продолжали действовать отрасли духовной и военной школы, заложенные в более ранний период, а также формировались основные ветви профессионального образования, включавшего ремесленное, сельскохозяйственное и педагогическое. Была предпринята попытка в развитии специального медицинского образования, а также действовала школа полицейских урядников.

1.2 Система образования Витебской губернии начала XX в. (1903–1917 гг.)

В начале XX в. на белорусских землях обострились противоречия между сложившейся образовательной практикой и возросшими общественными потребностями. Развитие капитализма во всех сферах народного хозяйства требовало подготовки квалифицированных кадров соответствующего профиля. В педагогической печати обсуждались вопросы качества народного, необходимости введения всеобщего начального, доступности среднего, развития профессионально-технического образования и др. Народное просвещение не удовлетворяло возросшим экономическим и социально-культурным

потребностям населения белорусских губерний, в том числе Витебской. В обострившейся внутривластной ситуации со стороны правительства были предприняты определенные шаги в сторону удовлетворения требований мощного общественно-педагогического движения. Таким образом, позитивные тенденции, наметившиеся в отдельных отраслях системы образования второй половины XIX в., в начале XX получили дальнейшее развитие.

Введение земского самоуправления оказало решающее влияние на состояние школьного дела и просвещения Витебской губернии начала XX в., сыграв, безусловно, положительную роль. Поскольку «Положение об управлении земским хозяйством...» было принято в апреле 1903 г. и в течение года введено в Витебской губернии, это позволяет рассматривать указанную дату как начало нового периода в истории образования региона. На земские органы возлагались задачи организации в уездах детских садов, осуществлявших за незначительную плату подготовку детей к школьному обучению [193, № 29, с. 546]. Разработка и осуществление земством плана «всеобщего обучения» способствовали не только развитию начального образования, но и определенным образом стимулировали рост профессиональной школы. Земство выделяло денежные средства на обучение лиц, приобретающих ту или иную специальность в учебных заведениях губернии и за ее пределами, а также субсидии на открытие учреждений профессионального образования. Земские деятели принимали непосредственное участие в обсуждении вопросов призрения, обучения и воспитания детей широких народных масс. Таким образом, это оказывало влияние на развитие и совершенствование всех звеньев системы образования Витебской губернии дореволюционного периода, включая дошкольное, начальное, среднее и профессиональное.

Дошкольное образование. В начале XX в. в регионе расширилась сеть дошкольных учреждений; возникли приюты и детские сады, режим работы в которых был приближен к режиму современных. Воспитательниц дошкольных учреждений для Витебской губернии готовили на фребелевских курсах, действовавших при Санкт-Петербургском фребелевском обществе [53, доклады по народному образованию, с. 125–128]. Дальнейшему развитию дошкольного образования способствовали правительственные распоряжения 1907 г. об образовательном цензе учительниц детских садов, который предполагался быть не ниже учительницы начального училища, и 1915 г. «О содействии устройству приютов-яслей для детей лиц, призванных на войну» [113, № 9, с. 305], [120, № 6, с. 287–288]. Приступая к характеристике учреждений дошкольного воспитания региона, необходимо отметить, что в начале XX в. увеличивается их количество. Как было указано в первой главе, в 1904 г. в Витебске А.Д. Чепелевская открыла «приют для подкидышей» [49,

с. 51–65], который считался первым воспитательным домом города для младенцев и детей, не достигших 3-летнего возраста. Заметим, что определенные средства на его содержание, а также воспитание детей-сирот выделялись земскими органами. К началу XX в. действовал приют «Убежище», созданный Витебским обществом попечения о детях. В «Убежище» содержались дети «дневного пребывания» в возрасте от 5 до 12 лет. Воспитанники приюта делились на две-три группы, с каждой из которых проводились отдельные занятия, включая изучение закона Божьего, чтение и письмо. Режим работы приюта был приближен к режиму современных детских садов. В разные годы заведение работало с 7–8 часов утра и до 18–19 часов вечера. В 8 часов дети завтракали, время с 9 до 12 часов было отведено на обучение. Затем наступало время обеда, по истечению которого дети занимались ручным трудом: шили платья, вязали чулки, убирали в комнатах, мыли посуду и помогали на кухне. Начиная с 1910 г., обучение в приюте было организовано только для дошкольников, дети более старшего возраста после завтрака «отправлялись по школам» [269, д. 45, л. 26–70 об.]. В период с 1904 по 1913 гг. «Убежище» ежедневно посещали от 18 до 33 детей. В 1916 г. для детей лиц, призванных в действующую армию, на базе «Убежища» был открыт приют «Очаг», что позволило увеличить число воспитанников до 60 человек [269, д. 45, л. 70].

В 1908 г. католическое благотворительное общество в м. Креславка Двинского уезда открыло дневные приют-ясли для детей католиков. По сохранившимся сведениям, в приюте-яслях содержались 12 мальчиков и 20 девочек не старше 8 лет. В указанном заведении работала надзирательница, окончившая фребелевские курсы. Исходя из этого, можно предположить, что в приюте-яслях также осуществлялось дошкольное воспитание [269, д. 485, л. 31].

В годы Первой мировой войны вопросы дошкольного воспитания детей-сирот обсуждались церковными органами. На съезде духовенства Полоцкой епархии было принято решение об открытии в январе 1916 г. «приюта для сирот, павших в бою воинов» [193, № 45–46, с. 449–450].

В 1900-е гг. в Витебской губернии увеличилось количество частных детских садов. В июне 1906 г. в Витебске женой священнослужителя Н.И. Прокопович был открыт частный детский сад. Педагогический состав дошкольного учреждения был следующим: содержательница, окончившая фребелевские курсы, 2 бонны (немка и француженка), преподаватели гимнастики, танцев, рукоделия и рисования. В детский сад принимались дети обоего пола в возрасте 4–8 лет. Плата составляла до 60 рублей в год. При определении ребенка в дошкольное учреждение родителям или опекунам необходимо было предоставить свидетельство о его здоровье, что было нововведением [263, д. 2307, л. 1–27]. Основной задачей детского сада, по определению Н.И. Прокопович, было

«правильное, всестороннее воспитание детей дошкольного возраста и подготовка их к поступлению в училище» [263, д. 2307, л. 13]. Занятия, кроме традиционных, фребелевских, включали чтение русских народных сказок, знакомство с народными пословицами, поговорками и загадками, а также беседы на русском, французском и немецком языках. Длительность каждого занятия составляла не более 25 мин, с 10.00 до 13.00 в младшей группе и с 10.00 до 14.00 – в старшей. В 1909 г. детский сад был передан С.К. Ульрих [263, д. 2307, л. 13–18, 35–37].

В октябре 1910 в дирекцию народных училищ г. Витебска поступило прошение домашней учительницы М.Р. Каган об открытии в г. Витебске детского сада с пригготовительным классом для еврейских детей обоего пола. Разрешение было получено в январе 1911 г. [263, д. 4227, л. 1–4].

Первым уездным городом, в котором в начале XX в. было разрешено открыть «иудейский» детский сад, стал Невель. Инициатором открытия дошкольного заведения являлся домашний учитель Нейштадт, получивший разрешение на открытие детского сада в 1908 г. Согласно программе, детский сад предназначался для детей иудейской веры обоего пола 4–7 лет. При поступлении ребенка требовалось свидетельство врача о состоянии здоровья. Предполагалось открыть 2 отделения в зависимости от возраста детей; внутри отделений планировались группы по 15 человек в каждой. В детском саду предусматривались занятия продолжительностью не более 25 минут, организованные специально подготовленными лицами по методике Фребеля. Длительность занятий в младшем отделении предусматривалась с 10.00 до 13.00, в старшем – с 10.00 до 15.00 ежедневно, кроме субботы, еврейских праздников, торжественных дней и каникул. Предполагалось проведение занятий на русском языке. Курс дошкольного образования включал рассказы из священной истории и русского народного быта, беседы по картинкам, наглядное обучение, рисование, плетение, складывание лучинок, сгибание бумаги, вырезание и наклеивание, выкалывание, вышивание, лепку, построение из кубиков, кирпичиков и прочих материалов, первоначальное обучение грамоте и подвижные игры с пением. Программа предусматривала трудовое воспитание, в частности, работу в саду. По проекту автора, дети максимально возможное время должны были находиться на свежем воздухе, где могли быть организованы занятия (приложение И) [263, д. 3604, л. 8–10 об.].

Первым уездным городом Витебской губернии, в котором в 1912 г. было получено разрешение на открытие «христианского» детского сада, стал Полоцк. Инициатива исходила от содержательницы женской гимназии О.И. Ильяшенко [263, д. 3908, л. 1–4 об.].

В начале XX в. своеобразную альтернативу дошкольным учебным заведениям представляли так называемые «пригготовительные училища» –

частные учебные заведения третьего разряда, которые открывались для девочек еще в XIX в. Правда, если в конце XIX в. подготовительные классы открывались и при женских, и при мужских гимназиях региона, то в начале XX в. самостоятельные подготовительные училища открывались уже для детей обоего пола в возрасте 7–11 лет (школьный возраст наступал с 8 лет). Впервые подобное учебное заведение было учреждено в 1910 г. в Двинске. Целью деятельности училища объявлялось первоначальное умственное и религиозно-нравственное развитие. Занятия в нем организовывались с 20 августа по 20 мая [263, д. 3921, л. 2, 5]. К 1912 г. в городе существовали 5 аналогичных училищ. Несмотря на то, что размер оплаты согласовывался с родителями, популярностью данные училища не пользовались [263, д. 4377, л. 7–7 об.].

Начальное образование. Вопреки положительным изменениям, происходившим в области развития народного просвещения Витебской губернии на протяжении второй половины XIX в., на начало XX в. состояние народной школы характеризовалось как неудовлетворительное. Несмотря на относительный рост числа начальных училищ, к началу XX в. их количество было явно недостаточным для того, чтобы удовлетворить потребность в элементарном образовании всех слоев населения, в первую очередь, крестьян. Так, к 1 января 1903 года доля сельских детей региона школьного возраста, не посещающих школу, варьировалась от 81,1% до 87,2% [122, с. 3; 206, с. 26]. Прогрессивные общественные деятели и педагоги обсуждали вопросы повышения качества учебно-воспитательного процесса, материального обеспечения народных училищ, введения обязательного 4-летнего срока обучения в министерских школах, увеличения количества двуклассных училищ, развития профессионально-технического образования, а также увеличения доли женского контингента среди учащихся начальной школы. В периодической печати начала XX в. нередко появлялись статьи, призванные обратить внимание общественности на организацию учебного процесса в сельских начальных училищах региона (приложение Е). Как указывалось в докладе Витебской губернской земской управы, «дело народного образования находится в Витебской губернии в крайне печальном положении. Денежные средства, затрачиваемые на народное образование... крайне ничтожны». Так, в 1901 г. на народное образование в Витебской губернии было израсходовано 338211 р., из которых более 50% составляли средства сельских обществ [122, с. 13–15]. После введения земского управления с 1903 по 1910 гг. расходы на содержание сельских начальных училищ региона увеличились на 132,29%, причем из средств государственного казначейства – на 222,49%, в то же время отпуск средств от крестьянских обществ уменьшился почти на 50% [102, с. 38]. Для введения всеобщего начального

обучения земство, начиная с 1904 г., разрабатывало план школьной сети, рассчитанный на осуществление в 30-летний срок [117, с. 26; 276]. На 1 января 1911 г. в губернии насчитывалось 1262 начальных училища. В «правильно организованных школах», включая училища Министерства народного просвещения и церковно-приходские школы, исключая грамоты, обучались 53133 человека (из них в школах церковного ведомства – 13199, светского – 39943), таким образом, доля учащихся к принятому количеству детей школьного возраста составила 41,2% [102, с. 37; 117, № 1, с. 28]. Только в период с 1910 по 1914 гг. число учащихся региона увеличилось почти на 10000 человек – с 53133 до 63063 [119, с. 78].

Уже в 1905 г. отмечалось, что «все учителя и учительницы сельских народных училищ имели установленное учительское звание». Большинство педагогов окончили курс в средних учебных заведениях различного профиля (56,96%), а также учительских семинариях (40,74%). И лишь 0,01% являлись выпускниками низших учебных заведений либо приобрели учительское звание «по экзамену» [139, с. 82]. Исключение по-прежнему составляли школы грамоты, число которых, тем не менее, значительно сократилось. Одновременно увеличивалась сеть светских училищ, открываемых преимущественно земствами (приложение К). Земские школы осуществляли обучение по программам Министерства народного просвещения. Таким образом, по количеству светских школ в 1911 г. Витебская губерния занимала второе место в округе: их число составило 1027 (для сравнения, в Виленской губернии – 589, Гродненской – 754, Ковенской – 493, Минской – 962, Могилевской – 1103). Важно отметить, что количество «правильно организованных» школ в регионе превышало средние показатели по округу [142, с. 6].

Нельзя не отметить, что в начале XX в. по степени доступности светских училищ Витебская губерния находилась в наиболее выигрышном положении среди других белорусских регионов. В 1911 г. одна школа приходилась на 1214 жителей и на 24,2 кв. версты, в то время как по округу в среднем – на 1416 жителей и на 29,8 кв. верст [142, с. 7]. Учитель народного училища в среднем обучал 46 учащихся, что было ниже установленной министерской нормы в 50 человек (по округу средняя наполняемость школьных помещений составляла 58 человек) [114, № 9, с. 349]. В 1911 г. доля детей, окончивших народные училища региона, составила 7,6% и была наивысшей в округе [142, с. 8].

Несмотря на положительные моменты, в начале XX в. в сфере народного образования обнажились наиболее острые проблемы. В 1911 г. 88,4% всех школ губернии имели 3-летний курс обучения и только 11,6% – повышенный, что было наименьшим на белорусских землях (среднее значение этих показателей в округе было 66% и 34% соответственно) [142, с. 7]. В неудовлетворительном состоянии находилась материальная база начальных школ, основными недостатками которых

было отсутствие специально оборудованных помещений, должного материально-технического оснащения и нарушение элементарных санитарно-гигиенических требований [207] (приложение Е).

В начале XX в. на территории региона продолжали действовать 2 основных типа начальных школ: школы церковного ведомства и светские училища. Учебные заведения, как указано выше, были преимущественно одноклассными, с трехлетним сроком обучения. На начало XX в. более 50% сельских детей обучались в школах церковного ведомства. На 1 января 1901 г. в Полоцкой епархии действовали 3 второклассные, а также 10 двухклассных школ. Помимо этого, существовало 190 одноклассных церковно-приходских и 587 школ грамоты [164, с. 11, 15]. Количество школ Св. Синода возросло до 1906–1907 гг., достигнув своего максимума, но в последующие годы неуклонно снижалось [139, с. 79–80, 88; 214, с. 10], вытеснялось земскими школами, находящимися в ведомстве Министерства народного просвещения. К 1911 г. в Витебской губернии действовали 1027 училищ Министерства народного просвещения и только 348 – ведомства Св. Синода (приложение Л). Школы духовного ведомства составляли уже менее 0,3 от всего количество начальных школ, что было значительно ниже, чем в других губерниях округа, за исключением Ковенской [142, с. 5]. Несмотря на критику, которой подвергались школы церковного ведомства, в начале XX в. они были более результативными по сравнению со светскими училищами [92, с. 32–33] (приложение М). В 1907 г. число учащихся, окончивших курс с льготой по отбыванию воинской повинности в церковно-приходских школах, составило 14,2%, в то время как в народных училищах – 10,6% к общему числу учащихся, подвергшихся испытаниям. Вопреки имеющемуся в историко-педагогической науке мнению, школы церковного ведомства в материальном плане уступали школам Министерства народного просвещения по причине недостаточного финансирования [214, с. 14, 21–22]. В наихудшем положении было учебно-методическое обеспечение школ грамоты.

Большинство начальных училищ региона располагалось в сельской местности. Поскольку школы на Витебщине обычно находились в отдалении от дома учащихся, что было обусловлено природно-географическими особенностями региона, возвращаться домой в зимнее время детям было небезопасно. По этой причине учащиеся вынуждены были оставаться в училище. Одни ночевали в так называемых «спальнях» с двухъярусными нарами, другие – в кухнях, столовых и классах, «переноса с места на место свои сенники и производя ужасную пыль» [113, № 2, с. 63–72]. В такой негигиеничной обстановке среди учащихся легко распространялись инфекционные заболевания [56, с. 125; 207, с. 17–21] (приложение Е).

Согласно инструкциям 1875 г., в Витебской губернии открывались, двухклассные «министерские» училища, имевшие пятилетний

срок обучения. Их количество в начале XX в. было мизерным. Однако они имели свои преимущества. Ежедневная длительность занятий в младших отделениях первого класса составляла 21 урок в неделю и продолжалась 3–4 часа в день. В старшем отделении первого класса и во втором классе устанавливалось не свыше 29 уроков в неделю [113, № 2, с. 72] (приложение Е). Распределение учебного времени в «министерских» училищах было более эффективным по сравнению с одноклассными народными училищами, где продолжительность ежедневных занятий составляла 36 часов в неделю. Учебный год в большинстве училищ был короче установленного министерской нормой: вместо 1 сентября занятия начинались 1–15 октября, а заканчивались до 15 апреля, что было обусловлено особенностями крестьянского быта [113, № 2, с. 63–72; 264, д. 47, л. 17 об.]. Имеющееся количество школ не удовлетворяло образовательным потребностям населения, прежде всего, сельского. Нередки были отказы в обучении [92, с. 15–16]. Например, в 1905 г. в училищах, подведомственных Витебской дирекции народных училищ, было отказано в приеме 844 мальчикам и 573 девочкам [263, д. 3152, л. 68]. В 1912 г. зафиксировано 5970 отказов, основными причинами которых обозначались теснота школьного помещения и опоздание к началу занятий (58,2% и 27,6% отказов соответственно) [123, с. 35]. Отсутствие возможности посещать народные училища, как и в предыдущие годы, приводило к возникновению «тайного» обучения. Подобное явление встречалось повсеместно [263, д. 3159, л. 9, 16; д. 3215, л. 10–11]. В западных уездах региона «тайные» школы возникали в результате сопротивления русским школам, открываемым «в административном порядке» [263, д. 2852, л. 8, 12 об.].

Отмечая положительные особенности начального образования Витебской губернии, сложившиеся до 1917 г., необходимо отметить преобладание во второй половине 1900-х гг. школ, подчиненных Министерству народного просвещения (в большинстве белорусских губерний преобладали школы церковного ведомства), а также стабильный рост «правильно организованных школ». К 1910 г. в «правильно организованных школах» обучалось 53133 человека [102, с. 37]. Постепенно стирался гендерный «перекос» среди учащихся, принятых в начальные школы региона. Например, в 1915–1916 гг. в числе поступивших в народные училища одного из уездов Витебской губернии было 1573 мальчика и 1144 девочки [275, д. 349, л. 11].

В начале XX в. более интенсивными темпами развивалось начальное образование в городах. К 1912 г. в губернии насчитывалось 1 шестиклассное и 24 четырехклассных городских по положению 1872 г. училищ, а также 8 двухклассных, 66 одноклассных училищ, обеспечивающих получение начального образования различного уровня [179, с. 42]. В 1912 г. был утвержден закон о преобразовании городских по

положению 1872 г. училищ в высшие начальные [118, № 4, с. 275], а в 1913 г. закон вступил в силу [118, № 9, с. 453]. В высшие начальные училища, состоявшие из четырех классов с годичным курсом в каждом, принимались дети 10–13 лет, имевшие начальное образование. В них преподавались: закон Божий, русский язык и словесность, арифметика и начала алгебры, геометрия, география, история России со сведениями из всеобщей истории, естествознание, физика, рисование, черчение, физические упражнения; в женских училищах преподавалось рукоделие [28, с. 451]. В 1914 г. на территории региона существовали 26 мужских, женских и смешанных высших начальных училищ. По их количеству Витебская губерния заняла второе место в округе, уступая только наиболее многолюдной Минской (приложение Н). В 1914 г. из государственного казначейства на содержание высших начальных училищ губернии отпускалась сумма в 199885 рублей 14 копеек, превышающая суммы, выделяемые на содержание аналогичных учебных заведений в других губерниях края, за исключением Минской [119, № 2, с. 76].

Начиная с 1905 г., в городских училищах Витебской губернии вводится предметная система преподавания вместо классной; к 1907 г. она действовала в Полоцком [263, д. 3172], Витебском первом [263, д. 3303], Городокском, Дриссенском, Лепельском, Невельском, Режицком, Себежском и Суражском городских училищах [263, д. 3451]. Необходимость удовлетворить потребность в получении образования широких слоев населения привела к возникновению параллельных и вечерних отделений. Например, в 1910 г. вечерние смены существовали при нескольких городских училищах Витебска [178, с. 98]. С 1913 г. в высших начальных училищах региона вводилось преподавание французского и немецкого языков. Количество желающих обучаться соответствующим предметам возрастало вплоть до начала военных событий 1914 г. [263, д. 4442, л. 1–14 об.].

В 1900-е гг. актуализировались вопросы физического, нравственного и умственного развития учащихся. В связи с этим в 1909 г. комиссией при управлении Виленского учебного округа были предложены новые формы организации работы с детьми – занятия фотографией, ученические дачи, детские площадки [198, с. 68]. Есть сведения, что ученические дачи были организованы в гимназиях Витебска «с целью укрепления здоровья учащихся, их физического, умственного, нравственного и эстетического развития, вовлечения в посильный и интересный труд» [238, с. 10]. В 1914 г. со стороны Министерства народного просвещения предлагалось выделить особый кредит для организации площадок для детских игр при училищах Витебской губернии. Средства местного и государственного казначейства планировалось вложить на устройство подобной площадки в 1915 г. в Невеле. Был разработан проект сооружения, согласно которому предусматривалось наличие ограж-

дения, открытой эстрады, приспособлений для гимнастических упражнений, а также спортивного инвентаря – мячей, кеглей, стоек для прыганья, лестниц. Предполагалось назначение руководителей – «фребеличек» и их помощниц, таким образом, площадка могла предназначаться для детей всех возрастов, в том числе дошкольного [263, д. 4615, л. 1, 18–19, 32 об. – 34]. Однако осуществлению данного начинания помешали военные события 1914 г.

С началом XX в. активизировалась внешкольное образование. Организовывались народные чтения по различным отраслям знаний. Была расширена сеть воскресных и вечерних школ для взрослых [263, д. 3227, 3912]. В 1906 г. их насчитывалось не менее 25. В Витебском, Двинском, Дриссенском, Лепельском и Режицком уездах в школах для взрослых обучалось 269 мужчин и 284 женщины [148, с. 31.]. Рассматривались вопросы открытия вечерних курсов не только в городах, но и в сельской местности [263, д. 2963]. Широко практиковались обновленные формы воспитательной деятельности – экскурсии, музыкально-литературные вечера, чтения «с туманными картинками». Увеличивалась сеть бесплатных библиотек при начальных училищах [93, с. 55; 110, № 2, с. 102; № 3, с. 142–143].

В годы Первой мировой войны часть уездов Витебской губернии была оккупирована. Занятия на оккупированной территории прекратились. Осуществление плана всеобща было приостановлено [275, д. 349, л. 10 об.]. Несмотря на это, на 1 января 1917 г. система образования Витебской губернии находилась в более благоприятном положении относительно других регионов округа (приложение О). Например, в указанный период только в Витебской и Могилевской губерниях действовали воскресные школы и школы для взрослого населения. Первые существовали в Витебской губернии в двух пунктах с 43 учащимися и одним пункте Могилевской губернии с 30 учащимися. В Витебской губернии действовала школа для взрослых; в течение года было дано 268 уроков для 135 посетителей (для сравнения, в Могилевской губернии действовали 3 школы и было дано 553 урока для 144 учащихся). Витебская губерния лидировала по числу учебных заведений, размещенных в городах; на 1 января 1917 г. их насчитывалось 63. По количеству сельских училищ (1258) Витебская губерния уступала только более многолюдным Минской и Могилевской губерниям [262, д. 20, л. 4 об., 20 об.].

Среднее образование. В начале XX в. на территории Витебской губернии более интенсивными темпами начинает развиваться средняя школа. Прежде всего, на базе существующих гимназий и прогимназий учреждаются вечерние классы и параллельные отделения. Например, в течение 1901–1905 гг. они действовали со второго по седьмой класс Витебской Мариинской гимназии [277, л. 9, 19, 22, 30, 43–44, 54]. В 1903 г. в Полоцке на базе частного училища Рудьковиус была открыта

правительственная женская гимназия, а в 1905 г. – в Витебске Алексеевская женская гимназия Министерства народного просвещения [28, с. 446, 448]. Есть сведения о лепельском 4-классном Мариинском училище с профессиональным отделением, известном с 1908 г. [178, с. 290; 263, д. 3030, 3541, л. 1–7 об.]. А поскольку в 1907 г. Мариинские училища наравне с женскими училищами духовного ведомства были приравнены по статусу к средним учебным заведениям [34, л. 44; 113, № 11, с. 399; 190, № 5–6, с. 216; 191, № 47, с. 516], это позволяет отнести Лепельское Мариинское, а также Спасо-Евфросиньевское и Полоцкое училища, известные ранее, к учебным заведениям, обеспечивающим получение полноценного среднего образования.

В целом, после снятия ограничений на открытие частных учебных заведений в 1906 г. количество средних школ в регионе значительно возросло [10, с. 380; 113, № 2, с. 59–62]. Тем не менее, отдельные учебные заведения имели короткую историю. Например, в 1908–1910 гг. в Полоцке действовало частное реальное училище Богоявленского [177, с. 280; 178, с. 348]; в последующие годы о нем уже не упоминалось. Но в 1911 г. реальное училище было открыто в Витебске [28, с. 455; 262, д. 20, л. 80 об.]. Помимо этого, к 1911 г. в Витебской губернии насчитывалось 14 частных христианских училищ I и II разрядов, имевших статус гимназий и прогимназий, из них 9 женских и 5 мужских, а также 4 женских еврейских прогимназии [179, с. 42]. Средние учебные заведения существовали в большинстве уездных городов региона, а также некоторых местечках. Например, в 1908 г. известно о женской прогимназии Храмцовой в м. Креславка [263, д. 4694, л. 2 об. – 3]. Анализ ситуации, сложившейся в сфере среднего образования Витебской губернии в начале XX в., позволяет сделать вывод о преобладании женской школы над мужской. Если в 1908 г. в регионе насчитывалось 28 средних учебных заведений (включая специальные), 17 из которых были женскими, то на начало 1911 г. из 32 известных средних и средних специальных учебных заведений для лиц женского пола уже предназначалось 21 [73, с. 29–31; 179, с. 42, 62–65] (приложение П), (приложение Р).

Под влиянием общественно-педагогического движения, а также революционных событий 1905 г. в сфере средней школы наметились тенденции сближения учебных программ и реорганизации существующих. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что преобразования затронули, прежде всего, женскую среднюю школу. Например, в Полоцкой женской гимназии в 1906–1907 гг. было введено преподавание гигиены в 6 и 7 классах, а также французского языка в приготовительном. С 1908–1909 учебного года в гимназии разрешили преподавание польского языка. С 1911 г. во всех классах преподавалась гимнастика по 2 урока в неделю [266, д. 179, л. 8]. После 1906 г. в женских гимназиях Витебской губернии в качестве обязательного предмета вво-

дилось преподавание рукоделия [262, д. 21, л. 13], а с 1912 г. в женских гимназиях и прогимназиях было введено преподавание домоводства. Курс последнего включал: кулинарное искусство, уход за бельем, платьем и помещением [266, д. 158, л. 2].

Сравнивая планы мужских и женских гимназий, отечественной исследователь М.А. Ступакевич приходит к выводу о том, что «в женских гимназиях естественным наукам уделялось больше внимания, чем в мужских, где гуманитарные предметы составляли 81%. На преподавание географии в женских гимназиях отводилось на два урока больше, истории – на два урока меньше, математики – на урок больше, чем в мужских гимназиях, в значительно большем объеме преподавались новые языки» [224, с. 103–104]. В начале XX в. наметились тенденции уравнивания программ и правил мужской и женской школы, прежде всего, в гуманитарной сфере [266, д. 21]. С 1905 г. в Витебской Алексеевской гимназии вводилось преподавание латинского языка [267, д. 25, 26, 94]. В 1907 г. на съезде преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений был поднят вопрос об увеличении числа недельных уроков по соответственным предметам в женских гимназиях Виленского учебного округа [225, с. 33–69]. Начиная с 1907 г., в Витебской Алексеевской гимназии изменилось количество уроков по русскому и иностранным языкам, географии, были произведены замены учебников по русской литературе, географии, русской грамматике, педагогике и французскому языку [267, д. 57, л. 1–6].

В начале XX в. в женских средних учебных заведениях в качестве метода обучения с целью углубленного изучения русского языка и словесности использовалась литературная беседа, введенная изначально в Витебской мужской гимназии. Литературная беседа требовала предварительной подготовки. Учащиеся 5–8 классов заранее писали сочинения на избранную тему из перечня, предложенного педагогическим советом и утвержденного управлением округа. Автор лучшего сочинения становился руководителем беседы, ему же официально назначались 2 оппонента. В процессе беседы разгоралась свободная дискуссия, каждый имел право высказать собственную точку зрения [157, с. 4, 52–55]. В 1908 г. литературная беседа была организована в Велижской частной женской прогимназии для учащихся 5 и 6 классов; темой послужила биография и творчество А.Н. Островского [263, д. 3541, л. 20–21 об.].

Существенные изменения в структуре общеобразовательной школы региона произошли в 1915 г., когда учащимся высших начальных училищ было разрешено поступать во вторые и третьи классы мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ [120, № 4, с. 171]. Это позволяло установить преемственность между начальной и средней школой региона.

Характеризуя воспитательный процесс средних учебных заведений, заметим: отличительной особенностью выступала весомая доля ре-

лигиозного и гражданского воспитания. Первое осуществлялось преимущественно на уроках закона Божьего. По воспоминаниям полоцкого краеведа И.П. Дейниса (приложение С), в Витебской гимназии каждый учебный день начинался с чтения утренней молитвы, обычно продолжавшейся 15 минут – с 8.45 до 9.00. Учащиеся православной веры обязаны были носить нательные крестики, посещать воскресные и праздничные богослужения, соблюдать посты и совершать религиозные обряды [256, л. 6, 12–13, 16, 20]. Развитие патриотических и гражданских чувств осуществлялось на уроках истории, а также посредством торжественных чествований выдающихся исторических событий и лиц, организации литературно-музыкальных вечеров, участия в добровольных пожертвованиях и т.п. [105, с. 12; 256, л. 16–19].

Главной целью воспитания в мужских гимназиях было «развитие и укрепление в учащихся религиозно-нравственного и патриотического чувства, любви к труду, уважения к старшим, вежливости и дружелюбия к товарищам и соблюдение правил учебной дисциплины» [91, с. 21–22]. Главной целью воспитания в женских гимназиях объявлялось нравственное. Как писалось в отчете Двинской женской гимназии, «с этой целью, отдавая должное воспитанию в девицах ума, гимназия обращает серьезное внимание на развитие высших проявлений человеческого духа: ... добрых чувствований и укрепления воли...» [105, с. 12]. Воспитательная работа в мужских гимназиях ложилась преимущественно на плечи классных руководителей и их помощников – классных надзирателей [91, с. 19–22; 256, л. 6]. В женских гимназиях за порядком и нравственным обликом воспитанниц следили классные надзирательницы и классные дамы [105, с. 12, 19]. В первую очередь, от учащихся требовалось неуклонное исполнение регламента занятий и правил поведения в учебном заведении и общественных местах. Например, гимназисты в городе обязаны были появляться в форме. Последняя предполагала 2 варианта: летний и зимний. Цвета мужской формы были преимущественно серыми, темно-синими и черными. Ученицы Алексеевской гимназии носили темно-бордовые, Мариинской – коричневые, Варваринской – серые, Черновой – темно-зеленые, епархиального училища – фиолетовые с белыми пелеринами платья. Гимназистки имели форменные пилотки с эмблемами своего учебного заведения [256, л. 25–26, 28–29].

В средних учебных заведениях допускались наказания. Сравнивая дисциплинарные меры, применяемые к учащимся в начальной и средней школе, необходимо отметить, что в последней наказания предусматривались более жесткие. Особенно взыскательные требования предъявлялись к учащимся духовной семинарии [34, л. 41–42; 69]. В мужских гимназиях начала XX в. физические наказания были запрещены, однако был разработан внушительный перечень взысканий, предъявляемый к гимназистам за

те или другие нарушения дисциплины. За совершенный проступок гимназист мог быть задержанным на час после уроков с оповещением о том родителей, получить «особые занятия» на дом, выговор со стороны администрации, а также попасть в карцер на 24 часа или лишиться обеда и др. [162, с. 49] (приложение 3). Высшей мерой наказания являлось исключение из гимназии с так называемым «волчьим билетом», т.е. без права поступления в какое-либо учебное заведение, что в будущем затрудняло возможность устроиться на государственную службу. По воспоминаниям И.П. Дейниса, за годы его обучения в Витебской гимназии (1910–1918), только один воспитанник был исключен из учреждения за то, что «он заявил на уроке закона Божьего, что не верит в Бога» [256, л. 22]. Вопреки проведенной с ним воспитательной беседе, гимназист не отказался от своих убеждений, за что и получил «волчий билет». По свидетельству другого современника, М.А. Сахарова, крайние меры по отношению к учащимся, совершенным проступки, в витебских гимназиях применялись редко. Например, за участие в «сходках», предшествующих событиям 1905 г., никто из учащихся мужской гимназии не был уволен. Исключением являлся только один гимназист, оскорбивший педагогический совет. Однако и ему была дана возможность экспромтом получить свидетельство об окончании гимназического курса [255]. Тем не менее, в годы Первой русской революции воспитанники Полоцкой учительской семинарии, принимавшие участие в «возникновении беспорядков», были уволены, а семинария временно закрыта [113, № 3, с. 122].

Характеризуя воспитательную работу в городских учебных заведениях Витебской губернии, необходимо отметить, что в начале XX в. она стала значительно более разнообразной. Учащимся городских школ, в том числе духовной семинарии, дозволялись «благородные развлечения» – прогулки, экскурсии, концерты и чтение рефератов «на злободневные темы» [192, № 30, с. 533]. С позволения родителей и руководства учебного заведения учащиеся могли посещать театр и киносеанс. В витебских гимназиях устраивались ежегодные общешкольные экскурсии и прогулки за город [256, л. 29] (приложение С). Школьный досуг включал устройство вечеров, организуемых родительскими комитетами в благотворительных целях. Средства, вырученные от продажи билетов, перечислялись в фонды так называемых «обществ вспомоществования нуждающимся ученикам и ученицам». Подобные общества в начале XX в. состояли практически при всех средних учебных заведениях региона и некоторых городских начальных училищах [105, с. 17; 180, с. 159; 256, л. 29–30; 267, д. 30; 269, д. 55, 60, 195, 485].

Типичный школьный вечер предусматривал хоровое пение, чтение стихов, басен, игру на музыкальных инструментах, а также постановку сенок или отдельных элементов пьес, поскольку учащимся возбранялось организовывать полные театрализованные представления [23,

с. 13]. Обязательным было исполнение гимна «Боже, царя храни». Проанализировав программы школьных вечеров в учебных заведениях Витебской губернии за период с февраля 1908 по май 1909 г., необходимо отметить, что только в единственном учебном заведении, Дриссенском городском училище, на школьном вечере было прочитано стихотворение на белорусском языке – «У судзе» М. Бурачка. Сохранились сведения о музыкально-литературных вечерах, организованных в указанный период в 10 городских учебных заведениях региона, включая частные прогимназии в Велиже и Двинске, городские училища в Дриссе, Двинске, Полоцке, Люцине и Режице, Лепельское Мариинское женское училище и Витебское свято-лютеранское приходское училище [263, д. 3541, л. 1–7 об.].

Нередко для учащихся губернии начала XX в. устраивались экскурсии с целью расширения их кругозора и ознакомления как с техническими достижениями современности, так и памятниками старины. Например, во второй половине 1900-х гг. учащиеся гимназий и городских училищ посещали древлехранилище, Центральную станцию трамвая в Витебске, монастыри и достопримечательности г. Полоцка и др. [29, с. 111; 192, № 17, с. 212; 267, д. 120, л. 30–45].

Средние учебные заведения региона обеспечивали качественную подготовку. Об этом свидетельствуют следующие факты: в 1906 г. 100% выпускников Витебской Александровской гимназии получили аттестат зрелости, в женской Алексеевской гимназии были переведены и выпущены 96,97% державших испытания. Несколько ниже успешность была в Двинском реальном училище – 93,33% и Полоцкой женской гимназии, где средняя успеваемость составила 81,2%. Из 84 учениц, окончивших курс Мариинской женской гимназии, 5 были награждены золотыми медалями, 7 – серебряными, 13 – книгами [139, с. 63–71].

Профессиональное образование. В начале XX в. в Витебской губернии актуализировались вопросы развития профессионального образования. Это было обусловлено социально-экономическими факторами. Развивающаяся промышленность и сельское хозяйство требовали специалистов соответствующего профиля. На общеимперском уровне проблема подготовки квалифицированных профессионально-технических кадров, как известно, рассматривалась еще в конце XIX в. В свою очередь, это актуализировало потребность в подготовке соответствующего педагогического персонала. Таким образом, перед государством остро встал вопрос дальнейшего развития профессионального образования по различным направлениям.

В начале XX в. продолжало развиваться начальное ремесленное образование. В 1901 г. на территории Витебской губернии насчитывалось 15 ремесленных классов при училищах Министерства народного просвещения [93, с. 4]. В школах церковного ведомства также осущест-

влялись ремесленная подготовка мальчиков и обучение рукоделию девочек. Например, к 1901 г. ремесленные занятия по токарно-столярному и кузнечно-слесарному ремеслам были организованы при 2 школах, а обучение рукоделию осуществлялось при 6 школах Полоцкого уезда [264, д. 47, л. 19]. В последующие годы дополнительные рукодельные классы для девочек открывались при городских двухклассных приходских училищах. В 1912 г. таковых насчитывалось 3 – в Витебске, Двинске и Полоцке. В рукодельных классах преподавались кройка и шитье, рисование и черчение [263, д. 4428, л. 1]. События Первой мировой войны оказали влияние на последующее развитие профессиональной школы. Циркуляром Министерства народного просвещения № 35215 от 07.08.1915 было решено открывать при существующих технических учебных заведениях профессиональные учебные курсы и мастерские для инвалидов войны [268, д. 234, л. 32–34].

В начале XX в. в Витебской губернии возникли низшие ремесленные школы, послужившие основой для развития профессионально-технического образования в более поздний период. Всего до 1917 г. в Витебской губернии известно о 7 ремесленных школах: Витебской, Городокской, Дриссенской, Режицкой, Двинской, Ловожской и Кульневской [28, с. 458; 263, д. 3652, л. 3–11]. В них преподавались: Закон Божий, русский язык, арифметика, технология ремесла, счетоводство, черчение, рисование, практические занятия в мастерских [115, № 2, с. 51]. В 1913 г. в Лепеле была открыта ткацкая школа [119, № 8, с. 391].

С введением земского управления в губернии, после 1903 г., деятельность по развитию профессионального образования активизировалась. С 1904–1905 гг. в некоторых народных училищах губернии основывались особые сельскохозяйственные отделения. Учебная программа первых двух отделений соответствовала курсу народных училищ; начиная с третьего отделения, вводилось обучение садоводству и огородничеству с обязательными практическими занятиями [36, с. 55–56; 52, с. 7, 12–14]. В указанные годы был открыт ряд новых сельскохозяйственных школ. Зачастую инициаторами открытия училищ соответствующего профиля выступали частные лица. Например, 20 марта 1905 г. по инициативе жены действительного статского советника Е.В. Румовой в имени Боровляны Витебского уезда была учреждена практическая женская школа садоводства, огородничества и пчеловодства. Несмотря на то, что обучение в школе предполагалось быть платным, на ее содержание предусматривалось ежегодное казенное пособие в размере 1500 рублей. Согласно проекту, в школу принимались девочки с 15 лет, преимущественно окончившие низшие школы, «здоровые, предпочтительно из детей крестьян, мелких земледельцев и сельского духовенства» [261, л. 8–8 об.]. Целью указанной школы выступало практическое обучение названным отраслям сельского хозяйства. Согласно правилам, ученицам сообщались основные сведения по естествознанию, а так-

же велись повторительные занятия по общеобразовательным предметам по программе одноклассных министерских училищ. Курс обучения в школе распределялся на 2 года. По окончанию предполагались испытания: устные ответы и «производство ученицами собственных работ». Выдержавшим испытания полагались свидетельства об окончании [261, л. 8–8 об.].

В 1907 г. по инициативе А.Ф. Анисимова в имении Малое Лосвидо Городокского уезда была открыта практическая школа садоводства, огородничества и пчеловодства [130, с. 15]. Школа проектировалась в самом доме Анисимова. Для практических занятий были предусмотрены 2 питомника плодовых и декоративных растений, фруктовый сад и огород, пчельник и оранжерея [259, д. 2118, л. 3–6 об.]. В том же году в имении помещика Бобытянского в Дриссенском уезде была открыта Хрустелевская школа садоводства, сыроварения и маслоделения второго разряда [130, с. 15]. В 1910 г. в имении Заобыль Городокского уезда открылось сельскохозяйственное училище [129, л. 122].

Таким образом, к 1910 г. сохранились сведения о пяти сельскохозяйственных школах, включая Зачернянскую (1894–1903). Как отмечает отечественный историк Н.Е. Новик, «в Витебской губернии все сельскохозяйственные школы по источнику финансирования могли быть либо частными, либо общественными» [130, с. 15]. Сравнивая положение сельскохозяйственных школ в восточных губерниях Виленского учебного округа, исследователь считает, что число и положение последних в Минской и Могилевской губерниях было более стабильным по сравнению с Витебской, поскольку «государство внесло решающий вклад в их развитие», выделяя материальные средства на открытие и содержание [130, с. 15].

Новым типом профессиональных учебных заведений, обеспечивающих получение начального профессионального образования, выступали торговые школы. Изначально они были открыты в западных уездах региона. Например, к 1908 г. в Двинске действовали мужская и женская торговые школы, в Режице – частная четырехклассная торговая школа Ю.Я. Калинина [177, с. 194–195, 299].

В отношении развития женского профессионально-технического и среднего специального образования значительная роль отводилась иудейским обществам. Например, к 1904 г. в Двинске известно о частном женском еврейском профессиональном училище [175, с. 131]. В 1909 г. комитетом ремесленного и земледельческого труда был разработан проект женского двухклассного еврейского училища в Полоцке. Согласно проекту, школа, рассчитанная на 150 человек, предназначалась для сирот и бедных еврейских девочек. Цель обучения заключалась в том, чтобы девочки могли «приобрести вместе с общим элементарным образованием практические познания в ремесле: белошвейном, портняжном и др.». Проектируемая школа включала 2 класса. Обучение в первом

классе предполагалось 3 года, во втором – 1 год. Круг преподаваемых предметов предполагал русский язык, арифметику, русскую историю, географию и чистописание, закон иудейской веры, рисование, черчение и пение, а также счетоводство, товароведение, рукоделие, белошвейное и портняжное ремесла (приложение Т) [263, д. 3806].

В 1910 г. Двинским обществом распространения профессионального ремесленного образования среди детей евреев также было открыто женское профессиональное еврейское училище. Его целью выступала «возможность приобрести вместе с общим начальным образованием практические познания в ремеслах: портняжном и др.» [263, д. 3820, л. 9]. Училище включало 2 отделения: начальное общеобразовательное с трехлетним курсом и профессиональное четырехлетнее, включавшее одногодичный подготовительный класс. Обучение в начальном отделении было необязательным, однако для поступления в профессиональное отделение необходимо было иметь образование, соответствующее программе начального. В учебный курс последнего входили общеобразовательные предметы (закон еврейской веры, русский язык, арифметика, чистописание и пение), а также специальные предметы – рисование и рукоделие. Профессиональное отделение включало изучение аналогичных общеобразовательных предметов, а также пение; перечень специальных предметов был дополнен ремеслом, счетоводством, товароведением и гигиеной (приложение У). Подход к оплате был дифференцированным. Для девочек бедных родителей обучение было бесплатным, состоятельные родители платили от 6 до 10 рублей в год. Училище пользовалось определенной популярностью. В 1910 г. в нем обучалось 188 девочек [263, д. 3820].

В начале XX в. на территории Витебской губернии начинает более интенсивно развиваться среднее специальное образование. В 1906 г. в Витебске была вновь открыта фельдшерско-акушерская школа, готовившая средний медицинский персонал [106, с. 9]. Возникают новые типы учебных заведений – коммерческие училища. В 1906 г. в Витебске были открыты 3 аналогичных учебных заведения: частное мужское семиклассное коммерческое училище, частное семиклассное училище для детей обоего пола Грекова (в 1909 г. оба училища были объединены), а также женское трехклассное частное коммерческое училище. Также известно о Витебском женском коммерческом училище товарищества преподавателей и Двинском коммерческом училище А.И. Сахарова [28, с. 457; 139, с. 89–90; 177, с. 100, 194–195, 299; 273].

Развитие системы образования актуализировало потребность в подготовке квалифицированных педагогических кадров. Тенденции в сфере начального педагогического образования Витебской губернии, наметившиеся во второй половине XIX в., закрепились в начале XX в. В 1902 г. вышло «Положение о церковных школах ведомства православного исповедания», включающие разделы о новых типах школ: вто-

рокласных и церковноучительских. В них осуществлялась подготовка учителей для школ грамоты; учебные планы были дополнены обязательным обучением игре на скрипке или фисгармонии, а также преподаванием знаний в области сельского хозяйства [34, л. 45]. К середине 1900-х гг. в Витебской губернии существовало 6 второклассных школ [138, с. 85; 139, с. 88; 163]. В них принимали выпускников церковно-приходских школ. Курс обучения во второклассной школе составлял 3 года. Программа включала: закон Божий, церковную историю, церковное пение, славянский и русский языки, чистописание, отечественную историю, дидактику, начальные практические сведения о гигиене, географию, сведения о явлениях природы, арифметику, геометрию, черчение. В отдельных школах курс дополнялся рукоделием, преподаванием сельского хозяйства, военного строя и гимнастики [192, № 28, с. 71; 270]. Начиная с 1902 г., при Втором городском училище Витебска организовывались ежегодные педагогические курсы. В 1902–1907 гг. курсы окончили 63 учителя, однако ввиду короткого срока обучения педагоги были плохо подготовлены к профессиональной деятельности, а потому с 1907 г. были утверждены 2-годичные курсы. Учебная часть курсов включала «повторение усвоенных знаний по общеобразовательным предметам, теоретическое усвоение сведений из педагогики и методики преподавания учебных предметов курса начальной школы», а также дополнялась гигиеной, естествознанием, садоводством и огородничеством, гимнастикой, кузнечно-слесарным и столярным делом (на выбор слушателей) [113, № 5–6, с. 222; 263, д. 5136, л. 1, 3–3 об.].

Учителей для народных училищ по-прежнему готовили в Полоцкой учительской семинарии. Заметим, что статус полноценного среднего специального учебного заведения учительские семинарии приобрели только в 1917 г., когда было издано соответствующее положение [131, с. 18]. Современные исследователи М.А. Гулюк, Е.И. Шараева, характеризуя развитие педагогического образования церковного ведомства, рассматривают церковно-учительские школы как альтернативу учительским семинариям [213]. Есть сведения о существовании церковно-учительской школы на территории Витебской губернии в 1912 г. [26, с. 10].

Педагогическая подготовка домашних и народных учительниц осуществлялась в женских училищах духовного ведомства и светских гимназиях. Однако это не решало проблему квалифицированного кадрового обеспечения. В 1906 г. на основании положения 1874 г. для женских гимназий Министерства народного просвещения в Полоцкой гимназии был открыт 8-й педагогический класс [139, с. 71]. В 1912 г. дополнительный педагогический класс был открыт при Полоцком женском училище духовного ведомства [191, № 47, с. 516].

В начале XX в. управление Виленского учебного округа предполагало открытие женской учительской семинарии в одном из городов края.

Вопросы основания подобного учебного заведения выносились на обсуждение витебским земством, начиная с 1905 г. [52, с. 8]. Невельская городская дума на постройку женской учительской семинарии готова была выделить 3 десятины земли и 400 р. на содержание [263, д. 2748, л. 17–18, 20, 23–23 об., 26 об., 36, 44, 56–58 об.]. Тем не менее, в 1913 г. в Невеле была открыта мужская учительская семинария вместо женской. В 1915 г. такая же семинария была открыта в г. Двинске [262, д. 20, л. 63–63 об.]. Таким образом, к 1916 г. на территории Витебской губернии располагалось наибольшее количество учительских семинарий по сравнению с другими губерниями – 3 из 13 по округу [262, д. 20, л. 63–63 об.].

Витебская губерния выступила пионером в деле учреждения профессиональных педагогических учебных заведений нового типа. Так, в 1910 г. в Витебске впервые на белорусских землях был открыт учительский институт, готовивший учителей для городских училищ [106, с. 16; 146; 268]. Обучение в нем длилось 3 года. Программа института было многоплановой и разнообразной, включая предметы гуманитарного и естественного цикла, а также специальные педагогические дисциплины, том числе педагогическую психологию. В институте обучались исключительно лица мужского пола, окончившие учительские семинарии и имевшие двухлетний педагогический стаж. Однако право сдавать экзамен на звание учительницы высшего начального училища институт предоставлял выпускникам средних светских и духовных учебных заведений. Например, в 1916 г. такого звания были удостоены Ольга Орлова, окончившая Полоцкое женское училище духовного ведомства, и Зинаида Корейшо, выпускница Витебской Мариинской женской гимназии [268, д. 231].

Проблема отсутствия завершающего звена (университета) в системе образования не только Витебской губернии, но и всего Виленского учебного округа, отражалась в публикациях общественных деятелей Витебской губернии А.П. Сапунова, В.К. Стукалича, а также неоднократно выносилась на рассмотрение земскими органами, начиная с 1903 г. [51, с. 13–19; 209]. Частично вопрос об открытии высшего учебного заведения в регионе был разрешен в 1911 г., когда учредилось Витебское отделение Московского археологического института [49, доклады по народному образованию, с.15]. Несмотря на то, что в исторической науке ведутся споры о статусе указанного учебного заведения, включая его полное наименование [251], проведенное нами исследование позволяет сделать нижеизложенные выводы. Указанное учебное заведение с момента открытия в 1911 г. называлось «Витебское отделение Московского археологического института» [49, доклады по народному образованию, с. 15]. По словам председателя Витебской ученой архивной комиссии, оно являлось «первым высшим учебным заведением не только в Витебской губернии, но и во всем Северо-Западном крае» и предостав-

ляло возможность «получить... высшее образование... и образование специальное» [49, доклады по народному образованию, с. 15]. Целью деятельности учебного заведения была подготовка квалифицированных специалистов для работы в архивах, музеях и библиотеках [106, с. 17]. Обучение в институте осуществлялось в вечернее время. Несмотря на внушительный размер оплаты, составляющий 80 рублей в год, Витебская городская дума для его слушателей учредила 10 стипендий, Витебское уездное земство – 15 стипендий. Возможность обучения в институте имели не только мужчины, но и женщины. В 1912 г. губернская земская управа ходатайствовала перед Губернским земским собранием об учреждении стипендий при Витебском отделении Московского археологического института «для недостаточных слушателей и слушательниц», причем участие последних допускалось при организации «научных изысканий и раскопок в пределах Витебской губернии» [49, доклады по народному образованию, с. 15–18]. Первый выпуск слушателей состоялся в 1914 г. В числе защитивших диссертации были лица женского пола – М.А. Мельникова и А.А. Васильева [251]. По мнению современного историка М.Ф. Шумейко, Витебское отделение Московского археологического института можно считать «предшественником... Белорусского государственного университета по гуманитарной составляющей», поскольку «такой вывод основывается как на имевшем место широком спектре преподаваемых в отделении гуманитарных дисциплин, которые займут центральное место и в открытом в 1921 г. Белорусском государственном университете, так и на том, что многие профессора и преподаватели, воспитанники этого, равно как других отделений... (Н.М. Никольский, В.Н. Перцев, И.А. Сербов, А.Н. Лявданский и др.) активно включатся в строительство первого в Беларуси государственного университета» [251]. Вышеуказанное позволяет отнести Витебское отделение Московского археологического института к высшему учебному заведению, послужившему базой для развития высшей школы советской Беларуси.

Таким образом, в период с 1903 по 1917 г. в системе народного образования Витебской губернии наметились тенденции преемственности и целостности. В указанный период развивалось дошкольное образование, расширялась сеть народных училищ, осуществлялся переход к всеобщему начальному обучению, ускорялись темпы роста средних учебных заведений. В начале XX в. в регионе были заложены основы профессионально-технического и среднего специального образования, включая ремесленное, сельскохозяйственное, педагогическое, торговое, коммерческое и др. направления, а также база высшей школы Беларуси (рисунок 2.1).

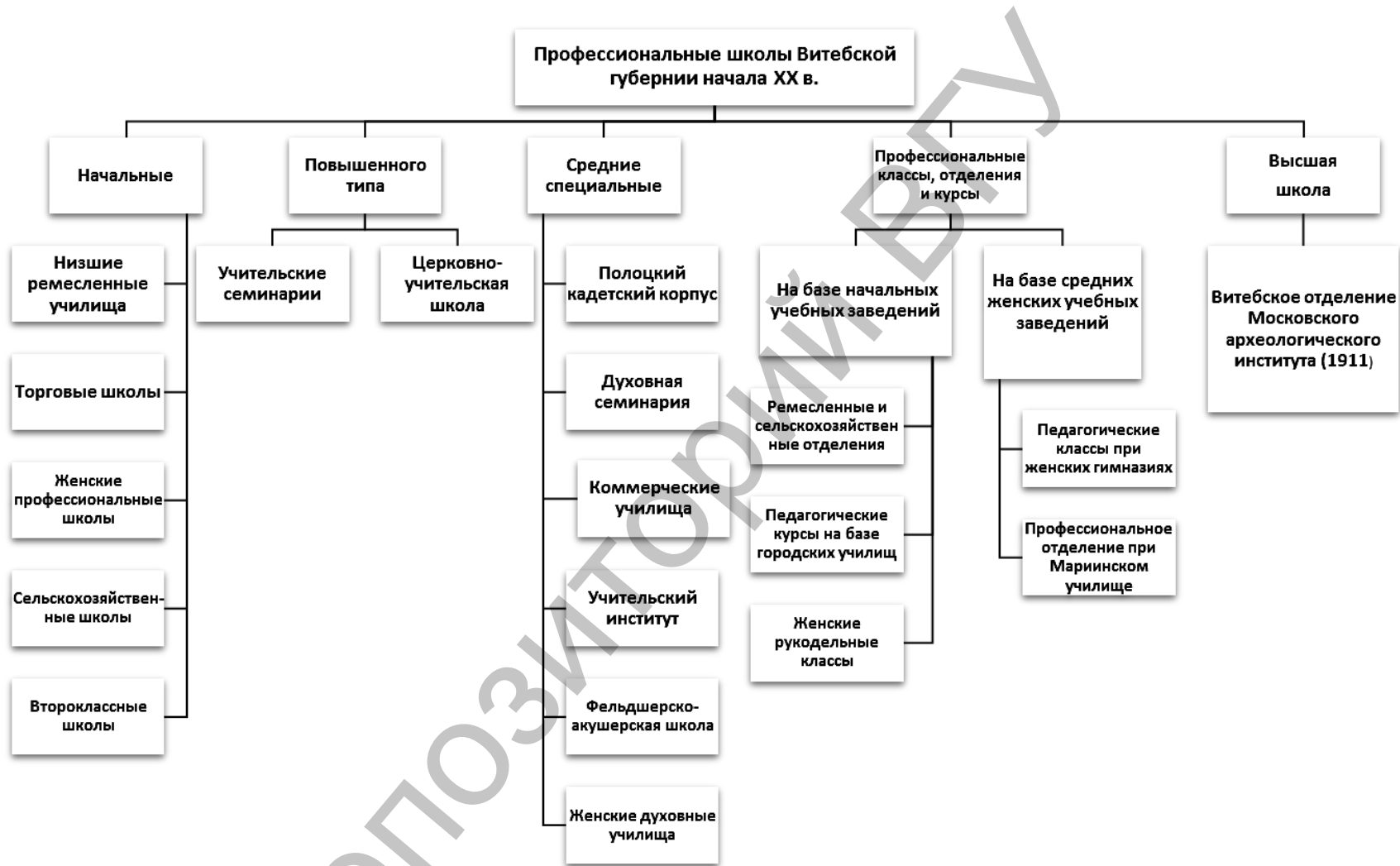

Рисунок 2.1 – Профессиональные школы Витебской губернии (начало XX в.)

2.3 Общественно-педагогическая мысль региона второй половины XIX – начала XX в.

Развитие общественно-педагогической мысли Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. было детерминировано идеями русской революционно-демократической педагогики В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, с одной стороны, и национально-освободительного движения, с другой. Идея народности образования способствовала усилению интереса к народным истокам педагогики, историческому прошлому, духовной культуре, языку и литературе белорусского народа. Прогрессивная белорусская интеллигенция отстаивала права народа на национальную культуру, обучение на родном языке, создание национальной школы. В русле *литературно-художественного, фольклорно-этнографического и историко-краеведческого* направлений общественно-педагогической мысли создавались произведения на белорусском языке, запечатлевались традиции народной педагогики, а также история школьного дела и просвещения. Развитие педагогической теории и практики региона способствовало становлению самостоятельного *прогрессивно-педагогического направления*, актуализировавшегося на рубеже XIX–XX вв.

Начиная с 1860-х гг. и вплоть до 1890-х гг. цензура запрещала печатное белорусское слово, что приводило к отсутствию легальной публицистики на родном языке. Белорусские книги издавались за пределами Беларуси [10, с. 225]. По этой причине современному исследователю могут быть представлены лишь немногочисленные литературные произведения, написанные на белорусском языке, сведения о которых сохранились. В 1855 г. уроженцем д. Островляне Городокского уезда К. Вереницыным (1834–1904) была написана белорусскоязычная поэма «Тарас на Парнасе» [205, с. 213]. К. Вероницин, рожденный в семье крепостных крестьян Витебской губернии, выходец из народной среды, не только получил полноценное образование, но и увлекался литературным творчеством. Поэма «Тарас на Парнасе» отражает быт, психологию и мировоззрение простого крестьянина, близкого автору. По сути, Тарас, главный герой произведения, представляет собой собирательный образ белорусского народа. К. Вереницын подчеркивает его трудолюбие, совесть, доброту, любовь к родной земле, бережливость, а также находчивость и остроумие, что в определенной степени отражает совокупный воспитательный идеал белорусской народной педагогики.

В русле литературно-художественного направления осуществлялась деятельность А.И. Вериги-Доревского (1816–1884) [205, с. 216], уроженца Витебской губернии. А.И. Вериги-Доревский поддерживал корреспондентские связи с виленскими, польскими и петербургскими изданиями и литераторами. В 1850-е гг. он организовал в Витебске ча-

стную библиотеку для городской бедноты. А.И. Вериги-Доревский написал ряд стихотворений на белорусском языке, а также перевел на родной язык поэму А. Мицкевича «Конрод Валленрод». В 1858–1863 гг. вел знаменитый «Альбом» – литературно-общественный альманах, включавший записи на белорусском языке, объединивший видных просветителей и общественных деятелей А.К. Киркора, В. Дунина-Мартинкевича, В.А. Сырокомлю и др. [205, с. 217–219].

В 1850-е гг. на Витебщине жил и занимался творчеством поэт Э.Ф. Вуль (1835–1880), уроженец Витебской губернии. Его перу принадлежит белорусскоязычное стихотворение «К дудару Артему от надвинского мужика», вписанного в вышеуказанный «Альбом». Стихотворение является признанным «образцом гражданской лирики середины XIX в.» [205, с. 220], отражающим веру автора в силу и даровитость простого народа.

В 1890-е гг. в губернской печати Витебщины появилось анонимное произведение «Наши переселенцы...», написанное на северо-белорусском диалекте [64]. Согласно сведениям Национальной библиотеки Республики Беларусь, ее автором являлся белорусский писатель А. Ельский (1834–1916). Воззвание к простому крестьянину включает базовые идеи народной педагогики, среди которых – любовь к родной земле и чувство патриотизма: *«Ой! Якая ж гэта вялікая, святая слово: родина, родны край. Треба толькі зразумець гэтыя словы, і...глыбока кунаць у сэрцы»* [64, с. 4]. Автор призывает народ учиться *«айде толькі можна»*, *«шановаць час і дармо не тратіць і минуты»* [64, с. 11], по сути, заняться самовоспитанием, развивая в себе самодисциплину. Писатель затрагивает вопросы нравственности, в частности, осуждает пьянство и связывает последнее обстоятельство с неграмотностью и нежеланием народа получать образование: *«...грамота і пісьменнасць у народа стоіць саўсем слаба... І не диво – покумелька доішчешся адной училишці з кніжэчкамі, дык пройдеш трыццаць корчэм з горелкай!»* [64, с. 4].

А. Ельский уважительно относится к труду и пишет, что *«...усякая работа, ты с топором, ты то с пярэм, коли робіцца, то цяжка»* [64, с. 7]. С другой стороны, автор осуждает пренебрежение образованного крестьянина к сельскому труду: *«У нас коли хто з сільян наўчыцца чытаць і пісаць, то ўжо чураіцца сіла і задумывае, як бы знайсці месца пісара ў воласці, ты урадніка, ты інюга якога чіновніка»* [64, с. 10]. Возникает ощущение, что автор, осуждая современную ему молодежь, жалеет об утраченных традициях возвеличивания крестьянского труда. Таким образом, А. Ельский выступает за сохранение лучших традиций белорусской народной педагогики, включая любовь к родной земле, уважительное отношение к труду, стремление к свету и знаниям, нравственному развитию.

Благодаря послаблениям со стороны цензуры, вызванным революционными событиями 1905–1907 гг., в губернской печати вновь появляются произведения, написанные на северо-белорусском диалекте. В 1908 г. в Витебске были опубликованы «Белорусские народные рассказы» [145] И.Д. Орловского (?–1926). Творчество писателя не имеет однозначной трактовки. Согласно точке зрения, представленной в Белорусской Энциклопедии (1996), И.Д. Орловский «осуждал бытовые и моральные недостатки в жизни крестьян, социальную несправедливость, общественные преобразования и технический прогресс, идеализировал крепостное право, веру в Бога и царя» [9]. Существует и другое мнение. По словам отечественного исследователя П. Вашко, Иосиф Орловский в «Белорусских народных рассказах» отобразил то, что происходило в белорусской глубинке на рубеже веков, объективно представляя сельскую жизнь, высмеивая и осуждая ограниченность мировоззрения и безграмотность, царившие в крестьянской среде [25]. Более детальный анализ «Белорусских народных рассказов» позволяет по-новому взглянуть на творчество писателя. В частности, И. Орловский поднял проблему крестьянского образования, указал на недостатки народной школы, ограниченность ее курса. Например, в рассказе «Сельский староста и сосед его Матей» говорится о том, что крестьянин *«три зимы учитца, а ничего ен ни знаець»*. От имени простого крестьянина автор выступает сторонником образования, но осуждает организацию крестьянской школы: *«...и я хвалю и люблю науки, а то ен [крестьянин] с народной школы ни учоны, а тольки скалечены...»* [145, с. 44], и таким образом, данная мысль выражает стремление народа к свету и знаниям вопреки многовековому невежеству.

Устами мудрого крестьянина Артамона И. Орловский говорит об особенной роли матери в личностном становлении и развитии человека: *«А найбільш коли наши матки сами не есть глупы, то у ней и дедки гладки, и люди живыя, а не слупы. Бо целая наука залежиць от наших маток...»* [145, с. 69]. Так или иначе, эти строки отражают объективно существовавший в народной педагогике идеал матери-наставницы, подчеркивая решающее влияние последней на умственное и нравственное становление и развитие личности.

Зарождение фольклорно-этнографического движения на землях Беларуси произошло в первой половине XIX в. В качестве одного из возможных основоположников данного направления можно считать А.Ф. Рыпинского (около 1811–1886), поэта, фольклориста, просветителя, уроженца Витебской губернии. Участник восстания 1830–31 гг., он был вынужден эмигрировать за границу, где в 1840 г. в Париже издал этнографический труд «Беларусь», написанный, в том числе, по фольклорно-этнографическим материалам Витебщины [205, с. 223].

Дальнейшее развитие фольклорно-этнографического направления было обусловлено созданием в 1845 г. в Санкт-Петербурге Русского географического общества. Благодаря этому в 1854 г. в городе на Неве была опубликована работа Н. Анимеле (годы жизни не известны) «Быт белорусских крестьян Витебской губернии» [11, с. 24]. Н. Анимеле, уроженец Витебщины, вольноотпущенный крестьянин, по мнению современных историков А.В. и Ю.А. Русецких, своей работой фактически положил «начало систематическому этнокультурному изучению Беларуси» [205, с. 215]. Важно заметить, что указанный труд содержит значительное количество материала по народной педагогике региона, включая описание общественных и семейных обрядов, обычаев, поговорок, песен и легенд.

События 1863 г., повлекшие усиление цензуры в публицистике, способствовали, тем не менее, углублению интереса к истории, фольклору и быту Северо-Западного края. Как справедливо указывал советский историк В.И. Пичета, «после восстания 1863 г. белорусская народность стала объектом особенного внимания дворянских и правительственных кругов... Благодаря этому были собраны и опубликованы многочисленные записи памятников народного творчества... Одновременно началось тщательное изучение Западной Руси...» [186, с. 6–7].

В 1865–1873 гг. на Витебщине находился знаменитый этнограф и фольклорист П.В. Шейн (1826–1900), работавший в должности преподавателя немецкого языка в Витебской мужской гимназии и уроков русского и словесности в женской [132, с. 28–30]. В 1867 г. П.В. Шейн в Витебске издал «Программу для собирания памятников народного творчества» [11, с. 475]. В 1877–1891 гг. корреспондентом П.В. Шейна был Н.Я. Никифоровский [205, с. 230].

Н.Я. Никифоровский (1845–1910), уроженец Витебской губернии, педагог, 43 года проработавший на поприще народного образования, из них 33 года было отдано учебным заведениям Витебска [223, с. 30–31]. Записывать «народные предания» Витебщины Николай Яковлевич начал еще в годы учебы в семинарии. В 1871 г. он познакомился с П.В. Шейном, которому впоследствии передавал свои записи. Самостоятельно печататься Н.Я. Никифоровский начал лишь с начала 1890-х гг. В 1893 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило Николаю Яковлевичу серебряную медаль «за богатые собрания этнографических материалов... и за многолетнюю деятельность в области этнографических исследований» [223, с. 31], а в 1897 г. – премию князя Сергия Александровича за произведение «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах, собранные в Витебской Белоруссии» и избрало действительным членом своего общества. В Витебске в 1895 г. Н.Я. Никифоровский был избран членом по заведыванию

древлехранилищем, а также действительным членом Губернского статистического комитета. С 1897 он вошел в состав комиссии по составлению описанию церквей и приходов епархии [223, с. 31–32].

Однако в историю педагогики и этнографии Н.Я. Никифоровский вошел, в первую очередь, как исследователь быта и фольклора Витебщины. В своих трудах исследователь отобразил, систематизировал и обосновал воспитательное значение разнообразных устных средств народной педагогики Витебщины – пословиц, поговорок, загадок, притч. В предисловии к книге «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах...» Н.Я. Никифоровский подчеркивает «поучительное» значение устного народного творчества: с помощью притч *«слушатель поучается тому, чего нельзя было сказать ему прямо»*; загадки, пословицы и поговорки используются с тем, чтобы *«ярче оттенить и провести мысль поучающего»*, а также предостеречь слушателя от дурных поступков [126, с. 11]. Н.Я. Никифоровский, талантливый педагог и фольклорист, обосновал воспитательное значение игры в развитии личности. По сути, исследователь обратил внимание на то, что игры, или «бавы», использовались как средство гендерной социализации не только детей, но и лиц более зрелого возраста. Этнограф подчеркнул, что *«в обществе женщин забавляются песнями, загадками да рассказнями, когда мужчины ведут испытания физической силы...»* [126, с. 54]. Предотвращая приобщение женщин к «корыстным» играм, распространенным в мужской среде, Н.Я. Никифоровский выступал сторонником женского образования с тем, чтобы на досуге образованная мать и сестра обучала грамоте своих детей и братьев [126, с. 54–55].

В конце XIX – начале XX вв. на Витебщине активизируется исследовательская и творческая деятельность А.Р. Пщелко (1869–1943), этнографа, писателя, публициста, уроженца Витебской губернии. А.Р. Пщелко исследовал быт и обычаи населения Лепельского уезда, включая подробное описание праздников и обрядов народного календаря, что в должной степени отражает пласт воспитательных средств и методов народной педагогики Лепельщины. А.Р. Пщелко с любовью и уважением относился к крестьянскому труду [200; 253], тем самым подчеркивая его важнейшее воспитательное значение в жизни простого крестьянина.

На рубеже XIX–XX вв. этнографы и фольклористы запечатлевали частушку как музыкальный жанр белорусской народной культуры. Вопреки критике, которой подвергалась частушка со стороны современников, она также выступает своеобразным средством народной педагогики, имея несомненный воспитательный потенциал. Интерес представляет работа малоизвестного автора В. Астаповича (полное имя и годы жизни не известны) «Белорусская частушка», изданная в Витебске в

1903 году на северо-белорусском диалекте [12]. В. Астапович систематизировал частушки в зависимости от «адресата» и исполнителя. Неся в себе воспитательный заряд, частушка отображала требования, предъявляемые белорусским народом и к мужскому, и к женскому полу. Девушкам надлежало быть скромными, трудолюбивыми, уметь рукодельничать; напротив, в женском характере осуждались кокетство, легкомыслие и лень: «*Караликау поуна шия, а кашули не пошья, и рубчики не зарубе, а хлопчикау дуже любе*» [12, с. 19]. В короткой, шутливой форме частушка высмеивала и осуждала пороки, царившие в мужской среде, например, пьянство и курение: «*...Дзеука хатку подмятеть, починочки напрядзеть, а мальчишка змолотить и у корчму зволочить*» [12, с. 21], «*Говорила миленку, говорила дураку: ты не пи-ка, дурень, водки, не кури-ка табаку*» [12, с. 86].

Вопреки воспеванию идеала крестьянина-труженика, царившего в белорусской народной педагогике, отношение крестьян Витебщины к ремесленникам не было столь однозначным, что отражает народная частушка. Так, о портном, «шевичке», говорилось: «*Што пошьеть, то пропъеть; придетъ домоу – жонку бьеть*» [12, с. 42], тем самым осуждая негативные черты характера и поведения, проявлявшиеся среди представителей данной профессии. С другой стороны, частушка как жанр народного творчества отражала уважительное отношение народа к физически тяжелому труду кузнеца: «*У коваля руки черны, да хлеб белы*» [12, с. 42]. Необходимо заметить, что В. Астаповичем частушки не только классифицированы, но и предложено собственное авторское понимание и анализ их содержания, что является безусловным достоинством указанной работы.

В обозначенный период с Витебщиной было также связана деятельность этнографов-фольклористов И.Е. Храповицкого (1817–1893), Е.Р. Романова (1855–1922) и др. [205, с. 233–235].

Активизация в середине XIX в. исследовательского интереса к историческим событиям Западной Руси обусловила развитие самостоятельного *историко-краеведческого направления*, основоположником которого применительно к землям Беларуси можно считать Михаила Осиповича Без-Корниловича (1796–1862). Его перу принадлежит труд «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся» (1855) [17], изданный в Санкт-Петербурге. В книге содержится материал, посвященный историческим событиям, происходившим на землях Витебщины.

1860–1890-е гг. на Витебщине связаны с деятельностью А.М. Сементовского (1821–1893), археолога, историка, краеведа, этнографа. Уроженец Полтавщины, А.М. Сементовский во время восстания 1863 г. был направлен в Беларусь, где провел последующие годы своей жизни. Был редактором неофициальной части «Витебских губернских ведомо-

стей», а также, начиная с 1863 г. и вплоть до 1890 г., составителем, редактором и автором артикулов «Памятных книжек Витебской губернии» [11, с. 376; 167–172] запечатлевших, в том числе, историю развития отдельных направлений школьного дела. Несомненный интерес представляет работа А.М. Сементовского, опубликованная в 1872 г., «Этнографический обзор Витебской губернии» [212]. В ней автор не только анализирует этнографический состав населения Витебщины, но и подчеркивает необходимость проведения этнографических исследований «в особенности северо-западных наших окраинах», а также обращает внимание на то, что возникновение интереса к ним было обусловлено восстанием 1863 г. [212, с. 1]. Автор резко критикует взгляды Ф.Г. Эркерта относительно разграничения славянской народности по вероисповеданию и утверждает, что «гораздо радикальнее было бы принять за этнографический признак разграничения народностей родной язык народа», а также историю и образ жизни [212, с. 2].

Начиная с середины 1880-х гг. активизируется творческая и научная деятельность уроженца Витебской губернии А.П. Сапунова (1851–1924). Являясь выпускником Витебской мужской гимназии, а впоследствии Санкт-Петербургского университета, Алексей Парфенович работал преподавателем древних языков в Витебской мужской гимназии. Будучи одним из основателей и почетным членом Витебской ученой архивной комиссии, он исполнял обязанности архивариуса Витебского центрального архива древних актов книг [222, с. 20, 35, 110].

Перу А.П. Сапунова принадлежат десятки научных трудов по истории Витебщины [222]. Видное место в его творчестве занимает статья «Университет в Полоцке» (1908), освещающая историю создания высшего учебного заведения города – Полоцкой иезуитской академии. На страницах своей статьи автор говорит о необходимости открытия на белорусских землях университета [209, с. 1–14]. Впоследствии его замыслы были реализованы: А.П. Сапунов явился одним из инициаторов открытия Витебского отделения Московского археологического института. Начиная с 1913 г., А.П. Сапунов был утвержден в звании «преподавателя Института по кафедре “Древности Северо-Западного края”», а также избран почетным членом института [251].

Традиции исторического краеведения на рубеже XIX–XX вв. были переняты В.К. Стукаличем (1856–1918). Владимир Казимирович – выдающаяся личность с непростой судьбой. Он рос и воспитывался в небогатой семье мелкого чиновника. С 9 лет у Владимира Казимировича возникли проблемы со слухом, вследствие чего в Витебскую гимназию он поступил в возрасте только 12 лет. В 1879 г. окончил гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Из-за своего физического недостатка он не мог посещать лекции, одна-

ко занимался самостоятельно и в 1883 г. с отличием окончил вуз со степенью кандидата прав по административному отделению. В 1884 г. несколько месяцев провел под арестом за связь с народнической организацией, после чего вернулся в Витебск, где вначале занимался частными уроками, а затем, с 1885 г., сотрудничал с «Русским курьером» в качестве переводчика и корреспондента. В течение нескольких лет работал податным инспектором в Гурьеве Уральской области, однако в начале XX в. вновь вернулся в Витебск, где находился последние годы своей жизни [11, с. 418–419; 205, с. 237–238].

В.К. Стукалич – известный краевед, один из создателей Витебской ученой архивной комиссии, автор книг и статей по истории Витебщины. Историко-этнографические статьи В.К. Стукалича начали появляться в губернской печати в 1890-е гг. Наиболее известные из них – «Белоруссия и Литва» (Витебск, 1893), «Мальцевские заводы» (Витебск, 1894), «Краткая заметка о белорусском говоре» (Витебск, 1898). В. Стукалич, как и А.П. Сапунов, затронул проблему отсутствия в системе образования Беларуси завершающего звена. В статье «К вопросу об устройстве университета в Витебске» (1908) автор поднял вопрос о необходимости учреждения в губернском городе высшего учебного заведения [205, с. 238].

Владимир Казимирович исследовал творчество своих предшественников А.П. Сапунова и Н.Я. Никифоровского, о чем свидетельствуют его книги «А.П. Сапунов: К 25-летию его ученой и литературной деятельности» (Витебск, 1905) и «Н.Я. Никифоровский. 1845–1910 годы» (Витебск, 1910) [222–223]. При жизни В.К. Стукалич был знаком и вел переписку с Ф.М. Достоевским, Г.И. Успенским, И.Е. Репиным. Конец жизни В.К. Стукалича стал трагичным. В 1918 г. он был расстрелян большевиками по политическим мотивам [11, с. 418–419].

Широкую известность как на территории Витебщины, так и далеко за ее пределами имели труды Д.И. Довгялло (1868–1942), историка, краеведа, архивиста. Труды Д.И. Довгялло запечатлели хроники отдельных событий на белорусских землях, а также осветили историю Полоцкой епархии и духовного образования Витебщины, в частности, этому посвящена его работа «Витебская духовная семинария» [46]. В ней подробно изложена история учебного заведения, а также повествуется о морально-нравственном климате, царившем в стенах семинарии. Автор дает обстоятельный анализ деятельности ректоров учебного заведения и их воспитательным методикам, отмечая сильные и слабые стороны.

К работам историко-краеведческого характера необходимо отнести труды И.И. Долгова (1857–1911) [60], Д.М. Каленчука [73], О.М. Киселева (1848–1922) [79], В.Г. Краснянского (1863–1930) [187] и др.

На рубеже XIX–XX гг. на территории Витебской губернии сложилась еще одно направление – *прогрессивно-педагогическое*, обусловленное публицистической и новаторской деятельностью талантливых педа-

гогов и просветителей супругов Аргамаковых, И. Васютовича, И.Д. Горбачевского, К.И. Тихомирова, Ю. Пэна и др.

А.П. Аргамаков (1842–1931) – инспектор классов Полоцкого кадетского корпуса (1884–1903); принимал участие в различных выставках, всероссийских и международных, где представлял изобретения и усовершенствования, разработанные им во время службы в Полоцком кадетском корпусе. Там же провел научное исследование на тему умственного утомления учащихся. Выступал с публичными лекциями «Открытия и изобретения в роли социальных факторов», «Национальное развитие и международные сношения в качестве факторов культурной среды» и др. [81]. Предложил «Проект учреждения полковых школ для детей офицерских и классных чинов...», где выступил с критикой существующей системы начального военного образования, предлагал использовать более прогрессивные методы обучения, дифференцированный подход, исходя из индивидуальных способностей учащихся и др. [5, с. 1–17].

На формирование педагогических взглядов А.П. Аргамакова определенное воздействие оказывала его супруга С. Аргамакова (годы жизни неизвестны), поддерживавшая корреспондентские связи с Л.Н. Толстым, написавшая 13 пьес и трудов по педагогике, философии и психологии [189]; некоторые из них были изданы в Полоцке. В числе последних – «Недостатки современной системы обучения как причина неправильного развития индивидуального духа» (1907) [7]. В ней автор критиковала зубрежку и схоластические методы в обучении, отмечала излишнюю перегруженность учебным материалом, умственное переутомление учащихся, выступала за необходимость физического и эмоционального развития ребенка [7, с. 5–60]. С. Аргамакова одной из первых на белорусских землях подняла вопросы домашнего насилия в отношении женщин и детей, равенства умственных и нравственных сил представителей обоих полов [6]. С. Аргамакова подчеркивала роль семейного воспитания в формировании личности, в особенности, роль матери, обосновывая тем самым необходимость полноценного умственного и нравственного развития женщины [6, с. 9–53].

В конце XIX – начале XX в. известна педагогическая деятельность И.О. Васютовича (1853–1918). Несмотря на то, что педагог не оставил после себя публицистического наследия, его вклад в развитие отечественной сурдопедагогики очевиден. И.О. Васютович родился в семье учителя Освейской школы Дриссенского уезда Витебской губернии. В возрасте 12 лет был принят в Санкт-Петербургское училище для глухонемых, которое окончил в 1872 г. Проработав более 20 лет наборщиком в типографии и коллежским секретарем, И. Васютович в 90-е гг. XIX в. оставил службу и занялся организацией частной школы для глухонемых детей. В 1893 г. он подал соответствующее прошение в Дирекцию на-

родных училищ Витебской губернии. Несмотря на то, что образование, полученное в Санкт-Петербургском училище, не позволяло заниматься педагогической деятельностью, попечитель Виленского учебного округа Н.А. Сергеевский пошел И. Васютовичу навстречу и в октябре 1895 г. разрешил открыть училище для глухонемых детей в Витебске. Открытие учебного заведения состоялось в сентябре 1896 г. [263, д. 1937, л. 1–63]. Заметим, что училище для глухонемых детей в Витебске было первым христианским учебным заведением подобного типа на землях Беларуси. Училище представляло собой одноклассную школу с двухлетним курсом обучения. Главной образовательной задачей, по определению И. Васютовича, выступало «нравственное и умственное развитие и правильное школьное образование» глухонемых детей [263, д. 1937, л. 4]. В школу принимались дети обоего пола всех сословий и вероисповеданий в возрасте 8–12 лет. В своей работе И. Васютович использовал передовые методы сурдопедагогики и, по мнению отечественного педагога И.М. Боблы, «фактически выступал против официально одобренной системы обучения глухонемых в России» [19, с. 69]. Преподавание И. Васютовича осуществлялось успешно: выпускники были обучены чтению, письму, навыкам разговорной речи, решали несложные арифметические задачи, имели познания по Закону Божьему. Известно, что училище просуществовало вплоть до смерти его основателя (до 1918 г.), выпустив более ста детей [19, с. 67, 70].

Применительно к рассматриваемой теме необходимо упомянуть имя И.Д. Горбачевского (1860–1914). Несмотря на то, что творчество И.Д. Горбачевского часто связывают с фольклористикой и этнографией, по нашему мнению, он был в числе тех, кто первыми поднял назревшие перед обществом вопросы развития народного образования. В частности, педагог рассмотрел проблему посещаемости школы девочками и предложил свое видение разрешения данного вопроса: с целью привлечения женского контингента в начальные училища необходимо вводить женские ремесла [37, с. 19–22]. И.Д. Горбачевский разработал систему трудового обучения и воспитания сельских детей, включая садоводство, огородничество, пчеловодство, ремесла и домоводство [4, с. 209–211]. В своих художественных произведениях автор стремился показать, что моральный облик человека зависит от его отношения к родной земле, таким образом, И.Д. Горбачевский развивал идеи патриотизма и народности, которые своими корнями восходят к народной педагогике.

К.И. Тихомиров (1864–1929), талантливый педагог и просветитель, автор учебно-методических пособий и статей по педагогике и педагогической психологии, в том числе «Психологические основы обучения», «Обучение грамоте» и др. [4, с. 264–271; 228–229]. В своих публикациях К.И. Тихомиров стремился отобразить научный подход в обучении, а также популяризовать среди народных учителей психологиче-

ские знания. В частности, педагог рассмотрел принцип наглядности как важнейшее требование дидактики, а также раскрыл его психологическое содержание. К.И. Тихомирова можно рассматривать как основоположника самостоятельной школы педагогической психологии в Беларуси. Велика заслуга К.И. Тихомирова в развитии системы образования Витебщины. Будучи директором учительской семинарии и начальником женской гимназии в Полоцке, директором учительского института и начальником Алексеевской женской гимназии в Витебске [257, д. 1], К.И. Тихомиров предпринял меры по усовершенствованию содержания учебных программ. Например, во время его работы в Полоцкой женской гимназии было введено преподавание ряда новых предметов [266, д. 179, л. 8]. В Витебском педагогическом институте, одном из первых на Беларуси, был введен курс педагогической психологии, который в 1916 г. читал сам Клавдий Иванович [262, д. 20, л. 109].

На рубеже XIX – начале XX в. на Витебщине были заложены основы современного художественного образования благодаря новаторской деятельности Ю. Пэна (1854–1937), живописца и талантливого педагога. Уроженец Ковенской губернии, Ю. Пэн с 1896 по 1937 гг. жил в Витебске. В 1898 г. он основал художественную школу под названием «Школа рисования и живописи художника Пэна», куда принимались все желающие, независимо от конфессионального, социального и имущественного положения. Обучение было индивидуализированным, с учетом индивидуальных способностей и интересов каждого учащегося, и длилось от 1 до 6 месяцев. Учениками школы-студии И.М. Пэна были М. Шагал, Л. Шульман, Д. Якерсон, С. Юдовин, О. Цадкин, Е. Минин и др., ставшие впоследствии знаменитыми художниками [70, с. 112–113].

В конце XIX – начале XX в. в Витебской губернии, по нашему мнению, были заложены основы современной социальной и пенитенциарной педагогики, что было обусловлено созданием в 1896 г. светской организации – Витебского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, а также открытием в 1899 г. колонии для несовершеннолетних правонарушителей [271]. С другой стороны, социально-педагогическое направление развивалось в русле практической деятельности служителей Полоцкой епархии. Представители православного духовенства О. Шостак, С. Яновский и др. писали статьи, обличающие нравственные недостатки народа – пьянство и хулиганство [249; 252]. В качестве воспитательных мер священнослужители предлагали создание «Союзов учащихся для борьбы с хулиганством» с привлечением лиц обоего пола [252, с. 171–177], церковную исповедь, беседы, учреждение по приходам обществ трезвости, приходских братств, «союзов благочестивых женщин», устройство по воскресным и праздничным дням в школах религиозно-нравственных чтений, иллюстрированных туманными картинками. В качестве действенного метода указывалась «пра-

вильная организация досуга учащихся», усиление надзора за религиозно-нравственным воспитанием в школах, а также открытие профессиональных школ для народа и др. [191, № 44–45, с. 488–490]. Заметим, что данные вопросы представителями православного духовенства неоднократно выносились на обсуждение перед общественностью.

Таким образом, развитие общественно-педагогической мысли Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. было детерминировано влиянием социально-политических процессов, революционно-демократического и национально-освободительного движения. Литературно-художественное и фольклорно-этнографическое наследие Н. Анимеле, В. Астаповича, К. Вереницына, А.И. Вериги-Доревского, Э.Ф. Вуля, А. Ельского, Н.Я. Никифоровского, И.Д. Орловского, А.Р. Пщелко, А.Ф. Рыпинского, П.В. Шейна запечатлело язык, духовную культуру и традиции народной педагогики Витебщины. Научная и публицистическая деятельность М.О. Без-Корниловича, Д.И. Довгялло, А.П. Сапунова, А.М. Сементовского, В.К. Стукалича и др., посвященная историческим событиям на землях Витебской губернии, запечатлевала историю школьного дела региона, содействуя развитию исторической и педагогической науки, просвещения и образования. Новаторские идеи, отраженные в публикациях и деятельности талантливых педагогов и просветителей А.П. Аргамакова, С. Аргамаковой, И.О. Васютовича, И.Д. Горбачевского, К.И. Тихомирова, Ю. Пэна, О. Шостака, С. Яновского содействовали совершенствованию учебно-воспитательного процесса, развитию отдельных звеньев системы образования региона, закладывали основы современного педагогического знания, включая дидактику, теорию воспитания, сурдопедагогику, педагогическую психологию, художественную и социальную педагогику.

Выводы по второй главе монографии

На протяжении второй половины XIX в. происходило поступательное развитие системы образования региона, включая дошкольное, начальное, среднее и профессиональное. В указанный период становление и развитие общественного дошкольного воспитания осуществлялось в деятельности благотворительных воспитательных заведений (приютов) для детей-сирот и детей из беднейших семей. Воспитание в этом случае имело религиозно-нравственный характер; его основной целью выступала подготовка законопослушной личности к «честной трудовой жизни». В 1887 г. в Витебской губернии впервые открылся частный детский сад, основная цель деятельности которого заключалась в полноценном умственном развитии ребенка. Содержание детей в частных детских садах было дорогостоящим и доступным только для состоятельных семей. В 50-е гг. XIX в. на территории Витебской губернии существовала сословная система начального образования.

Начиная с 1860-х гг., развивается светская массовая школа, представленная преимущественно одноклассными народными училищами. С середины 1880-х гг. распространяются учебные заведения церковного ведомства, представленные одноклассными церковно-приходскими школами и школами грамоты, методическое обеспечение которых находилось в наихудшем положении. Существенными недостатками начального образования были отсутствие преемственности со школой среднего звена, а также малочисленность. Развитие мужского среднего образования Витебской губернии второй половины XIX в. сдерживалось различными циркулярами и предписаниями. Общее число мужских средних школ было незначительным. Однако в указанный период развивается система государственного женского среднего образования. В целом, система средней школы региона второй половины XIX в. была разрозненной, в каждом случае обучение имело специфический элемент. Во второй половине XIX в. в регионе продолжали действовать отрасли духовной и военной школы, заложенные в более ранний период, а также формировались основные ветви профессионального образования, включавшего ремесленное, педагогическое и сельскохозяйственное. Была предпринята попытка в развитии специального медицинского образования (1871–1879); действовала школа полицейских урядников.

Существенные изменения в системе образования Витебской губернии произошли в начале XX в. Рост земской школы позволил увеличить число народных училищ, при этом сократив консервативные школы церковного ведомства. С начала XX в. наблюдалось усовершенствование учебно-воспитательного процесса, актуализировались вопросы физического, нравственного и умственного развития учащихся. После 1915 г. учащимся высших начальных училищ было разрешено поступать во вторые и третьи классы мужских гимназий, прогимназий и реальных училищ, что позволяло установить преемственность со школой среднего звена. В начале XX в. наметились тенденции сближения программ и правил мужской и женской школы. Общее количество средних учебных заведений возросло. Увеличилась сеть ремесленных отделений и классов, развивались новые типы профессиональных учреждений образования – низшие ремесленные, торговые, женские профессиональные, сельскохозяйственные школы, коммерческие училища. Были дополнительно открыты 2 учительские семинарии и педагогический институт. Важнейшим событием стало учреждение высшего учебного заведения – Витебского отделения Московского археологического института. Таким образом, до 1917 г. в системе образования Витебской губернии наметились тенденции преемственности и целостности.

Развитие общественно-педагогической мысли Витебской губернии, осуществлявшееся в русле литературно-художественного направления,

представленного публикациями К. Вереницына, А. Ельского, И. Орловского и др., позволяло передать совокупный воспитательный идеал народной педагогики, а также рассмотреть нравственные проблемы и вопросы крестьянского образования, содействуя народному просвещению. Фольклорно-этнографическое направление передавало важнейшие средства и методы народной педагогики (Н. Анимеле, Н.Я. Никифоровский, О.Р. Пшелко и др.). Представители историко-краеведческого направления А.П. Сапунов, В.К. Стукалич и др. в своих статьях и трудах запечатлевали историю просвещения региона, а также обсуждали остро стоящие вопросы народного образования. Задачи совершенствования учебно-воспитательного процесса, необходимость полноценного умственного, физического и эмоционального развития ребенка, совершенствование педагогической теории и практики осуществлялось в русле прогрессивно-педагогического направления, яркими представителями которого были супруги Аргамаковы, И. Васютович, К.И. Тихомиров, И. (Ю.) Пэн и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпосылками зарождения историко-педагогической регионологии в первой половине XIX в. послужили: национально-освободительное движение, оживление интереса российской науки к исследованиям по родиноведению, создание Русского императорского географического общества (1845). В 1860-е гг. под влиянием идей К.Д. Ушинского развивается школьное родиноведение, понимаемое как необходимость более глубокого изучения учащимися русского языка, русской литературы, истории и географии. Одновременно И.П. Корниловым было предложено изучение истории просвещения северо-западных губерний, которые рассматривались как малоисследованная область Российской империи. Дальнейшее развитие фольклорно-этнографического и историко-краеведческого движения позволяло запечатлеть идеи народной педагогики, обосновать региональные особенности белорусского народа, а также изучить генезис школьного дела на отдельных белорусских землях (И.Д. Горбачевский, Н.Я. Никифоровский, А.П. Сапунов, Н.А. Янчук и др.). В начале XX в. была предпринята попытка развития школьного краеведения в практике народных учителей, что предполагало ведение ими «школьных летописей» (Е.Р. Романов). Создание филиалов «Общества изучения Белорусского края», воссоздание Северо-Западного отдела Русского императорского географического общества способствовали дальнейшему накоплению знаний в области изучения местной истории и этнографии. В 1914 г. В.Я. Улановым впервые в российской педагогической науке был введен термин «краеведение». В 1920-е гг. на землях Белорусской ССР краеведение бурно развивается, что было обусловлено созданием централизованной сети краеведческих организаций. Теоретическое обоснование школьного краеведения и его связь с родиноведением была разработана М.И. Силищенским. В 1930-е гг. краеведческое движение сворачивается и фактически ликвидируется в 1938 г. директивой наркомпроса СССР «О постановке и организации краеведческой работы». К середине 1940-х гг. педагогическое краеведение возрождается и вновь развивается в практике школьных учителей. Одновременно в советской педагогической историографии происходит становление региональной тематики и появляются первые региональные историко-педагогические исследования. О их целесообразности в историко-педагогической науке велись длительные споры (Э.Д. Днепров, А.И. Пискунов, Ф.Ф. Шамахов). После 1991 г. в отечественной педагогике формируется самостоятельный раздел – историко-педагогическая регионология, развивающаяся на стыке истории, педагогики и регионологии (Н.К. Катович, М.Е. Коб-

ринский, Т.Г. Шатюк). В контексте нашего исследования мы предлагаем понимание историко-педагогической регионологии как ответвления педагогической регионологии, изучающего исторически сложившийся воспитательный опыт и процессы развития системы образования в границах конкретного региона либо его части.

На основании классификаций Д.И. Раскина, Т.Г. Шатюк, С.О. Шмидта нами предложена авторская классификация историко-педагогических источников исследования системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в., в основу которой положены критерии информативности, объективности и достоверности. Архивные источники, содержащие «живые» свидетельства и документы по истории образования, рассматриваются в качестве основных первоисточников в отношении исследования нашего вопроса. Группа архивных (неопубликованных) источников включает самостоятельные педагогические, документальные и личные. Педагогические источники позволяют «изнутри» исследовать содержательное наполнение педагогического процесса, проанализировать особенности программ, расписаний, протоколов педсоветов и т.п. в тех или других учебных заведениях региона. Источники, составляющие документальную группу, способствуют изучению приказов, предписаний, распоряжений, циркуляров, непосредственно поступавших в образовательные учреждения губернии, исследованию отдельных статистических сведений, а также школьного делопроизводства. Взгляды современников в отношении тех или других явлений в истории школьного дела, личную переписку государственных деятелей, посвященную вопросам развития образования региона, содержат неопубликованные личные источники, представляющие личные фонды, воспоминания и мемуары.

Опубликованные источники в наиболее общем виде классифицируются на традиционные (представленные на бумажных носителях) и цифровые, являющиеся формирующей группой историко-педагогического источниковедения. В свою очередь, все опубликованные источники делятся на собственно педагогические, документальные и повествовательные. Последние целесообразно разделять на публикации исследуемого (вторая половина XIX в. – 1917 г.) и последующего (после 1917 г.) периодов. Повествовательные источники включают личные материалы, периодику, научные труды и художественные произведения. Обращение к указанным источникам помогает сформировать общее представление о содержании образования на разных ступенях обучения, проанализировать статистику системы образования региона сравнительно с другими губерниями, выявить тенденции общественно-педагогического движения, проанализировать и сравнить взгляды современников и исследователей более позднего периода в отношении развития школьного дела и просвещения Витебской губернии.

К политическим факторам второй половины XIX – начала XX в. относились: социальные реформы Александра II, последствия восстания 1863 г., учреждение дирекций народных училищ, окончательное укрупнение Виленского учебного округа, подчинение начальных учебных заведений Министерству народного просвещения, возрождение и массовое распространение школ церковного ведомства (начиная с 1880-х гг.), земская реформа 1903 г., обострение внутривластной ситуации. Указанные факторы обусловили структуру системы образования региона, особенности развития отдельных ее звеньев, содержательное наполнение учебно-воспитательного процесса на разных ступенях обучения. Взаимодействие социально-экономических (процессы урбанизации, потребности социально-экономической сферы, рост промышленного производства, промышленный переворот), этнокультурных (особенности национального и религиозного состава населения) и политических факторов детерминировали гендерные особенности грамотности населения, специфику распространения различных типов школы в уездах региона. К концу XIX в. население западных уездов было более грамотным по сравнению с православными жителями восточных земель губернии. Но на рубеже XIX–XX вв. внимание государственных деятелей было сосредоточено на открытии школ светского и церковного ведомства преимущественно в восточных землях региона, где преобладало православное население. Первые земские школы в начале XX в. также возникли в восточных уездах. Вышеуказанное позволяло устранить расхождения в показателях грамотности жителей восточных и западных земель.

Во второй половине XIX – начале XX в. в развитии системы образования Витебской губернии определенную роль сыграли просветительно-педагогические факторы, к которым мы отнесли частную меценатскую деятельность и общественно-педагогическое движение, активизация которого возросла после событий 1905 г. Частная и общественная инициатива способствовала просвещению широких народных масс и совершенствованию учебно-воспитательного процесса. Просветительно-педагогический фактор имел решающее значение в развитии массового общественного дошкольного воспитания, просвещении взрослого населения, возникновении воспитательного заведения для несовершеннолетних правонарушителей, а также при учреждении первого высшего учебного заведения – Витебского филиала Московского археологического института.

Современное понимание системы образования включает совокупность взаимодействующих компонентов, направленных на достижение целей образования. Во второй половине XIX в. на территории Витебской губернии имевшая место образовательная практика сложилась в систему, что было обусловлено:

– становлением и развитием отдельных звеньев образования (дошкольного, начального, среднего, профессионального);

– наличием государственных программ различного уровня (существовали программы детских садов, начальных народных и городских училищ, прогимназий, гимназий и т.п.). Несмотря на расхождения, содержание образования включало обязательный компонент, характерный для всех типов школ, который составляли Закон Божий, арифметика, русская словесность, церковное пение. Воспитание подрастающего поколения на всех уровнях образовательной системы было подчинено триединой цели – «служению Богу, царю и Отечеству». С другой стороны, оно опиралось на триединый принцип «православие–самодержавие–народность»;

– существованием специальных органов, осуществлявших контроль над деятельностью учреждений образования. В частности, в 1863–1864 гг. была создана Дирекция народных училищ Витебской губернии, которая к середине 1870-х осуществляла руководство светскими учебными заведениями региона, включая народные училища, частные школы, школы для лиц иудейского исповедания и др. Руководство школами церковного ведомства, бурный рост которых начался в 1880-е гг., осуществляли церковные органы Полоцкой епархии, находившиеся в подчинении министерства Святейшего Синода. Наконец, гимназии и прогимназии были подчинены непосредственно попечителю Виленского учебного округа.

Современное понимание структуры системы образования включает участников образовательного процесса; образовательные стандарты и разработанные на их основе учебные планы и учебные программы; учреждения образования и другие организации, обеспечивающие эффективное функционирование системы образования; государственные органы управления образованием. Проводя параллели между эпохами, можно говорить, что система образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. имела структуру, напоминающую современную. В рассмотренный нами временной отрезок (вторая половина XIX – начало XX в.) ее компоненты составляли:

– участники образовательного процесса (прежде всего, учащиеся и учителя);

– учебные планы и учебные программы;

– учреждения образования;

– государственные органы управления, включая Витебскую дирекцию народных училищ и органы Святейшего Синода, о которых неоднократно велась речь.

Особенностью системы образования на землях Беларуси второй половины XIX – начала XX в., по сравнению с современной, было

отсутствие преемственности между звеньями, а также завершающего звена – высшего учебного заведения. Однако в связи с событиями 1905 г. в системе образования Витебской губернии наметились тенденции преемственности, а в 1911 г. определенным образом была решена проблема открытия высшего учебного заведения (учредилось Витебское отделение Московского археологического института).

Говоря об особенностях структуры системы образования Витебщины в сравнении с другими губерниями Виленского учебного округа, необходимо отметить, что внутренняя специфика наиболее отчетливо проявилась в начале XX в. Особенности структуры системы образования региона отражались:

- на уровне участников образовательного процесса (например, состав учащихся и педагогического персонала согласно полу);

- на уровне учреждений образования – в начале XX в. в регионе преобладали начальные школы, подчиненные Министерству народного просвещения; доля «правильно организованных» школ (училищ Министерства народного просвещения и церковного ведомства, исключая школы грамоты) была одной из наиболее весомых по Виленскому учебному округу.

Открытие в 1911 г. отделения Московского археологического института в Витебске, неоднократно упоминаемого нами на страницах монографии, единственного на территории Виленского учебного высшего учебного заведения начала XX в., также является важной специфической составляющей в структуре системы образования региона рассматриваемого исторического периода.

Таким образом, во второй половине XIX в. на территории Витебской губернии наблюдалось поступательное развитие системы образования. В этот период происходит становление новых его отраслей, в частности, общественной дошкольной воспитательной практики. Вплоть до конца 1890-х гг. первоначальное дошкольное воспитание и обучение осуществлялось преимущественно в детских приютах, где представляло собой «надзор и призрение» беднейших детей, а также в единично представленных фребелевских детских садах, осуществлявших полноценное дошкольное образование детей из состоятельных семей. Наиболее массовым типом школы второй половины XIX в. являлась начальная, представленная школами Министерства народного просвещения и, начиная с 1880-х гг., школами церковного ведомства. Массовая начальная школа была тупиковым звеном в системе образования, что являлось ее существенным недостатком. Средняя школа региона характеризовалась разнотипностью и расхождениями в организации учебно-воспитательного процесса. Существовали изолированные мужские и женские учебные заведения, подчиненные различным

ведомствам. Общее количество учебных заведений среднего звена было немногочисленным. К концу XIX в. были сформированы основные каналы развития профессиональной школы, включая военную, духовную, ремесленную, педагогическую и сельскохозяйственную. Вплоть до конца XIX в. системе образования Витебской губернии были характерны раздробленность, изолированность отдельных звеньев, а также отсутствие завершающего звена – высшего учебного заведения.

В начале XX в. в системе образования региона происходят количественные и качественные изменения, намечаются тенденции единичности и преемственности. Совершенствуется дошкольное образование. Программы работы приютов и фребелевских детских садов, количество которых возросло, были направлены на подготовку детей к школьному обучению. Интенсивными темпами развивается начальное образование. Количество школ церковного ведомства, достигшее своего пика в начале XX в., после 1907 г. сокращается. При этом неуклонно возрастает число земских школ, подчиненных Министерству народного просвещения. Увеличивается количество средних учебных заведений, постепенно стирается разница в программах средней мужской и женской школ. В начале XX в. особую актуальность приобретают вопросы развития профессионального образования. Закладывается основа профессионально-технического, среднего специального, а также высшего образования. Последнее обусловлено открытием в 1911 г. Витебского отделения Московского археологического института.

В современной педагогике существует неоспоримый тезис о том, что наиболее действенным воспитательным средством является личный пример. Практическое и теоретическое значение для педагогики сегодняшнего дня имеют, прежде всего, личные примеры жизни и творчества общественных деятелей, ученых, литераторов, педагогов, живших и работавших на Витебщине исследуемого периода. Развитие общественно-педагогической мысли Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. было детерминировано идеями, сформированными под влиянием социально-политических процессов, включая национально-освободительное и революционно-демократическое движение. Литературно-художественное и фольклорно-этнографическое наследие Н. Анимеле, В. Астаповича, К. Вереницына, А.И. Вериги-Доревского, Э.Ф. Вуля, А. Ельского, Н.Я. Никифоровского, И.Д. Орловского, А.Р. Пщелко, А.Ф. Рыпинского, П.В. Шейна передает язык, духовную культуру и традиции народной педагогики Витебщины. Научная и публицистическая деятельность М.О. Без-Корниловича, Д.И. Довгялло, А.П. Сапунова, А.М. Сементовского, В.К. Стукалича и др., посвященная историческим событиям на землях Витебской губернии, запечатлевала историю школьного дела региона, содействуя развитию исторической и

педагогической науки, просвещения и образования. Новаторские идеи, отраженные в публикациях и деятельности талантливых педагогов и просветителей А.П. Аргамакова, С. Аргамаковой, И.О. Васютовича, И.Д. Горбачевского, К.И. Тихомирова, Ю. Пэна, О. Шостака, С. Яновского, содействовали совершенствованию учебно-воспитательного процесса, развитию отдельных звеньев системы образования региона, закладывали основы современных педагогических знаний, включая дидактику, теорию воспитания, сурдопедагогику, педагогическую психологию, художественную и социальную педагогику.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что в системе образования и русле общественно-педагогической мысли Витебщины второй половины XIX – начала XX в. наметились позитивные тенденции, которые нашли продолжение в последующие исторические периоды и развиваются по сей день.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абраменко, М.Н. Низшая профессиональная школа в дореволюционной Белоруссии / М.Н. Абраменко. – Минск: Высшая школа, 1975. – 62 с.
2. Актуальные проблемы теории и истории педагогики: Педагогические чтения, посвященные памяти доцента С.В. Селицкого, 2 февр. 2006 г. / под ред. В.В. Тетериной, И.Е. Керножицкой [и др.]. – Витебск: Изд-во УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2006. – 337 с.
3. Андреева, Е.Г. Гуманистические идеи первоначального воспитания детей в дореволюционной Беларуси: учеб.-метод. пособие / Е.Г. Андреева. – Минск: Минск. пед. ин-т им. А.М. Горького, 1985. – 96 с.
4. Антология педагогической мысли Белорусской ССР / сост.: Э.К. Дорошевич, М.С. Мятельский, П.С. Солнцев. – М.: Педагогика, 1986. – 468 с.: ил.
5. Аргамаков, А. К столетнему юбилею Суворова. Проект учреждения полковых школ для детей офицерских и классовых чинов как начало реформы кадетских корпусов / А. Аргамаков. – Витебск: Губернская типолитография, 1900. – 25 с.
6. Аргамакова, С. К вопросам этики в современном браке / С. Аргамакова. – Полоцк: Типография К.В. Клячко, 1895. – 55 с.
7. Аргамакова, С. Недостатки современной системы обучения как причина неправильного развития индивидуального духа / С. Аргамакова. – Полоцк: Типография К.В. Клячко, 1907. – 75 с.
8. Арискин, В.Г. Становление среднего образования в Симбирской губернии (со втор. половины XIX в. до 1917 г.): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В.Г. Арискин. – Ульяновск, 2006. – 259 л.
9. Арлоўскі Восіп Данілавіч // Бел. энцыкл.: у 18 т. – Мінск, 1996. – Т. 1. – С. 485–486.
10. Асвета і педагогічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М.М. Абраменка [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 463 с.
11. Асветнікі зямлі Беларускай. X – пачатак XX ст.: энцыкл. даведнік / С.А. Акуліч [и др.]; [рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. У.М. Жук]. – 2-е выд. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. – 492 с.
12. Астапович, В. Белорусская частушка / В. Астапович. – Витебск: Губернская типография, 1903. – 47 с.
13. Астрога, В. Адносіны царызму да настаўніцтва Беларусі: (другая

- палова XIX – пачатак XX ст.) / В. Астрога // Беларус. гіст. часопіс. – 2008. – № 8. – С. 28–34.
14. Астрога, В.М. Падрыхтоўка настаўніцкіх кадраў у Беларусі: (другая палова XIX – пачатак XX стагоддзя) / В.М. Астрога // Весн. адукацыі. – 2007. – № 10. – С. 66–72.
 15. Барыгин, И.Н. Международное регионоведение: учебник для вузов / И.Н. Барыгин. – СПб.: Питер, 2009. – 384 с.: ил.
 16. Бацяеў, В.Д. Беларускія настаўніцкія таварыствы ўзаемадапамогі канца XIX – пачатку XX ст. / В.Д. Бацяеў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2006. – № 3. – С. 86–91.
 17. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М.О. Без-Корнилович. – СПб., 1855. – 355 [VIII] с.
 18. Бейзеров, В.А. Национально-региональный компонент в обучении иностранному языку / В.А. Бейзеров // Народная асвета. – 2012. – № 3. – С. 32–34.
 19. Бобла, И.М. Развитие специального обучения и воспитания аномальных детей и подростков в дореволюционной Беларуси / И.М. Бобла. – Минск: МГПИ им. А.М. Горького, 1983. – 88 с.
 20. Богуславский, М.В. Реформы российского образования XIX–XX вв. как глобальный проект / М.В. Богуславский // Вопросы образования. – 2006. – № 3. – С. 5–21.
 21. Булыгина, М.В. К вопросу о методологии региональных историко-педагогических исследований / М.В. Булыгина // Теория и методика преподавания. – 2008. – С. 74–84.
 22. Буторина, Т.С. // Российская Академия Естествознания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.famous-scientists.ru/school/157>. – Дата доступа: 04.08.2013.
 23. Валанцэвіч, Н.С. Тэатральная культура Віцебскай губерні ў XIX – пачатку XX ст.: аўтарэф. дыс. ... канд. мастацтвазн.: 17.00.01 / Н.С. Валанцэвіч; НАН Беларусі, інст. мастацтвазн., этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Минск, 2005. – 20 с.
 24. Василевич, Л.И. Становление и развитие института классных воспитателей в гимназиях Беларуси (вторая половина XIX–XX вв.): автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.И. Василевич; Беларус. гос. пед. ун-т. – Минск, 2010. – 25 с.
 25. Вашко, П. Загадкі Восіпа Арлоўскага / П. Вашко // Першацвет. – 1996. – № 10. – С. 117–123.
 26. Ведомость о церковных школах Полоцкой епархии за 1912 гражданский год. – Витебск: [б. и.], 1913. – 14 с.
 27. Витебская губерния. Историко-географический и статистический обзор. Выпуск I / составлен по программе и под редакцией витеб-

- ского губернатора, тайного советника, князя В.М. Долгорукова. – Витебск: Губернская типография, 1890. – 387 с.
28. Витебская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1802–1917) / Т.Е. Леонтьева [и др.]; сост.: Т.Е. Леонтьева, Д.Л. Яцкевич; редкол.: А.К. Голубович (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БелНИИДАД, 2009. – 524 с., [16] с.: ил.
 29. Витебская епархия: история и современность: монография / архиепископ Димитрий (Дроздов). – Минск: Медисонт, 2011. – 232 с.
 30. Воронич, Т.В. Губернский город Витебск на рубеже XIX – XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т.В. Воронич; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 17 с.
 31. Восович, С.М. Подготовка учителей начальных школ учебными заведениями православного духовного ведомства в Беларуси в 1884–1914 годах / С.М. Восович // Беларус. думка. – 2008. – № 8. – С. 52–57.
 32. Восович, С.М. Православные братства Витебщины и их культурно-просветительская деятельность в 1861–1914 гг.: монография / С.М. Восович. – Брест: Изд-во БрГУ, 2009. – 200 с.
 33. Восович, С.М. Просветительская деятельность Витебского Свято-Владимирского братства в 1887–1917 гг. / С.М. Восович // Просвещение, свидетельство и проповедь. Миссия церкви: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 1020-летию крещения Руси, 15–16 дек. 2008 г., Минск / редкол.: В.Г. Башкиров [и др.]; под общ. ред. епископа Быховского Бобруйского Серафима (А.Д. Белоножко). – Минск: Изд. Центр БГУ, 2009. – С. 107–109.
 34. Восович, С.М. Учебные заведения православного духовного ведомства в Беларуси. Конец XVIII века – 1914 г.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С.М. Восович. – Минск, 2003. – 268 л.
 35. Гессен, С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.
 36. Голос учителя: сб. / Изд. группы учителей и учительниц Витеб. губ. – [Витебск]: Типография «Работник», 1908. – 83 с.
 37. Горбачевский, И.Д. Лепельский уезд Витебской губернии / И.Д. Горбачевский. – Витебск: Губернская типография, 1896. – 38 с.
 38. Грабянчук, І. Краязнаўчы рух і стварэнне першых публічных музеяў у Беларусі: (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / І. Грабянчук // Беларус. гіст. часопіс. – 2007. – № 4. – С. 38–45.
 39. Гужалоўскі, А.А. Да пытання аб уплывах ідэй рэгіяналізму на дзейнасць краязнаўцаў у Беларусі ў 1920 гг. / А.А. Гужалоўскі, І.І. Бамбешка // Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог: материалы междунар. науч.-практ. конф.

- «Историография как объект исследования», Минск – Париж – БГУ – МГЭИ, 21–22 мая 2008 г. / редкол.: А.Н. Алпеев [и др.] – Минск: Веды, 2008. – С. 60–69.
40. Давидовская, О.Н. История Полоцкого женского училища духовного ведомства в фотографиях и документах ВОКМ / О.Н. Давидовская // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сакав. 2010 г. / [рэдкалегія: В. У. Акуневіч (адказны рэдактар) і інш.]. – Віцебск: ВДУ, 2010. – С. 86–90.
 41. Дзянісаў, А. Развіццё краязнаўчага руху ў БССР у 1920–1930 гг. / А. Дзянісаў // Беларус. гіст. часопіс. – 2008. – № 4. – С. 24–32.
 42. Днепров, Э.Д. Женское образование в России: учеб. пособие для вузов / Э.Д. Днепров, Р.Ф. Усачева. – М.: Дрофа, 2009. – 286, [2] с.
 43. Днепров, Э.Д. Основные проблемы и тенденции развития педагогической историографии в конце 30-х – начале 50-х годов / Э.Д. Днепров // Историографические и методологические проблемы изучения истории отечественной школы и педагогики. – М.: АПН СССР, 1989. – С. 27–50.
 44. Днепров, Э.Д. Советская историография дореволюционной отечественной школы и педагогики 1918–1977. Проблемы, тенденции, перспективы / Э.Д. Днепров. – М.: НИИОП, 1981. – 90 с.
 45. Днепров, Э.Д. Современная школьная реформа в России / Э.Д. Днепров. – М.: Наука, 1998. – 463, [1] с.
 46. Довгялло, Д.И. Витебская духовная семинария (1806–1906). Заметки и воспоминания / Д.И. Довгялло. – Витебск, 1907. – 84 с.
 47. Довнар-Запольский, М.В. Народное образование / М.В. Довнар-Запольский // Исследования и статьи. Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. – Киев, 1909. – С. 430–436.
 48. Доклад комиссии по рассмотрению годовичного отчета Полоцкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ за 1911–1912 учебный год. – [Полоцк], [1912]. – 24 с.
 49. Доклады [Витебской губернской земской управы] первому очередному Губернскому земскому собранию (январская сессия 1912 г.): Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1912. – 1 т. (разд. паг.).
 50. Доклады Витебской губернской земской управы губернскому земскому собранию второму чрезвычайному (июльская сессия 1912 года): Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1912. – 1 т. (разд. паг.).
 51. Доклады Витебской губернской земской управы Губернскому земскому собранию третьему очередному декабрьской сессии 1913 года, 1913. – (разд. паг.).
 52. Доклады Витебской губернской управы по делам земского

- хозяйства 3-му годовичному собранию Губернского комитета: по народному образованию.
53. Доклады Витебской губернской управы по делам земского хозяйства шестому годовичному собранию Губернского комитета, 1908 г.: Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1908. – 1 т. (разд. паг.), [6] л. табл.
 54. Доклады Витебской губернской управы пятому годовичному собранию Губернского комитета по делам земского хозяйства 1907 г.: Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1907. – 1 т. (разд. паг.), [8] л. табл.
 55. Доклады Витебской губернской управы седьмому годовичному собранию Губернского комитета по делам земского хозяйства 1909 г.: Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1909. – 1 т. (разд. паг.), [5] л. табл.
 56. Доклады Дриссенской уездной земской управы третьему очередному земскому собранию. Вторая сессия 1913 г., [1913]. – [15], 273 с.
 57. Доклады Дриссенской уездной земской управы четвертому чрезвычайному уездному земскому собранию: вторая сессия 1914 г., [1914]. – [6], 76 с.
 58. Доклады первому очередному Губернскому земскому собранию об организации агрономической помощи населению Витебской губернии: Типолитография П.А. Подземского, 1912. – [2], 106 с., [1] л. табл.
 59. Доклады Полоцкой уездной земской управы уездному земскому собранию и Журналы заседаний комиссий и уездного земского собрания. – Полоцк: Типолитография М.Б. Фейгинова, 1913. – (разд. паг.)
 60. Долгов, И.И. Полоцкий кадетский корпус: (несколько слов по поводу 63 годовщины его существования) / И.И. Долгов. – Витебск: Губернская типолитография, 1899. – [2], 49 с.
 61. Донских, С. Проблема типологии регионов и ее критерии / С. Донских // Регионализм как культурная альтернатива глобализации: сб. науч. ст. / Учреждения образования «Гродненский государственный университет им. Я. Купалы», «Институт культуры, философии и искусства» (Вильнюс). – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 74–78.
 62. Евдокимова, Е.Л. Развитие гимназического образования в Беларуси (XIX – начало XX веков) : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е.Л. Евдокимова; Нац. ин-т образования. – Минск, 1995. – 17 с.
 63. Егоров, С.Ф. Исследования истории отечественной педагогики: вчера и сегодня / С.Ф. Егоров // Педагогика. – 2009. – № 5. – С. 72–80.

64. Ельский, А. Наши переселенцы : (Скарэй у Томск) / [А. Ельский]. – Витебск: Губернская типолитография, 1896. – 15 с.
65. Ершова, О.И. Политика российского правительства в области начального образования во второй половине XIX в. (на материалах белорусских губерний Виленского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. / О.И. Ершова. – Минск, 2005. – 224 л.
66. Жук, А.І. Праблема сацыяльнага і культурнага самавызначэння Рэспублікі Беларусь у новых умовах / А.І. Жук // Адукацыя і выхаванне. – 1995. – № 11. – С. 4–15.
67. Западные окраины Российской империи / Л.А. Бережная [и др.]; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 605 с., [2] л. цв. карт.: ил., табл.
68. Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества / Русское географическое об-во. Северо-Западный отдел (Вильня). – Кн. 1. – Вильна, 1911. – 285 с.
69. Инструкция для воспитанников Витебской духовной семинарии. – Витебск: Типография М. Голощекина, 1909. – 49 с.
70. Исаков, Г.П. Формирование и становление художественных школ на Витебщине (конец XIX в. – 1914 г.) / Г.П. Исаков // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 112–117.
71. Историческое краеведение: учеб. пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Ашурков [и др.]; под общ. ред. Г.Н. Матюшина. – М.: Просвещение, 1980. – 192 с.
72. Калашников, В.Л. Категории национальных и региональных отношений: [монография] / В.Л. Калашников. – М.: Моск. ин-т нац. и рег. отношений, 2004. – 384 с.
73. Каленчук, Д.М. Витебская губерния: учеб. пособие для учащихся с картой Витебской губернии / Д.М. Каленчук. – Витебск: Типолитография наследников М.Б. Неймана, 1908. – 47 с.
74. Капранова, В.А. История педагогики: учеб. пособие / В.А. Капранова. – 4-е изд., испр. – Минск: Новое знание; М.: ИНФА-М, 2011. – 240 с. – (Высшее образование).
75. Карский, Е.Ф. Белоруссы: Введение к изучению языка и наречия словесности / проф. Е.Ф. Карский. – Вильна : Типография А.Г. Сыркина и Варш. учеб. окр., 1904. – [2], II, X, 3–466 с., 2 л. карт.
76. Каспяровіч, М.І. Віцебскі краёвы слоўнік Provincial dictionary of Vitebsk: матэрыялы / пад рэд. М.Я. Байкова, Б.І. Эпімаха-Шыпілы; Ін-т беларускай культуры, Каміс. для ўкладання слоўніка жывой бел. мовы, Віцеб. акр. т-ва крязнаўства. – Віцебск: Заря Запада, 1927. – XIX, 372 с.
77. Катович, Н.К. Педагогические основы регионализации системы воспитания школьников в Беларуси: монография / Н.К. Катович. –

- Минск: НИО, 1999. – 172 с.
78. Кириллов, М.К. Очерки по истории начальной школы Белоруссии в XIX и XX в.: (С начала XIX века до 1917 г.): автореферат дис. ... канд. пед. наук, представл. в Ин-т теории и истории педагогики АПН РСФСР / М.К. Кириллов. – М.: [б. и.], 1950. – 17 с.
 79. Киселев, О.М. Учебные заведения в г. Велиже с 1799 года / [О. Киселев]. – Витебск: Губернская типолитография, 1898. – 45 с.
 80. Кишлев, С.Б. К вопросу об особенностях жилищно-усадебного комплекса населения восточной части русско-белорусского пограничья в XIX – первой половине XX в. / С.Б. Кишлев // Динамика этнической культуры народов России: сб. ст. памяти проф. А.В. Гадло / под ред. В.А. Козьмина. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – С. 248–253.
 81. Киштымов, А. Образование, наука и культура Беларуси на выставках XIX – начала XX вв. / А. Киштымов // Беларусь у XX стагоддзі [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://counter.24log.ru/buttons/21/bg21-4nm.gif>. – Дата доступа: 06.04.2012.
 82. Князев, А.Ф. Историческая записка Двинского реального училища, 1833–1903 гг. / составлена директором А.Ф. Князевым. – Витебск: Губернская типолитография, 1904. – [2], 105 с.
 83. Кобринский, М.Е. Теория и практика социально-педагогической поддержки детей в условиях депривации: региональная модель: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / М.Е. Кобринский; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2001. – 38 с.
 84. Ковкель, И.И. История Беларуси: с Древнейших времен до нашего времени / И.И. Ковкель, Э.С. Ярусик. – 3-е изд. – Минск: Аверсэв, 2003. – 605 с.
 85. Кодекс Республики Беларусь об образовании: [от 13 янв. 2011 г. № 243-З; принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобрен Советом Республики 22 дек. 2010 г.]. – Минск: РИВШ, 2011. – 352 с.
 86. Корнилов, И.П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем / И.П. Корнилов. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1902. – 441 с.
 87. Корнилов, И.П. Путевые заметки / И.П. Корнилов. – Витебск: Губернская типография, 1895. – 50 с.
 88. Костин, А.К. Регионализация образования – стратегическое направление образовательной политики / А.К. Костин // Педагогика. – 2005. – № 8. – С. 27–32.
 89. Кошель, Н.Н. Регионализация образования как принцип управляемого развития образовательной практики / Н.Н. Кошель //

- Кіраванне ў адукацыі. Сер. «У дапамогу педагогу». – 2009. – № 10. – С. 17–25.
90. Краснічэнка, Т. Першыя дашкольныя ўстановы на Беларусі / Т. Краснічэнка // Пралеска. – 2003. – № 10. – С. 16–18.
91. Краткий отчет о состоянии Двинского реального училища за 1903–1904 учебный год. – Витебск: Губернская типолитография, 1904 (обложка 1905). – 38 с.
92. Краткий очерк положения начального образования в Витебской губернии в 1907–1908 учебном году / Статистическое отделение Витебской губернской управы по делам земского хозяйства. – Витебск: Губернская типография, 1908. – 44 с.
93. Кукушкин, И.П. Последнее десятилетие в истории Витебской дирекции народных училищ, 1891–1901 / И.П. Кукушкин. – Витебск: Губернская типолитография, 1901. – 65 с.
94. Лапшин, А.Н. Формирование регионологического знания: методологический аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / А.Н. Лапшин; Иркут. гос. ун-т. – Иркутск, 2000. – 18 с.
95. Леонова, О.Г. Вызовы глобализации и актуальные тренды общественного сознания России XXI века / О.Г. Леонова // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 3–17.
96. Леонтьева, Т.М. Развитие региональной системы образования Смоленской губернии в XIX в.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.М. Леонтьева. – Смоленск, 2002. – 194 л.
97. Локотко, А.И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А.И. Локотко. – Минск: Беларус. наука, 2006. – 470 с.
98. Лухверчик, В.Н. Становление и развитие среднего педагогического образования в дореволюционной Беларуси (вторая половина XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В.Н. Лухверчик; Беларус. гос. пед. ун-т. – Минск, 1998. – 19 с.
99. Лухверчык, В.М. Сярэднія педагогічныя навучальныя ўстановы дарэвалюцыйнай Беларусі / В.М. Лухверчык // Народная асвета. – 2002. – № 1. – С. 69–70.
100. Марченко, Н. Факторы взаимодействия государства и частной школы в Беларуси: вторая половина XIX – начало XX в. / Н. Марченко // Адукацыя і выхаванне. – 1998. – № 1. – С. 116–120.
101. Матвеев, А. Витебская гимназия / А. Матвеев // Витебские епархиальные ведомости. – 2000. – № 11. – С. 50.
102. Матвеев, Н.Г. Краткий обзор деятельности Управления по делам земского хозяйства Витебской губернии: за 1903–1910 г. / составил Н.Г. Матвеев, председатель Витебской губернской управы по делам земского хозяйства. – Витебск: Типолитография Подземского, 1910. – [4], 121, [1] с.

103. Матусевіч, Н.У. Роля матэрыялаў нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў вывучэнні гісторыі народнай адукацыі ў Віцебскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя / Н.У. Матусевіч // Матэрыялы архіўных чытанняў, прысвечаных 150-годдзю з дня нараджэння А.П. Сапунова. 6–7 чэрв. 2002 г., Віцебск / склад. В.У. Скалабан [і інш.]. – Мінск: БелНДДАС, 2002. – С. 101–104.
104. Мертенс, Е.С. Развитие культурно-образовательной среды Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук 13.00.01 / Е.С. Мертенс; Смол. гос. ун-т. – Смоленск, 2006. – 20 с.
105. Михайлов, Д.И. Историческая записка 25-летия Двинской женской гимназии, 1879–1904 г. / составил секретарь педагогического совета Д.И. Михайлов. – Витебск: Губернская типолитография, 1905. – [2], 47 с.
106. Моторов, С.А. Развитие системы среднего и профессионального образования на территории Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / С.А. Моторов, Н.С. Моторова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Общественные и гуманитарные науки. История. – 2006. – Т. 5. – С. 3–21.
107. Моторова, Л.А. Участие органов городского самоуправления Витебской губернии в развитии системы народного образования (1875–1914) / Л.А. Моторова, Н.С. Моторова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Общественные и гуманитарные науки. История. – 2008. – Т. 7 – С. 49–61.
108. Моторова, Н.С. Витебские городские училища (1897–1914) / Н.С. Моторова // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2008. – № 3. – С. 3–7.
109. Мятельский, М.С. Школа и педагогическая мысль в Белоруссии с 1895 г. до Великой Октябрьской социалистической революции: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М.С. Мятельский. – Минск, 1982. – 215 л.
110. Народное образование в Виленском учебном округе: приложение к Циркуляру по Виленскому учебному округу. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина (далее – Народное образование в Виленском учебном округе). – 1902. – № 2, 3.
111. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1904. – № 5.
112. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1906. – № 5.
113. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1907. – № 1–8, 10–11.
114. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1908. – № 9, 12.

115. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1909. – № 2.
116. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1911. – № 2, 7–8.
117. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1912. – № 1.
118. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1913. – № 1, 4–5, 9, 11.
119. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 1, 2, 6–8.
120. Народное образование в Виленском учебном округе. – 1915. – № 4, 6.
121. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / Навукова-даследчы інстытут педагагікі Міністэрства асветы БССР; рэдкал.: С.А. Умрэйка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Народная асвета, 1968. – 621 с.
122. Начальное народное образование в Витебской губернии: доклад Витебской губернской управы по делам земского хозяйства. – [Витебск: б. и., 1903?]. – 30 с.
123. Начальное народное образование в Витебской губернии в 1912 году / Витебская губернская земская управа. Отдел народного образования; [предисловие М. Ржевусского]. – Витебск: Типолитография П.А. Подземского, 1915. – [6], 97, 107 с.
124. Некоторые статистические данные о народонаселении западного края России. – Минск: Типография С.А. Некрасова, 1910. – 110 с.
125. Никифоровский, Н.Я. Странички из недавней старины города Витебска: Воспоминания старожила / Н.Я. Никифоровский. – Минск: Полымя, 1995. – 149 с.: ил. – (Лит. памятники Беларуси).
126. Никифоровский, Н.Я. Очерки Витебской Белоруссии / Н.Я. Никифоровский // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 3. – С. 21–66.
127. Никифоровский, Н.Я. Сельское школьное обучение в юго-восточной окраине Витебской Белоруссии, каким застала его реформа 19 февраля 1861 г. / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Губернская типография, 1893. – 46 с.
128. Новик, Н.Е. Медицинское образование в Беларуси и отношение к нему центральных и местных властей (XIX – начало XX в.) / Н.Е. Новик // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – Сер. 3, Гісторыя, філасофія, псіхалогія, паліталогія, сацыялогія, эканоміка, права. – 2007. – С. 18–22.
129. Новик, Н.Е. Профессиональное образование в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н.Е. Новик. – Минск, 1998. – 130 л.
130. Новик, Н.Е. Профессиональное образование в Витебской губернии (XIX – н. XX в.) / Н.Е. Новик // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2007. – № 3. – С. 13–17.

131. Новик, Н.Е. Революционные события начала XX в. и деятельность профессиональной школы Беларуси / Н.Е. Новик // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2009. – № 2. – С. 14–19.
132. Новиков, Н.В. Павел Васильевич Шейн. Книга о собирателе и издателе русского и белорусского фольклора / Н.В. Новиков. – Минск: Вышэйшая школа, 1972. – 224 с.
133. Новік, Н.Я. Жаночая прафесійная адукацыя ў Беларусі (другая палова XIX – пачатак XX ст.) / Н.Я. Новік // Беларус. гіст. часопіс. – 2007. – № 5. – С. 34 – 40.
134. Новік, Н.Я. Прыватныя і грамадскія ініцыятывы ў развіцці прафесійнай адукацыі Беларусі (др. палова XIX – пачатак XX ст.) / Н.Я. Новік // Вес. БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2009. – № 1. – С. 3–9.
135. Новік, Н.Я. Сацыяльны і нацыянальны склад навучэнцаў прафесійных навучальных устаноў Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. / Н.Я. Новік // Вес. НАН Беларусі. Сер. «Гуманітарныя навукі». – 2008. – № 3. – С. 60–67.
136. Обзор Витебской губернии за 1881 год, [1882]. – 25 с., [24] л. табл.
137. Обзор Витебской губернии за 1900 год, 1901. – 87 с., 21 табл.
138. Обзор Витебской губернии за 1904 год, 1905. – III, 103, [97] л. табл.
139. Обзор Витебской губернии за 1906 год, 1907. – III, 109 с., [95] л. табл.
140. Общая картина народного просвещения в Европейской России. По новейшим статистическим сведениям // Вестн. Европы. – 1880. – Т. 1. – С. 367–390.
141. Одинцов, Н. Частные задачи народной школы в Северо-Западном крае / Н. Одинцов // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1901. – № 1. – С. 32–40.
142. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18.01.11 / М-во просвещения. – СПб.: Типография товарищества «Екатеринографское печатное дело», 1914. Вып. 8 (10). Виленский учебный округ: губернии: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и могилевская. Ч. 1. – 134 с.
143. Орлицкий (Окрейц), С.С. Далекіе гады. Автобіяграфічная хроніка / С.С. Орліцкі. – СПб., 1899. – 251 с.
144. Орлова, А.П. Развитие образования, школы и педагогики в Беларуси в период XIX – начала XXI века: монография / А.П. Орлова, И.Г. Рябова, Е.Л. Михайлова [и др.]; под ред. А.П. Орловой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 331 с.

145. Орловский, И.Д. Белорусские народные рассказы: [прозой и стихами] / сочинение Иосифа Данииловича Орловского. – Полоцк: Типография Н.А. Сролиовича, 1908. – 94 с.
146. Открытие Витебского учительского института, [21 ноября 1910 г.]. – [Витебск: б. и., 1910?]. – 6 с.
147. Открытие Учительской семинарии в г. Полоцке, 24 сентября 1872 г. – Вильна: Печатня А.Г. Сыркина, 1872. – 31 с.
148. Отчет Витебского попечительства о народной трезвости. – Витебск: Губернская типография, [б.г.].
149. Отчет Витебского православного братства святого равноапостольного князя Владимира за пятый год его существования: (с 8 ноября 1891 года по 8 ноября 1892 года), [1892]. – 149, [6] с.
150. Отчет Витебского училищного совета по управлению училищами, состоящими в его ведении за 1866 гражданский год, [1867]. – 83 с.
151. Отчет Витебского училищного совета по управлению училищами, состоящими в его ведении за 1869/70 год, [1870]. – 42 с.
152. Отчет губернской земской управы по врачебно-санитарному отделу за 1913 год / Витебское губернское земство. – [134] с. разд. паг., [9] л. табл.
153. Отчет о деятельности Витебского благотворительного общества с 24 марта 1891 г. по 15 марта 1892 г. (22-е общ. собр.). – 15 с.
154. Отчет о деятельности Витебского благотворительного общества, доложенный в общем годовом собрании общества, состоявшемся 24 октября 1895 года с 3 сентября 1894 года по 24 октября 1895 года. – 72 с.
155. Отчет о деятельности Витебской ученой архивной комиссии за первый год ее существования: С 31 мая 1909 г. по 31 авг. 1910 г. – 12 с.
156. Отчет о деятельности общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для несовершеннолетних преступников Витебской губернии за 1898 г.: С 1-го янв. 1898 г. по 1-е янв. 1899 г. – 44, [1] с.
157. Отчет о состоянии Витебской гимназии за 1884–85 учеб. год. – 67 с.
158. Отчет о состоянии Полоцкого Спасо-Евфросиниевского женского училища за 1899–1900 и 1900–1901 уч. годы. – 25, 10 с.
159. Отчет Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1901 год: (четвертый год существования), 1902. – 30 с.
160. Отчет Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1903 год: (6-й год существования), 1904. – [2], 53 с.
161. Отчет Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии за 1907 год:

- (10-й год существования) : Типолитография П. Подземского, 1908. – [47] с. разд. паг.
162. Отчет по управлению Виленским учебным округом за 1890 гражданский год: Гимназии и прогимназии, 1891. – 64, 37 с.
 163. Отчет Полоцкого епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ Полоцкой епархии в 1912–1913 учебном году : Типография Н.А. Сролиовича и И.М. Манковича, 1914. – 99 с.
 164. Отчет Полоцкого епархиального училищного совета о состоянии церковных школ Полоцкой епархии за 1900 учебный год. – 40, [8] с.
 165. Отчет совета церковного братства... за первый год существования братства с 11 июля 1867 года по 26 мая 1868 года. – Витебск: Витебская губернская типография, 1868. – 53 с.
 166. Памятная книжка Витебской губернии на 1862 год, [1861]. – [378] с. разд. паг., [6] л. табл.
 167. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год, 1865. – VIII, 376, 128, 7 с., [1] л.: ил.
 168. Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год, 1878. – [4], 416 с.
 169. Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г. , 1881. – [416] с. разд. паг., [7] л. табл., карт.
 170. Памятная книжка Витебской губернии на 1885 год: с приложением планов: а) Витебских замков, Верхнего и Нижнего, в половине XVII века (по сведениям, извлеченным из Московского главного архива Министерства иностранных дел); б) г. Полоцка, во второй половине XVI в.; в) г. Полоцка в XVIII в.; г) г. Полоцка, 1858 г. и видов городов: Витебска, 1860 г., Полоцка и древнего Динабургского замка, 1885. – II, 375, 124, XX с. [4] л.: ил.
 171. Памятная книжка Витебской губернии на 1889 год, 1889. – [910] с. разд. паг., [7] л. табл.
 172. Памятная книжка Витебской губернии на 1890 год, 1889. – VIII, 335 с.
 173. Памятная книжка Витебской губернии на 1895 год. – VII, 248, 59, XIV с.
 174. Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. – IV, 343 с., [8] л. табл.
 175. Памятная книжка Витебской губернии на 1904 год, 1903. – VIII, [431] с. разд. паг., [2] л. ил., табл.
 176. Памятная книжка Витебской губернии на 1905 год, 1904. – VII, 263, 152, 12 с.
 177. Памятная книжка Витебской губернии на 1908 год, 1908. – IX, 359, 137 с.
 178. Памятная книжка Витебской губернии на 1910 год. – VIII, 445, 168 с.

179. Памятная книжка Витебской губернии на 1912 год, 1912. – IX, 153, 332 с.
180. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. – VIII, 280, LXX, 42 с.
181. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; мастак Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2002. – 912 с.: іл.
182. Пастухова, З.А. Среднее образование в дореволюционной Белоруссии / З.А. Пастухова. – Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. – 86 с.
183. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Троицкого: Витебская губерния, тетрадь 1, 1901. – II, 51 с., [1] л. карт.
184. Петухова, Е.Л. Развіццё педагагічнай думкі ў Беларусі ў XVIII – пачатку XX ст.: дапаможнік / Е.Л. Петухова; М-ва адукацыі РБ, УА «Магілёўскі дзярж. ун-т імя А.А. Куляшова». – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2008. – 169 с. – Бібліягр.: с. 164–165.
185. Пискунов, А.П. История российской педагогики: некоторые итоги и перспективы / А.П. Пискунов // Советская педагогика. – 1977. – № 11. – С. 57–66.
186. Пичета, В.И. Образование белорусского народа / В.И. Пичета // Вопросы истории. – 1946. – № 5–6. – С. 3–29.
187. Подлипский, А. Краевед Владимир Краснянский (1863–1930) / А. Подлипский. – Витебск, 1997. – 29 с.
188. Подлипский, А.М. Витебская Александровская гимназия (1808–1918): Страницы истории и выпускники / А.М. Подлипский. – Витебск, 1994. – 61 с.
189. Подлипский, А. Толстой и Витебщина / А. Подлипский // Витебский проспект. – Вып. № 46 (440) от 18 нояб. 2010 г.
190. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – № 5–6, 16–22.
191. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 6, 10, 44–45, 47.
192. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1914. – № 17, 28, 30.
193. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1915. – № 29, 45–46.
194. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1916. – № 33, 37.
195. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2011–2015 годы // Выхаванне і дадатковая адукацыя. – 2011. – № 6. – С. 3–17.
196. Программы для народных училищ Виленского учебного округа с объяснительными к оным запискою: составлены на съезде директоров народных училищ в Вильне в 1871 году, рассмотрены и одобрены в попечительском совете. – Вильна: Печатня А.Г. Сыркина, 1871. – [2], 34 с.
197. Программы для народных училищ Виленского учебного округа. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1881. – 40 с.

198. Протоколы заседаний Комиссии при управлении Виленского учебного округа по вопросу о мерах содействия физическому, нравственному и умственному развитию учащихся. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1909. – IV, 171 с.
199. Пряникова, В.Г. История образования и педагогической мысли: учебник-справочник / В.Г. Пряникова, З.И. Равкин. – М.: Новая школа, 1994. – 96 с.
200. Пщелко, А.Р. Деды: Этнографический очерк из жизни Лепельских белорусов / А.Р. Пщелко. – Витебск, 1898.
201. Пыпин, А.Н. История русской этнографии / А.Н. Пыпин. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2005. – Т. 4: Белоруссия и Сибирь / перепеч. с изд. 1892 г. – 256 с.
202. Раскин, Д.И. Историко-педагогический источник в свете современных проблем источниковедения и системного подхода / Д.И. Раскин // Актуальные вопросы историографии и источниковедения истории школы и педагогики : сб. науч. тр. / под ред. Э.Д. Днепров и О.Е. Кошелевой – М.: АПН СССР, 1986. – С. 87–107.
203. Регион // Республика Беларусь: энциклопедия. – Минск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі. – 2008. – Т. 6. – С. 415.
204. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: настольная и дорожная книга для русских людей: в 11 т. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1905. – Т. 9: Верхнее Поднепровье и Белоруссия / В.П. Семенов [и др.]; под ред. В.П. Семенова. – 620 с.
205. Русецкий, А.В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Минск: БелЭн, 2001. – 228 с.: ил.
206. Самойлович, И.А. Экономическое значение народного образования; положение последнего и его нужды в Витебской губернии / И.А. Самойлович, инспектор народных училищ Витебской губернии. – Витебск: Губернская типолитография, 1903. – [2], 82, VIII с.
207. Санитарное состояние школ Витебской губернии по исследованию 1912 года / Санитарное отделение Витебской губернской земской управы; сост. И.А. Сушкевич. – Витебск: Типолитография П.А. Подземского, 1915. – 21 с.
208. Сапунов, А.П. Историческая записка 75-летия Витебской гимназии, [1808–1883] / составил и издал А. Сапунов, учитель Витебской гимназии. – Витебск: в Типографии Губернского правления, 1884. – 167, CLXXVII с., [2] л.: ил.
209. Сапунов, А.П. Университет в Полоцке: (историческая справка) / А.П. Сапунов. – Витебск: Губернская типография, 1908. – 41 с.
210. Сборник сведений о средних учебных заведениях Виленского учебного округа. – Вильно: Типография М.А. Рома, 1873. – 376 с.
211. Селицкий, С.В. Народное образование на Витебщине за 70 лет со-

- ветской власти. Справка в помощь студентам, учителям, лекторам и докладчикам / С.В. Селицкий. – Витебск: Витебская областная организация общества «Знание», 1987. – 20 с.
212. Сементовский, А.М. Этнографический обзор Витебской губернии / А.М. Сементовский. – СПб.: Типография М. Хана, 1872. – [2], 69 с.
213. Сергеенкова, В.В. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.В. Сергеенкова [и др.] // Российские и славянские исследования [Электронная версия]. – 2008. – Т. 3. – Режим доступа: <http://www.rsijournal.net/index.php>. – Дата доступа: 11.12.2010.
214. Серебренников, Н. Краткий историко-статистический очерк развития церковной школы Полоцкой епархии за 1884–1909 гг. / сост. Полоцкий епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ протоиерей Н. Серебренников. – Витебск: Губернская типография, 1909. – 26 с.
215. Силищенский, М.И. К вопросу о методике родиноведения / М.И. Силищенский // Курс белоруссоведения: лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 года. – М., 1918–1920. – С. 294–304.
216. Симонян, Р.Х. От национально-государственных объединений к региональным / Р.Х. Симонян // Вопросы философии. – 2005. – № 3. – С. 20–28.
217. Слостенин, В.А. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Слостенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Слостенина. – 7-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 576 с.
218. Смягликова, Е.А. Развитие педагогической мысли на Архангельском Севере во второй половине XVIII века: автореф. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е.А. Смягликова; Архангельск. гос. техн. ун-т. – М., 2007. – 19 с.
219. Снапковская, С.В. Развитие Образования и педагогической мысли на территории Беларуси в 60-е г. XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / С.В. Снапковская; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2012. – 44 с.
220. Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская – Мінск: НІА, 1998. – 192 с.
221. Современные проблемы истории образования и педагогической науки: монографический сб.: в 3 т. / под ред. чл.-корр. РАО З.И. Равкина. – М., 1994. – Т. 1. – 186 с.
222. Стукалич, В.К. А.П. Сапунов: к 25-летию его ученой и литературной деятельности / В.К. Стукалич. – Витебск: Губернская типография, 1905. – [2], 30, 7 с.

223. Стукалич, В.К. Н.Я. Никифоровский, 1845–1910 годы / В.К. Стукалич. – Вильна: Издание Сев.-Западного отдела Императорского Русского географического общества, 1910. – [2], 32 с., [1] л. портр.
224. Ступакевич, М.А. Женское образование в Беларуси (вторая половина XIX века – 1917 год): монография / М.А. Ступакевич. – Гродно: ГрГУ, 2006. – 170 с.
225. Съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа, происходивший в Вильно в марте 1907 г. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1907. – 142 с.
226. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в. В контексте Центрально-Восточной Европы: [монография] / П.В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
227. Тихомиров, Д. Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковнославянскому чтению и счету для народных школ / Д. Тихомиров, Е. Тихомирова. – Минск: Лучи Софии, 2011. – 128 с.
228. Тихомиров, К.И. Обучение грамоте / К.И. Тихомиров // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1901. – № 2, 3. – С. 62–67; 107–117.
229. Тихомиров, К.И. Советы начинающему учителю / К.И. Тихомиров // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1906. – № 2. – С. 5–13.
230. Тогулева, Е.Д. Витебская губерния: этноконфессиональная структура населения, развитие здравоохранения и медицинского обслуживания, система образования (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е.Д. Тогулева, Н.С. Моторова // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2005. – Т. 4. – С. 49–74.
231. Тогулева, Е.Д. Церковно-приходские школы и школы грамоты в Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. / Е.Д. Тогулева, Н.С. Моторова // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2005. – № 3. – С. 35–69.
232. Трухан, А.В. Борьба белорусской прогрессивной общественности за демократизацию народного образования во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / А.В. Трухан; Минск. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького – Минск, 1969. – 22 с.
233. Тяжелая доля: отрывки из «Дневника» сельской учительницы, [работавшей в Белоруссии] / [В. К.]. – [Витебск: Губернская типография, 1903?]. – 42 с.
234. Устав Общества взаимного вспомоществования учителям и учительницам народных училищ Витебской губернии: Утв. 3 апр. 1897 г. – Витебск: Губернская типолитография, 1897. – 12 с.

235. Утков, П.Ю. Регионализация образования младших школьников / П.Ю. Утков // Начальная школа. – 2004. – № 7. – С. 83–86.
236. Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. – СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1906. – 477 с.
237. Ушинский, К.Д. О необходимости сделать русские школы русскими / К.Д. Ушинский // Педагогические сочинения: в 6 т. / К.Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1988. – Т. 2. – С. 358–363.
238. Федорук, Н.А. Развитие школьного краеведения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века / Н.А. Федорук // Пазашкольнае выхаванне. – 2009. – № 11. – С. 8–11.
239. Флегонтова, Н.П. Первые опыты создания дошкольных учреждений в России / Н.П. Флегонтова // Ребенок в детском саду. – 2004. – № 1. – С. 42–48.
240. Фурман, І.П. Крашаніна: матэрыялы да гісторыі яе ў Віцебшчыне / І.П. Фурман; пад рэд. М.І. Каспяровіча. – Віцебск: Т-ва краязнаўства, 1925. – 63 с.
241. Хмяльніцкая, Л.У. Развіцце асветы і народнай адукацыі ў Віцебску: [канец XVIII – пачатак XX стагоддзя] / Л.У. Хмяльніцкая / Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Віцебска: у 2 кн. – Мінск: Бел. Эн., 2002. – Кн. 1. – С. 165–172.
242. Хозяйственное положение и промыслы сельского населения Витебской губернии: опыт исследования / Статистическое отделение Витебской губернской управы по делам земского хозяйства. – Витебск: Губернская типография, 1910. – XII, 225, 123 с.
243. Чепурышкин, И.П. Регионализация образования как предмет научных исследований / И.П. Чепурышкин, Н.Б. Пугачева // Педагогика. – 2008. – № 8. – С. 9–16.
244. Шамахов, Ф.Ф. О системе историко-педагогических исследований и роли в ней региональной тематики / Ф.Ф. Шамахов // Советская педагогика. – 1980. – № 2. – С. 156–158.
245. Шатюк, Т.Г. Источниковедческие аспекты изучения системы народного образования на региональном микроуровне / Т.Г. Шатюк // Адукацыя і выхаванне. – 1999. – № 12. – С. 64–69.
246. Шатюк, Т.Г. Развитие народного образования Беларуси на микрорегиональном уровне во второй половине XIX – начале XX в.: На примере уезд. г. Гомеля Могилев. губернии: автореф. ... дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.Г. Шатюк; Беларус. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 20 л.
247. Шлюбскі, А.А. Матэрыялы да вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны: у 2 ч. / А. Шлюбскі; Ін-т беларус. культуры, аддз. гуманітар. навук, каф. этнаграфіі. – Мінск, 1928. – 2 ч.
248. Шмидт, С.О. Источниковедение в кругу других научных дисциплин и вопросы классификации источников / С.О. Шмидт // Акту-

альные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: тез. докл. IV Всесоюз. конф., Днепропетровск, 31 окт.– 2 нояб. 1983 г. / [редкол.: И.Д. Ковальченко (отв. ред.) и др.]. – М.: Ин-т истории СССР, 1983. – С. 9–13.

249. Шостак, О. О борьбе с пьянством / О. Шостак // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 3. – С. 32–40.
250. Шумейко, М. Белорусские архивы и краеведение в 1920-е гг. / М. Шумейко // Архіви і справаводства. – 2003. – № 4. – С. 87–95.
251. Шумейко, М.Ф. Из истории витебского отделения московского археологического института / М.Ф. Шумейко // Вестн. архивиста [Электронный ресурс]. – 24 июня 2011. – Режим доступа: <http://www.vestarchive.ru/ubilei/1481-iz-istorii-vitebskogo-otdeleniia-moskovskogo-arheologicheskogo-instituta.html>. – Дата доступа: 07.06.2013.
252. Яновский, Ст. Школа и нравственность народа / Ст. Яновский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 10. – С. 171–177.
253. Януш, І. Захавальнікі спадчыны / І. Януш // Лепельскі край. – 2003. – 15 ліп. – С. 4.
254. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки. Вопросы и ответы: полный курс подготовки к кандидатскому экзамену / Я.С. Яскевич. – Минск: Выш. шк., 2007. – 656 с.

Архивы

255. Архив Витебского областного краеведческого музея. – КП 4081/31/VIII – 71. Воспоминания бывшего учителя Витебской мужской гимназии Сахарова М.А., работавшего там с 1887 по 1908 г.
256. Архив Музея истории образования Витебщины при ГУО «Витебский областной институт развития образования». – Мемуары И.П. Дейниса. Витебская мужская гимназия. 1910–1918 гг.
257. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 204. – Оп. 3. – Д. 1, 2.
258. ГАВО. – Фонд 2289. – Оп. 1. – Д. 2, 10.
259. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (далее – НИАБ в Минске). – Фонд 1416. – Оп. 1. – Д. 2181, 17470. Витебское губернское правление.
260. НИАБ в Минске. – Фонд 1416. – Оп. 2. – Д. 20966, 21306, 21321. Витебское губернское правление.
261. НИАБ в Минске. – Фонд 1416. – Оп. 4. – Д. 21617. Витебское губернское правление.
262. НИАБ в Минске. – Фонд 2416. – Оп. 1. – Д. 20, 21. Попечитель Виленского учебного округа.

263. НИАБ в Минске. – Фонд 2507. – Оп. 1. – Д. 482, 526, 763, 1321, 1563, 1594, 1595, 1634, 1659, 1670, 1936, 1937, 1827, 2036, 2167, 2307, 2395, 2469, 2748, 2852, 2860, 2963, 3029, 3030, 3037, 3092, 3151, 3152, 3159, 3172, 3215, 3227, 3303, 3451, 3541, 3562, 3604, 3702, 3806, 3820, 3908, 3912, 3921, 4021, 4227, 4229, 4326, 4377, 4424, 4428, 4442, 4615, 4694, 4704, 5136. Дирекция народных училищ Витебской губернии (1820–1917).
264. НИАБ в Минске. – Фонд 2536. – Оп. 1. – Д. 10, 47, 112. Полоцкий епархиальный училищный совет (1880–1918).
265. НИАБ в Минске. – Фонд 2554. – Оп. 1. – Д. 346, 411, 497, 692, 714. Витебская гимназия (1808–1918).
266. НИАБ в Минске. – Фонд 2568. – Оп. 1. – Д. 21, 133, 135, 136, 152, 158, 179. Полоцкая женская гимназия (1902–1909).
267. НИАБ в Минске. – Фонд 2604. – Оп. 1. – Д. 25, 26, 30, 31, 40, 53, 57, 94, 96, 120, 135, 246, 258. Витебская Алексеевская женская гимназия (1905–1913).
268. НИАБ в Минске. – Фонд 2645. – Оп. 1. – Д. 83, 175, 102, 231, 234. Витебский учительский институт.
269. НИАБ в Минске. – Фонд 2649. – Оп. 1. – Д. 45, 55, 60, 95, 98, 152, 158, 189, 194, 195, 273, 209, 349, 420, 464, 485, 541, 588, 617, 3029, 3037. Витебское губернское по делам об обществах присутствие (1906–1917).
270. НИАБ в Минске. – Фонд 3104. Оп. 1. – Д. 18. Тадулинская женская 2-классная ЦПШ Полоцкой духовной консистории, м. Яновичи Витебского уезда (1892–1914).
271. НИАБ в Минске. – Фонд 3158. – Оп. 1. – Д. 1. Витебское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов.
272. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далее – РГИА). – Фонд 733. – Оп. 9. – Д. 863 «Об осмотре профессором Куторгою учебных заведений Витебской и Динабургской дирекций. 1851».
273. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 167. – Д. 138 «О разрешении Витебскому профессиональному торговому обществу открыть в г. Витебске реальное училище с правами правительственных реальных училищ. 1907».
274. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 170. – Д. 133 «Об упразднении 5-классных и 3-классных уездных училищ в губерниях Витебской и Могилевской... 1864».
275. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 183. – Д. 349, 355 «О внешкольном и дошкольном образовании в Витебской губернии. 1916–1917».
276. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 187. – Д. 917, 929, 929 «Проект школьной сети... 1914».

277. РГИА. – Фонд 759. – Оп. 76. – Д. 209 «Об открытии при Витебской женской гимназии вечерних параллельных отделений. 1900».
278. РГИА. – Фонд 821. – Оп. 1. – Д. 202 «Об объявлении высочайшей благодарности 4-м помещикам Витебской губернии за содействие их религиозно-нравственному образованию крестьянских детей. 1855».
279. РГИА. – Фонд И.П. Корнилова 970. – Оп. 1. – Д. 36, 86.
280. РГИА. – Фонд 1287. – Оп. 46. – Д. 1689 «Об учреждении женских школ в городах Витебской губернии. 1860».

Список публикаций автора

- 1–А. Бусел, Е.Н. Витебское отделение Московского археологического института в системе народного просвещения дореволюционной Беларуси / Е.Н. Бусел // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX(66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г.: в 2 т. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 285–287. – Библиогр.: с. 287 (6 назв.).
- 2–А Бусел, Е.Н. Генезис дошкольного образования на территории Витебской губернии в XIX – начале XX в. / Е.Н. Бусел // Весн. ПДУ. – 2010. – № 11. – С. 31–34.
- 3–А Бусел, Е.Н. Генезис женского образования на территории Витебской губернии во второй половине XIX в. / Е.Н. Бусел // Актуальные проблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин): материалы I (Первой) Междунар. науч. конф., 2–3 дек. 2010 г. – Витебск: ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», 2010. – С. 155–156.
- 4–А Бусел, Е.Н. Генезис начального образования Витебщины во второй половине XIX в. / Е.Н. Бусел // Современные направления научных исследований: материалы IV Междунар. заочной науч.-практ. конфер. / журнал «Мир гуманитарных наук». Екатеринбург: ИП Бируля Н.И., 2011. – С. 10–12.
- 5–А Бусел, Е.Н. Генезис просвещения на Витебщине во второй половине XIX в. / Е.Н. Бусел // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2011. – № 7. – С. 30–34.
- 6–А. Бусел, Е.Н. Историко-педагогическая регионология на землях Беларуси в русле краеведения (первая половина XIX в. – 1938 г.) / Е.Н. Бусел // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2015. – Ч. 2. – С. 273–279.
- 7–А Бусел, Е.Н. Модернизация образовательного пространства высшей школы: региональный аспект / Е.Н. Бусел // Инновации – 2011: сб. науч.

ст. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: Г.А. Качан (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – С. 57–59.

8–А Бусел, Е.Н. Некоторые аспекты развития школьного дела и просвещения Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. / Е.Н. Бусел // История народного образования Витебщины XVI – начала XX века: материалы обл. семинара учителей истории. 8 сен. 2011 г. – Витебск: ГУО «ВО ИРО», 2011. – С. 13–28.

9–А Бусел, Е.Н. Организация училища для глухонемых детей И. Васютовича (конец XIX – начало XX вв.): историко-педагогический анализ / Е.Н. Бусел // V Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 29–30 сент. 2011 г. / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – С. 198–199.

10–А Бусел, Е.Н. Основные направления развития общественного дошкольного воспитания в Витебской губернии в XIX в. / Е.Н. Бусел // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVI (63) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 16–17 марта 2011 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.] – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – Т. 2. – С. 317–319.

11–А Бусел, Е.Н. Особенности развития женского образования на территории Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. / Е.Н. Бусел // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та. – 2010. – № 5 (59). – С. 89–92.

12–А Бусел, Е.Н. Предпосылки становления современных региональных историко-педагогических исследований / Е.Н. Бусел // Весн. дзярж. ун-та. – 2010. – № 4 (58). – С. 96–99.

13–А Бусел, Е.Н. Развитие просветительской мысли Витебщины второй половины 19 – начала 20 века: этнопедагогический аспект / Е.Н. Бусел // Современное образование Витебщины. – 2013. – № 2. – С. 80–83.

14–А Бусел, Е.Н. Регионализация в историко-педагогических исследованиях советского периода: становление и преодоление противоречий / Е.Н. Бусел // Гендерные аспекты взаимодействия в молодежной среде. Современный мир: единство и разнообразие: учебно-методическое пособие / под ред. С.А. Гончарова, В.Ю. Сморгуневой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 73–76.

15–А Бусел, Е.Н. Социально-педагогическая деятельность на Витебщине в конце XIX – начале XX в. (на примере общества земледельческих колоний и ремесленных приютов) / Е.Н. Бусел // Материалы XXIII (65) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – Т. 1. – С. 380–382.

16–А. Бусел, Е.Н. Специфика системы образования Витебской губернии

второй половины XIX – начала XX века / Е.Н. Бусел // IX Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 25 сент. 2015 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: И.М. Прищепа (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – С. 207–210.

17–А Бусел, Е.Н. Традиции народной педагогики Витебщины в творчестве этнографов и писателей региона (середина XIX – начало XX в.) / Е.Н. Бусел // Народная педагогика в условиях реализации федерального государственного общеобразовательного стандарта начального общего образования: материалы всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Саранск, 16–17 мая 2013 г.: в 2 ч. / Мордов. гос. пед. ин-т; редкол.: И.Г. Рябова (отв. ред.) [и др.]. – Саранск, 2013. – Ч. 1. – С. 70–74.

18–А Бусел, Е.Н. Школьное дело и просвещение Витебской губернии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Е.Н. Бусел // Развитие образования, школы и педагогики в Беларуси в период XIX – начала XXI века: монография / А.П. Орлова [и др.]; под ред. А.П. Орловой. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 101–129.

19–А Бусел, Е.Н. Школьное дело и просвещение Витебской губернии в контексте социально-культурных традиций региона конца 30-х гг. XIX – начала XX в. / Е.Н. Бусел // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 2 ч. – Минск: РИВШ, 2012. – Ч. 2. – С. 273–279.

20–А Бусел, Е.Н. Школьное дело и просвещение Витебщины второй половины XIX – начала XX в. в публикациях современников / Е.Н. Бусел // VI Машеровские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 27–28 сент. 2012 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.П. Солодков (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2012. – С. 290.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Таблица А – Категориально-понятийный аппарат регионологии как интегрированной отрасли знания

Понятие	Определение	Автор, источник
1	2	3
Регион	Анализ «многочисленных подходов к определению понятия... позволяет сделать вывод, что каждый из них основывается на разворачивании одного или нескольких признаков [региона]: территория, экономическая сфера, социально-политическая структура, демографические характеристики и т.д.»	Лапшин А.Н. [94, с. 10]
Регион	Территориальная единица; «ограничение одной определенной части территории на основании определенного параметра»; синоним понятию «район»; предмет регионоведения имеет социально-экономическую природу	Барыгин И.Н. [15, с. 67–70]
Регион	«Область, район, территория, часть страны, отличающаяся от других областей совокупностью естественных и исторически сложившихся, относительно устойчивых, экономически-географических и иных особенностей, нередко сочетающихся с особенностями национального состава населения, характеризующихся комплексностью, целостностью, специализацией и управляемостью»	Республика Беларусь: энциклопедия [203]
Регион	«Социокультурное понятие.., знаково-символическое пространство объединенных совместной деятельностью и взаимодействием людей»	Кошель Н.Н. [88, с. 20]
Регион	Совокупность районов и городов, исторически тяготеющих к одному хозяйственному, культурному и административному центру	Костин А.Г. [87, с. 28]
Регион	Интегрированное понятие, объединяющее функциональный и гуманитарно-субстанциональный подходы	Донских С.В. [61, с. 78]
Регион: синонимы провинция, край, район, область, ландшафт	«Провинция», «край», «район», «область», «ландшафт». В публикациях отечественного историка А.И. Локотко использованы понятия «историко-культурный регион», «историко-культурная провинция» и «историко-культурный “ландшафт”»	Локотко А.И. [97, 8–57 с.]

1	2	3
	<p>Наиболее обобщенными выступают понятия «историко-культурный ландшафт» и «историко-культурный регион», в то время как «историко-культурная провинция» рассматривается как их часть</p>	
	<p>А.И. Локотко вводит понятие «провинция», или локальный район, позволяющее рассматривать в среде региона отдельные земли, объединенные вокруг доминирующего культурного центра. По нашему мнению, на территории Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX в. такими центрами были: Витебск в восточной провинции (Витебский, Городокский, Невельский, Себежский и Велижский уезды), Полоцк в центральной провинции (Полоцкий, Лепельский и частично Дриссенский уезды) и Динабург в западной провинции (частично Дриссенский, Динабургский, Режицкий и Люцинский уезды). Города выступали мощными культурно-образовательными центрами и оказывали влияние на реализацию государственной образовательной политики на региональном и локальном уровнях</p>	
<p>Региональное деление Беларуси: историко-культурный аспект</p>	<p>С позиции социально-гуманитарного подхода основным критериям регионального деления Беларуси выступает историко-культурная составляющая, включающая особенности быта, типа поселения, языка, духовной культуры и т.п. В свою очередь, непосредственное влияние на формирование этих особенностей оказывали природно-климатические условия. Например, этнограф-белорусовед Е.Ф. Карский писал «Природа дает известный отпечаток народному творчеству, заставляя его изобретать подходящие формы для изображения своих красот, своего богатства или бедности. Словом, природа оказывает большое влияние на ход народной жизни, на ее историю...» [75, с. 33]. Современный белорусский исследователь истории А.И. Локотко отмечает, что уже в XVIII – начале XX века на территории Беларуси выделились следующие историко-культурные регионы: Подвинье (Поозерье) с центральным городом Витебском,</p>	<p>Горбачевский И.Д. [37], Карский Е.Ф. [75, с. 33], Локотко А.И. [97, с. 8–37], Никифоровский Н.Я. [125–127], Пыпин А.И. [201], Романов Е.Р. [Романов, Е.Р. Белорусский сборник. – Витебск, вып. III, 1887; вып. IV, 1891], Терешкович П.В. [226, с. 157–159].</p>

1	2	3
	<p>Поднепровье – Могилевом, Поприпятье – Пинском, Понемонье – Гродно, Центральный регион – Минском. «Внутренним» значением в названии каждого региона выступает природное, топонимическое своеобразие, послужившее основой социокультурной уникальности, и в первую очередь, языка. Язык, являясь важнейшим составляющим духовной культуры этноса, его «душой», неоднороден внутри самого народа.</p> <p>Особенности «белорусского племени», проявляющиеся в образе мыслей, привычках и укладе жизни, а также языке и «народном предании» отмечали российские историки XIX в. А.И. Пыпин (1833–1904), П.О. Бобровский (1832–1905) и Ф. Эркерт (1821–1900). Подтверждение этим мыслям можно найти в трудах этнографов-белорусоведов XIX в. Е.Р. Романова, Н.Я. Никифоровского, И.Д. Горбачевского и упомянутого выше Е.Ф. Карского. Последний, рассматривая особенности языка населения Витебской губернии второй половины XIX в., отдельно выделял северобелорусский говор – наречие, характерное для большей части территории региона. Оно встречалось практически во всех уездах губернии, за исключением Двинского и Режицкого. Другое, «чисто белорусское наречие», было отмечено на территории Полоцкого, Лепельского и Дриссенского уездов [91]. Современный исследователь-историк П.В. Терешкович отмечает, что несмотря на то, что во второй половине XIX в. территория Витебской губернии не была однородной по этноконфессиональному составу населения, объединяя восточный, западный и среднебелорусский регионы, для нее, тем не менее, были характерны только ей присущие культурно-образовательные особенности (например, относительно высокая женская составляющая среди грамотного населения Северо-Западного края конца XIX в.). Деление Витебской губернии на восточный, среднебелорусский и западный</p>	

1	2	3
	регионы коррелирует с выводами Е.Ф. Карского об особенностях языка жителей Витебской губернии. Так, в восточной части региона население разговаривало на северобелорусском наречии, в среднебелорусском – на центральнобелорусском говоре и в западной части – на латышском языке	
Культурно-образовательная среда	В наиболее общем виде – совокупность разнообразных условий, отражающих воспитательные традиции (национально-культурные, исторические и др.), развивающие и формирующие личность. Культурно-образовательная среда рассматривается как показатель уникальности территории	Мертенс Е.С. [104], Шабалина Т.А.
	Ее содержательное наполнение могут составлять как региональные, так и общенациональные и общечеловеческие компоненты	[Шабалина, Т.А. Развитие системы образования в г. Ельце и Елецком уезде в контексте социально-экономических реформ второй половины XIX в.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.А. Шабалина. – Елец, 2004. – 166 л.], Бондарева О.Н. [Бондарева, О.Н. Духовно-нравственное воспитание учащихся в высшем учебном техническом заведении первой трети XIX в. (на материале Санкт-Петербургского горного кадетского корпуса): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / О.Н. Бондарева. – СПб., 2015. – 246 л.]
Регион	В административно-политическом плане: «...четко определенная структура, концентрирующая в себе главные рычаги планирования, управления, распределения ресурсов, контроля за их использованием и т.д., что делает координацию образовательной политики наиболее эффективной на региональном плане;	Днепров Э.Д. [45, с. 269–270]

1	2	3
	<p>в экономическом плане: «... целостная, хотя и разнородная экономическая структура, в которой наиболее полно решаются задачи увязки образования и народно-хозяйственных потребностей, приспособления образовательной системы к региональному рынку труда и решению проблем занятости»;</p> <p>в социокультурном плане: «... на уровне региона решаются задачи учета в образовании местных культурно-исторических особенностей и традиций, специфики общественных образовательных запросов, связи образования с другими сферами общественной жизни и соответственно – задачи превращения образования в фактор социокультурного развития региона»;</p> <p>в организационно-методическом плане региональные образовательные системы должны представлять единый, целостный образовательный комплекс, который мобилизует, интегрируют в себе весь образовательный потенциал региона, его финансово-экономические, материально-технические, кадровые, научно-методические и прочие составляющие»</p>	
Региональная образовательная система	Единый целостный образовательный комплекс... «который мобилизует, интегрирует в себе весь образовательный потенциал региона, его финансово-экономические, материально-технические, кадровые, научно-методические и прочие составляющие»	Днепров Э.Д. [45, с. 270]
Образовательно-воспитательный регион	Определенная территория «с аналогичной или близкой внешней воспитательной средой, в пределах которой формируется общность людей для решения одинаковых или сходных педагогических проблем на основании учета местных географических, экологических, исторических, этнографических, социальных, экономических, национальных и религиозных факторов и традиций»	Катович Н.К. [77, с. 38]
Регионализация	<i>Задача</i> региональной образовательной политики, а также <i>парадигма и принцип</i> организации образования	Днепров Э.Д. [44, с. 269, 298]

1	2	3
Регионализация образования	Учет в воспитании специфики местных, сложившихся исторически социокультурных особенностей и традиций, способствующих становлению личности патриота и гражданина	Катович Н.К. [77]
Регионализация образования	Комплексный процесс самоорганизации, создания, функционирования, воспроизводства и развития социальных практик, образовательных в том числе	Кошель Н.Н. [88, с. 20]
Регионализация образования	«Процесс максимального приближения образовательной сферы к реальным потребностям школы с учетом специфики региона, его культурно-исторических особенностей»	Утков П.Ю. [235, с. 83]
Региональное образовательное пространство	Базовое понятие и предмет <i>педагогической регионологии</i>	Костин А.К. [87, с. 28]
Региональное образовательное пространство	Совокупность научно-образовательных, культурно-просветительских и др. институтов, СМИ, общественных организаций и социальных систем, а также социально-психологических стереотипов мышления, ориентированных на потребности образования и решение его проблем	Чепуршкина И.П., Пугачева Н.Б [243, с. 11]
Педагогическая регионология	«Раздел педагогики, изучающий <i>региональное образовательное пространство</i> , т.е. педагогические аспекты территориальной организации общества (его отношение к образованию)»	Чепуршкина И.П., Пугачева Н.Б [243, с. 10]
Предмет педагогической регионологии	«Изучение толерантности региональных и национальных приоритетов, историко-педагогических и социально-культурных особенностей региона, влияющих на формирование и развитие личности»	Буторина Т.С. [22]
Педагогическая регионология	«Особая область педагогического поиска, <i>предметом</i> которой является изучение регионально-национального компонента в области воспитания и образования, историко-педагогических и социокультурных особенностей региона, влияющих на формирование и развитие в нем личности»	Смягликова Е.А. [218, с. 4]
Историко-педагогическая регионология	Теоретическое ответвление педагогической регионологии, изучающее исторически сложившийся воспитательный опыт и процессы развития системы образования в границах конкретного региона либо его части	Орлова А.П., Бусел Е.Н.

Таблица Б – Этнический состав населения Витебской губернии 1897 г.¹

Уезды (города)	Белорусы в уездах (в го- родах), %	Русские, %	Латыши, %	Евреи в уез- дах (в горо- дах), %
Велижский (Велиж)	85,73 (47,64)	1,25	2,53	9,8 (44,15)
Витебский (Витебск)	51,12 (12,06)	20,12	2,23	22,80 (50,79)
Городокский (Городок)	83,61 (25,82)	10,66	менее 1%	4,68 (67,9)
Двинский (Двинск)	13,81 (2,19)	15,27	69,04	20,03 (46,02)
Дриссенский (Дрисса)	86,23 (22,98)	1,56	менее 1%	9,09 (67,29)
Лепельский (Лепель)	82,02 (30,52)	1,67	менее 1%	11,55 (53,77)
Люцинский (Люцин)	22,39 (22,39)	7,15	64,22	14,88 (54,49)
Невельский (Невель)	84,2 (25,79)	7,10	менее 1%	7,49 (62,37)
Полоцкий (Полоцк)	73,07 (15,38)	11,11	менее 1%	12,08 (61,35)
Режицкий (Режица)	0,93 (0,93)	23,91	57,87	7,41 (59,67)
Себежский (Себеж)	22,84 (22,84)	47,09	менее 1%	3,8 (59,27)

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [230, с. 50–51].

Приложение В

Таблица В1 – Гендерный анализ состава учащихся начальных училищ Виленского учебного округа согласно переписи 1911 г. ¹

Губернии	Процент учащихся ко всему населению		
	Мальчиков	Девочек	Учащихся обоего пола
Могилевская	8,29	2,94	5,60
Гродненская	6,54	2,73	4,67
Витебская	5,53	2,65	4,09
Минская	6,15	1,96	4,06
Виленская	4,45	1,88	3,18
Ковенская	2,99	1,40	2,18
В среднем по округу	5,80	2,26	4,04

Таблица В 2 – Гендерный анализ состава учащихся начальных училищ Виленского учебного округа по состоянию на 01.01.1914 г. ²

Губернии	Мальчиков	Девочек	Всего	Процент девочек к общему количеству обучающихся
Виленская	35221	13425	48646	27,6
Витебская	42143	20920	63063	33
Гродненская	50740	16590	67330	24,6
Ковенская	29365	13915	43280	32
Минская	75238	25187	100425	25
Могилевская	61850	21764	83616	26
Итого	294557	111801	406354	27,5

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [142, с. 6–7].

² Примечание – Таблица составлена на основании: [119, № 2, с. 8].

Хулиганские школы в Полоцке (в сокращении)¹

I

Есть в Полоцке два начальных училища, известные публике под странными именами: одно называется «хулиганской школой», другое – «босаяцкой». Под именем «хулиганской школы» известно у нас частное училище при православном обществе, наименованием же «босаяцкой» окрестили вечернюю частную школу при комитете народной трезвости.

«Хулиганская школа» была открыта 9 апреля 1906 г. В новое училище было первоначально принято 44 человека – 20 девочек и 24 мальчика – всех вероисповеданий в возрасте 7–13 лет. Это были грязные и оборванные дети улицы, нищие, совсем неграмотные. Отсутствие более или менее сносной одежды и обуви не позволяло этим беднякам раньше поступать в какую-либо другую школу, и они занимались большею частью нищенством. В лохмотьях и опорках многие из них не раз, может быть, бегали за прохожими по улицам, выманивая у «сытых» людей «копеечку на кусочек хлеба» и получая нередко вместо хлеба... камень и палку. Конечно, удержать в школе весь этот «народ» было трудно. В первое же полугодие ровно половина учеников оставило училище и вернулась к своим прежним занятиям... Произведен был новый прием «хулиганов», коих принято было 24 человека. Теперь в училище учится 46 человек – 28 мальчиков и 18 девочек...

Учебные занятия ведутся по программе начальной народной школы. Кроме того, в послеобеденное время ребята занимаются ручным трудом – девочки рукоделием, мальчики обучаются сапожному ремеслу. Недавно в школу добрые люди пожертвовали переплетной станок, и дети с большой охотой начали учиться еще и переплетному ремеслу...

Горе школы – это недостаток учащихся и материальных средств. При открытии школы явилась масса желающих вести преподавание в училище, конечно, интеллигентных полоцких дам. К сожалению, в настоящее время в школе занимаются только 7 человек... Самое главное затруднение приходится встречать в поддержании дисциплины. «Дети улицы» никакой дисциплины не признают и не хотят знать. Учительнице во время урока приходится постоянно считаться с фактами самого резкого нарушения порядка, восстановить который можно только на минуту... У кого слабые нервы, тому в «хулиганскую» школу нечего и соваться. Поэтому приходится удивляться терпению г-жи заведующей З.С. Шпаковой, которая ежедневно с 9 ч. утра до 4 часов дня проводит время среди своих питомцев и не чувствует усталости...

Другое горе школы – отсутствие средств на содержание ее. При самом открытии еще школы у благотворительного общества средств на содержание училища уже не имелось. Пришлось прибегнуть к сбору пожертвований путем подписных листов. Кроме того, несколько лиц изъявили согласие вносить «жертву» в дешевую столовую общества с тем, чтобы ученики «хулиганского» училища пользовались в этой столовой бесплатным обедом... Недавно в Полоцке состоялся любительский спектакль в пользу этой школы, который дал ей чистого дохода около 150 р. Будем надеяться, что и в будущем году полоцкое общество внесет в это училище свою лепту.

¹ Примечание – составлено на основании: [В. Беляев. Хулиганские школы в Полоцке. – Народное образование в Виленском учебном округе... – 1907. – № 4. – 265–271].

Школа делает пока свое великое дело. Нищие, попрошайки, карманные воры уже испытывают влияние благодетельных лучей «света». Не поддержит общество – хулиганская школа должна будет закрыться – светильник погаснет. Пригретая школой детвора будет изгнана опять на улицу и снова будет обречена на прежнюю ужасную жизнь...

II

Под именем «босаяцкой» школы в г. Полоцке известна вечерняя школа, или точнее – вечерние курсы, содержимые полоцким уездным комитетом попечительства о народной трезвости.

Школа эта открыта 26 января 1905 г. Занятия в школе ведутся ежедневно с 7 до 9 часов вечера, кроме субботы.

Учащими являются здесь учителя полоцкого городского училища – М.И. Жеранин (русский язык), И.М. Бойцов (арифметика), К.С. Кобяко (пение). Заведующий школой – учитель Бойцов. Как за заведывание, так и за уроки учителя получают от комитета попечительства о народной трезвости определенное вознаграждение. Учатся в «босаяцкой» школе уже не маленькие дети, для коих предназначена «хулиганская» школа, а большею частью мастера – подростки; среди учеников иногда встречаются и «ветераны» лет 30–35. Жажда света и сознание пользы грамотности побуждают таких «старичков» поступать в гостеприимную «босаяцкую» школу, которая, невзирая ни на возраст, ни на вероисповедание, всем и каждому радушно открывает свои двери.

По роду внешкольных занятий учеников «босаяцкой» школы можно разделить на такие группы: больше всего обучается в школе портных... потом следуют сапожники, слесари, водовозы, фабричные, чистильщики улиц, подносчики и др. Весь этот люд с раннего утра до поту работает или на улице или в душной атмосфере какой-либо мастерской или фабрики, а в 7 часов все бросают свой тяжкий труд и спешат в школу «к свету»... А многие ученики в течение месяца прямо оставляют школу: одни уходят на заработки из Полоцка, другие избирают такую службу, которая не позволяет им уделить и часа на грамоту, иные идут в солдаты и т.п. Иногда за один месяц из школы выбывает до 25–30 человек. Вместо них поступают новые ученики. Всего в течение месяца посещают школу 60–70 учеников, причем в конце месяца число учеников обыкновенно бывает меньше, чем в начале.

Нет сомнения, что при такой перемене в составе учащихся правильные занятия в вечерней школе вести почти невозможно и выполнить программу начальной школы крайне трудно...

Все учащиеся на уроках делятся на несколько групп по степени развития и успешности в усвоении сообщаемого. Ученики первой группы – совсем неграмотные, ученики старшей группы знакомятся уже с русской грамматикой и довольно успешно решают даже сложные задачи. На уроках пения изучают ноты и поют молитвы, гимны, песни.

Обстановка, при которой ведутся учебные занятия на вечерних курсах, мало напоминает школу. Курсы помещаются в народной чайной. Это очень большая комната – длиной 26 аршин, шириной 9 $\frac{1}{4}$ аршина, высотой 4 аршина. В этой же комнате находится буфет чайной для проходящих... тут же раздевальня всех посетителей и учеников, тут же стоят рядами и столы для питья чаю. Особо устроенной для классных занятий мебели не имеется, и ученики сидят и занимаются за обыкновенными столами. Зал освещается пятью довольно светлыми лампами. Помещение чайной и школы очень сырое, с удушливым, пропитанным запахом табаку воздухом. Во время занятий в зал всегда можно приходиться посторонним посетителям, которые садятся за столы и пьют чай... Особенно интересуют курсы заезжих крестьян.

ян. Иной мужичок придет в чайную попить чайку на дорожку, увидит учащихся и забудет про чай. Смотрит он, слушает и диву дается... Слушает мужик уроки, почесет затылок и скажет своему соседу по столу: «А хорошо, брат ты мой... Кабы у нас в деревне кто надумался такую школу устроить». В конце уроков по поводу сообщаемых сведений иногда завязывается довольно интересная беседа...

Желая удовлетворить подобных любознательных посетителей, преподаватели курсов стараются воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы заинтересовать их и своих учеников. Кроме того, учителя в конце урока уделяют несколько минут на сообщение сведений из естественной истории и географии.

Как видит читатель, и «босяцкая» школа в Полоцке делает великое и важное дело просвещения темного рабочего люда. Каждый неграмотный рабочий, кто бы он ни был, если имеет возможность урвать час-другой от своего тяжелого труда, спешит в чайную и здесь, отдыхая телом, схватывает умом и сердцем нечто новое, ему невидимое, хорошее.

Наша «босяцкая» школа напоминает воскресную школу для взрослых, но преимуществует перед последней в том отношении, что занятия здесь ведутся не один раз в неделю, а ежедневно.

Приложение Д

Таблица Д1 – Начальные учебные заведения белорусских губерний в 1855 г.¹

Губернии	Дворянские учебные заведения		Приходские училища		Училища при церквях иностранных исповеданий	Школы для начального обучения бедных девочек	Всего
	Пятикл.	Трехкл.	МНП	МГИ			
Виленская	4	0	14	18	5	1	42
Гродненская	5	0	39	26	1	0	71
Минская	5	0	15	19	1	1	41
Витебская	2	4	9	9	0	1	25
Могилевская	3	4	12	17	0	0	36
Итого	19	8	89	89	7	3	215

Таблица Д2 – Начальные народные училища «всех ведомств»²

Губерния	Число училищ к 20 марта 1880 г.	До 1861 г.	С 1861 г. по 1863 г.	С 1864 г. по 1868 г.	С 1869 г. по 1873 г.	С 1874 г. по 20 марта 1880 г.
Витебская	168	7	24	105	20	12
Минская	353	30	93	128	48	38
Могилевская	184	19	20	56	35	51

Таблица Д3 – Начальные народные училища на землях Беларуси конца XIX в.³

Губернии	Годы	Школы МНП	Школы Святейшего Синода	Всего	Школа приходится на		Показатель образования
					Кв.км	Жителей	
Витебская	1880	Нет сведений	Нет сведений	168	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
	1895	731	632	1003	39,57	1,454	2,04
	1899	430	786	1216	32,63	1,273	2,08
Минская	1880	Нет сведений	Нет сведений	353	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
	1895	321	1368	1689	47,46	1,188	2,36
	1899	323	1774	2097	38,22	1,090	3,08
Могилевская	1880	Нет сведений	Нет сведений	184	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
	1895	248	1606	1848	22,80	840	3,49
	1899	256	1700	1956	21,54	930	3,71

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [65, л. 135].

² Примечание – Таблица составлена на основании: [204, с. 122].

³ Примечание – Таблица составлена на основании: [204, с. 122–123].

С. Дорошкевич, директор Витебской дирекции народных училищ
Учебный день в сельской школе (в сокращении)

В народных училищах Виленского учебного округа до издания примерных программ предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения, утвержденных 7 февраля 1897 г., руководством служили программы предметов, изданные управлением округа в 1881 году и применявшиеся в училищах согласно требованиям инструкции народным учителям того же округа, изданных в 1871 г.

На прохождение всех предметов, входящих в курс народных училищ, инструкцией установлено 36 учебных часов в неделю, по 6 часов в день, с разделением их на 4 урока предобеденных и 2 послеобеденных, при двухчасовом промежутке между теми и другими уроками; между тем, примерными программами для каждого народного училища обязательным числом учебных часов в неделю признано 27 (в том числе 3 часа по пению), по 4–5 или 4 ½ час. в день. В этом заключается существенная разница в распределении учебного дня между примерными программами и инструкцией народным учителям...

I

Действительно, в некоторых губерниях округа многие училища находятся при неблагоприятных условиях: например, многие училища Двинского, Режицкого и Люцинского уездов Витебской губернии находятся в местностях с почти сплошным латышским населением; в других уездах той же губернии, при преобладающем русском населении, имеются большие колонии латышей (Витебский, Полоцкий и Лепельский уезды). Даже в училищах белорусских уездов русская речь, по наблюдению, представляется на первых порах обучения затруднительною для детей ввиду их белорусского говора. Следовательно, увеличение числа урочных часов в таких училищах требуется, говорят, свойством самого населения.

Далее ссылаются на то, что возникшие в значительном числе в 1864–66 годах народные училища в северо-западных губерниях носят характер «волостных» школ, таких, которые имеются во многих местах по одной на волость. На средства волостей при школах устроены общежития и организовано общественное продовольствие учащихся. Прием учеников производится нередко волостными сходами; и в течение целого учебного года, за исключением рождественских и пасхальных праздников и трех-четырёх дней сырной недели, ученики живут не дома, а в училищах. Само собою разумеется, что в таких училищах сокращение числа дневных уроков могло бы неблагоприятно сказаться на воспитательной стороне учащихся и на самой репутации школы в глазах населения.

Как на обстоятельство, имеющее в данном случае весьма важное значение, ссылаются и на то, что во многих сельских училищах ученье начинается не с 1 сентября, как это установлено инструкцией народным учителям, а с октября месяца, и учебный год заканчивается не к 1 мая, а гораздо раньше. Явление это объясняют вообще условиями крестьянского быта... При таком неаккуратном посещении учениками училищ назначенного примерными программами числа дневных уроков... недостаточно...

За 30-летний период... инородцы в значительной мере обрусели и если еще не усвоили русских нравов и обычаев, то настолько ознакомились с русской речью, что не только понимают ее, но весьма многие и говорят по-русски. Правда, в некоторых местностях указанных выше уездов Витебской губернии между поступающими в школу встречаются дети, не владеющие русской речью; но все без исключения латышские де-

¹ [113, № 2, с. 63–72].

ти являются в школу умеющими читать по-латышски (обучаются дома своими матерями), и механизм русского чтения, особенно слияние звуков, усваивается ими более легко и свободно, чем даже русскими детьми, которые обыкновенно поступают в школу совершенно неграмотными. Кроме того, между латышскими детьми в школах встречаются белорусы и даже великорусы-старобрядцы, и эти последние, как бы не было незначительно их число в общей массе детей-латышей, служат учителю незаменимыми помощниками в обучении детей русской речи. При таких условиях латышские дети довольно быстро усваивают в школе русскую речь и русскую грамоту...

...Вопрос о том, что возникшие в шестидесятых годах училища имеют характер волостных школ, также потерял свое первоначальное значение... Училищные районы теперь уже не те, какие были в шестидесятых годах. Даже общественное продовольствие... потеряло прежнее значение... Крестьяне отдают детей в те школы, которые к ним ближе. Кроме того, в училища с общественным продовольствием принимаются обыкновенно мальчики; следовательно, те семьи, которые желали бы обучать девочек, остаются недовольны порядком приема детей в училище... и... энергично ратуют за отмену общественного продовольствия.

Наконец... все почти учащиеся оставляют родительский дом и поселяются в училищных общежитиях на продолжительное время.

В настоящее время при выполнении шести уроков ежедневно, четырех до 12 часов дня и двух после 2-х часов, в народных училищах урочные занятия должны заканчиваться не раньше 4 часов дня; между тем, в октябре, ноябре, декабре и январе месяце, когда в училищах бывает полный сбор учащихся, в 4 часа уже темно, так что по окончании уроков детям небезопасно возвращаться домой... Все учащиеся, даже из самых ближайших к училищу деревень, обыкновенно помещаются в училище и переполняют его до крайней степени: в спальне бывают заняты учениками два яруса нар, спят ученики в кухне, в столовой и в классе, перенося с места на место свои сеники и производя ужасную пыль. Не удивительно, что при такой обстановке у учеников развивается чешотка, глазная болезнь и т.п. ...

II

Совершенно в иных условиях были бы учащиеся, если бы урочные занятия продолжались 4–5 часов в день или 27 часов в неделю, как это и устанавливается примерными программами. Тогда уроки начинались бы около 9 часов утра и оканчивались бы в 2 часа дня, при 5-минутных переменах после первого, второго и четвертого урока и 15-минутной после третьего урока.

Из деревень, отстоящих от училищ до трех и более верст, дети легко могли бы ежедневно приходить к урокам, а после уроков возвращались бы домой засветло; из более же отдаленных деревень могли бы приезжать в училище, пользуясь одной лошадейю на целую деревню по очереди, так как деревни обычно немногочисленны...

За целесообразность распределения в сельских школах урочных занятий в дообеденное время говорит и тот факт, что между начальными сельскими училищами первое место занимают так называемые министерские училища, существующие на основании инструкции 4 июня 1875 года. В этих училищах установлено не свыше 29 уроков в неделю во втором классе, а в первом это число удержано только для старшего отделения; в двух же младших отделениях число уроков не превышает 21 в неделю и 3–4 в день. Несмотря, однако, на такое число уроков, значительно меньшее по сравнению с числом уроков в народных училищах (36), учебные программы проходятся в министерских училищах с достаточною полнотою и обстоятельностью. Прибавим к этому, что местные условия, в каких находятся министерские училища, ничем не отличаются от условий, в каких существуют и народные училища; следовательно, установить одинаковое распределение учебного дня в сельских начальных училищах, министерских и народных, было бы крайне целесообразно и необходимо.

Учебно-воспитательный процесс в Спасо-Евфросиньевском женском училище в 1899/00 и 1900/01 годы¹

Состав учащихся (в сокращении)

В Полоцкое Спасо-Евфросиньевское женское училище принимаются дети всех сословий православного вероисповедания в возрасте от 9 ½ до 12 ½ лет. В настоящее время в 3-х классах училища всего 156 воспитанниц. Из них полным казенным содержанием пользовались 22 воспитанницы, полуказенным – 13 и своекоштным – 116. Кроме того, была 1 стипендиантка имени императора Александра II, 1 стипендиантка и 1 полустипендиантка имени бывшего Епископа Полоцкого и Витебского Антониана... 1 ученица воспитывалась на средства... Тихона, Епископа Полоцкого и Витебского, и 1 на средства, выделяемые из Святейшего Синода.

По сословиям воспитанницы разделялись: дочерей [лиц] духовного звания в первом классе 34, во втором классе – 27, в третьем – 30. Инославных: дочерей [лиц] купеческого звания – 2, мещан – 6, крестьян – 10, чиновников – 36, военного сословия – 2, землевладельцев – 9.

Учебная часть (в сокращении)

1-й класс. Закон Божий, русский язык, арифметика, церковное пение, география, церковно-славянский язык.

2-й класс. Закон Божий, русский язык, церковно-славянский язык, арифметика, география, гражданская история, церковное пение.

3-й класс. Закон Божий, словесность, арифметика, геометрия, география, гражданская и русская история, дидактика (*педагогика*), гигиена и подание помощи в несчастных случаях, физика, церковное пение, обучение скрипичной игре.

Воспитательная часть (в сокращении)

Начало учебного дня – в 6 часов. В 7 часов – утренняя молитва, затем завтрак. Продолжительность занятий: с 8.45 до 13.15. Продолжительность каждого урока – 1 час, включая перемены по 15 мин. Продолжительность обеда – 1 час. По гигиене и рисованию уроки начинались после обеда. С 15.00 до 17.00 – уроки рукоделия. Затем – чай. До 20.00 – приготовление уроков.

Дежурство [организуется]... по классу, по комнатам, по столовой. Классные дамы находятся весь день с воспитанницами. Задача – воспитать женщину христианку-труженицу... Обязательное требование к воспитанницам – посещение в выходные дни богослужений, соблюдение постов. Развлечения – чтения с туманными картинками; прогулки в лес.

¹ Примечание – составлено на основании: [158, с. 2–8].

Приложение 3

Выписки из перечня взысканий по отношению к учащимся ггимназий и прогимназий, нарушившим дисциплину¹ (в сокращении)

- Взыскание № 5 – ...одиночное нахождение ученика в классе...;
- взыскание № 6 – ...выговор классного наставника перед классом, с внесением в штрафной журнал...;
- взыскание № 7 – ...оставление на час в гимназиях по окончании уроков с оповещением о том родителей...;
- взыскание № 8 – ...назначение особых занятий на дом для пополнения упущенных в праздничные и выходные дни...;
- взыскание № 9 – ...задержание в гимназии не более 3 часов в воскресные и праздничные дни...;
- взыскание № 10 – ...выговор инспектора перед классом со внесением в штрафной журнал и оповещением о том родителей...;
- взыскание № 11 – ...отделение от общества товарищей без лишения свободы...;
- взыскание № 12 – ...заключение в карцер от 1 до 4 часов с назначением письменной работы...;
- взыскание № 13 – ...выговор директора перед классом, влекущий за собою понижение отметки за поведение...;
- взыскание № 14 – ...заключение в карцер от 4 до 8 часов...;
- взыскание № 15 – ...заключение в карцер от 8 до 24 часов...;
- взыскание № 16 – ...выговор от имени педагогического совета....

¹ Примечание – составлено на основании: [162, с. 49].

Приложение И

Таблица И – Проект программы детского сада Нейштадта (в сокращении)¹

Предметы	1-е отделение (4–5 лет)	2-е отделение (5–7 лет)
Рассказы из Св. Истории	2 занятия в неделю	2 занятия в неделю
Рисование	2 -/-	2 -/-
Плетение	2 -/-	2 -/-
Складывание лучинок	2 -/-	2 -/-
Сгибание бумаги	2 -/-	-
Вырезание и наклеивание	2 -/-	2 -/-
Выкалывание и вышивание	2 -/-	2 -/-
Лепка	2 -/-	2 -/-
Постройка	3 -/-	2 -/-
Беседы по картинкам и рассказы из народного быта	2 -/-	2 -/-
Первоначальное обучение грамоте	-	6 -/-
Наглядное обучение	2 -/-	3 -/-
Работа в саду	3 -/-	3 -/-
ИТОГО	24 занятия в неделю / 4 занятия в день	30 занятий в неделю / 5 занятий в день

Рассказы из Священной Истории ведутся по картинкам.

Сказки, рассказы и пословицы из народного быта и беседы по картинкам. При помощи их дети высказывают свои впечатления, развивают наблюдательность, дар слова, воображение, вкус и память, а также нравственные чувства.

Рисование начинается выкалыванием простых фигур из палочек с рисованием их на бумаге... рисование красками (для детей 5–6–7 лет) способствует основательному ознакомлению с цветами основными и дополнительными.

Плетение используется для наглядного обучения счету. Кроме того, дети учатся различать цвета.

Складывание лучинок... знакомит детей с линиями горизонтальными и вертикальными.

Сгибание бумаги... развивает верность глаза, чувство симметрии и ловкость в руках.

Выкалывание ведется параллельно с рисованием, так как дети выкалывают по нарисованным уже ими контурам предметов. Оно служит хорошим упражнением для развития ручных мышц, ловкости пальцев и глазомера.

Как выкалывание, так и вышивание могут сопровождаться беседами с детьми, а также пересказом прежде прочитанного.

Лепка... развивает творческую силу, эстетическое чувство, ловкость рук, гибкость пальцев, глазомер и терпение.

Постройка из кубиков... для ознакомления детей с телами, их поверхностями.

¹ Примечание – составлена на основании: [263, д. 3604].

ми, линиями, углами... каждая из построек сопровождается соответствующей беседой.

Подвижные игры оказывают содействие физическому развитию, развивают чувство солидарности, приучают к терпению и послушанию, к соблюдению правил порядка.

Пение... для хорошего настроения, развития слуха и музыкального чувства.

Разучивание русского народного гимна и детских песен...

Наглядное обучение включает пособия, картинки – знакомство с окружающей природой и явлениями... Важным пособием наглядного обучения служат экскурсии.

Рассматривание растений, животных... ознакомления с их названиями, наблюдения за жизнью птиц и животных и проч. ...

Работа в саду. Весною дети [делают] грядки, сеют и сажают растения, ухаживают за ними и наблюдают.

Летом и осенью собирают семена и сохраняют до будущего года. Наблюдают за жизнью птиц и животных. Вообще, проводят возможно больше времени на свежем воздухе, занимаются вышеуказанными работами, играми или отдыхом.

Первоначально обучение грамоте имеет целью учить детей по звуковому методу правильному чтению, письму и первоначальному счету.

Приложение К

Таблица К – Начальные народные училища Виленского учебного округа начала на начало 1908 г.¹

В губерниях	Имеется школ к 1 января 1908 г.	Увеличилось в отчетном году	В %
Виленской	351	42	13,6
Гродненской	502	44	9,8
Ковенской	346	42	13,8
Витебской	492	115	30,8
Минской	567	105	20,7
Могилевской	506	164	48,4

Приложение Л

Таблица Л – Школьные помещения Витебской губернии в 1912 году²

Школы	Число школ по имеющ. свед.	Из них помещаются		В %		Общая стоим. всех построек	Средняя стоимость на школу
		В собств. зданиях	В наемных	В собств. зданиях	В наемных		
МНП	327	261	66	79,8	20,2	635252	1943
Земские	700	18	682	2,6	97,4	40850	58
ЦПШ	301	201	100	66,8	33,2	273580	989
Частные	7	4	3	57,1	42,9	19600	2800
Итого	1335	484	851	36,3	63,7	969282	726

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [114, № 9, с. 346].

² Примечание – Таблица составлена на основании: [123].

Приложение М

Таблица М – Краткий очерк положения начального образования в Витебской губернии в 1907–08 учебном году¹

Типы училищ	Процентное отношение окончивших к числу учащихся		
	Мальчики	Девочки	Всего
Земские одноклассные	8,5	5,1	7,4
Земские двухклассные	18,3	26,7	19,3
Министерские одноклассные	11,9	8,1	9,8
Министерские двухклассные	9,9	8,1	9,5
Церковно-приходские одноклассные	11,3	8,3	10,3
Церковно-приходские двухклассные	15,9	25	18,4
Церковно-приходские второклассные	13,2	26	16,4
Частные одноклассные	17,9	11	15,5
Частные двухклассные	4,8	1,2	3
Итого всех типов	10,3	7,1	9,3

Приложение Н

Таблица Н – Высшие начальные училища в 1914 г.²

Губернии	Высшие начальные училища				Количество учащихся		
	Мужские	Женские	Смешанные	Всего	Мальчики	Девочки	Всего
Виленская	11	—	3	14	2029	125	2154
Витебская	22	1	3	26	3581	157	3738
Гродненская	16	1	5	22	2847	288	3135
Ковенская	5	-	10	15	1509	415	1924
Минская	23	-	7	30	4470	232	4702
Могилевская	14	-	7	21	2797	199	2996

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [92, с. 32–33].

² Примечание – Таблица составлена на основании: [119, № 2, с. 75–76].

Таблица О1 – Школьные помещения Виленского учебного округа во время Первой мировой войны¹

1915		Губернии	1917	
Собственные	Наемные		Собственные	Наемные
350	421	Виленская	38	49
320	997	Витебская	316	1005
517	614	Гродненская	Оккупирована	
341	340	Ковенская	4	5
545	935	Минская	487	1014
414	988	Могилевская	417	987

Таблица О2 – Состояние начального образования Виленского учебного округа во время Первой мировой войны

На 01.01.1917			
Губернии	Городские школы	Сельские школы	Всего
Виленская	60	711	771
Витебская	63	1258	1321
Гродненская	52	1029	1081
Ковенская	35	645	680
Минская	60	1441	1501
Могилевская	49	1355	1404

Таблица О3 – Мариинские женские училища Виленского учебного округа во время Первой мировой войны (1916–1917 гг.)

Училища	Количество учащихся (январь 1916)	Количество учащихся (январь 1917)
Свентяньское	140	Не функционировало
Лепельское (Витебская губерния)	129	138
Поневежское	78	169

¹ Примечание – Таблицы составлены на основании: [262, д. 20].

Таблица О4 – Частные еврейские училища. Виленского учебного округа во время Первой мировой войны (1916–1917 гг.)

Губернии	Средние	Низшие	ИТОГО
Витебская	2	5	7
Виленская	2	5	7
Минская	5	2	7
Могилевская	2	19	21

Таблица О5 – Институты Виленского учебного округа во время Первой мировой войны (1916–1917 гг.)

Институты	Число практических уроков	Результаты выпускных экзаменов: «хорошо» и «отлично»	Результаты выпускных экзаменов: «удовлетворительно»
Виленский	96	64,6 %	35,4 %
Витебский	62	77,4 %	22,6 %
Минский	–	–	–
Могилевский	99	41,1 %	59 %

Приложение II

Сводная ведомость по частным женским христианским учебным заведениям Витебской губернии за 1904 отчетный год¹

Таблица П1 – Штаты и учащий персонал

Города	Разряды учебных заведений	Содержатель	Законоучитель	Преподаватели с ученой степенью	Учителя, воспитатели, гувернантки	Штаты, стоящие на службе в других учебных заведениях
Витебск	I. Милинарской	1	2	11	8	13
	I. Варвариной	1	1	8	4	9
Двинск	I. Броерской	1	4	4	18	10
Велиж	II. Дубинской	1	2	2	3	4
Двинск	II. Савицкой	1	4	2	8	8
Невель	II. Мулярчик	1	1	2	4	3
Дрисса	III. Козловицкой	1	1	3	–	3
Полоцк	III. Шутко	1	1	–	2	2
Всего		8	16	32	47	52

Таблица П2 – Число учащихся в частных женских учебных заведениях

Города	Разряд учебного заведения	На 01.01.1904	01.01.1905
Витебск	I. Милинарской	224	203
	I. Варвариной	200	216
Двинск	I. Броерской	401	424
	ИТОГО I разряда	825	843
Велиж	II. Дубинской	67	63
Двинск	II. Савицкой	158	168
Невель	II. Мулярчик	77	76
	ИТОГО II разряда	302	307
Дрисса	III. Козловицкая	42	39
Полоцк	III. Шутко		25
	ИТОГО III разряда	42	64
	ВСЕГО	1169	1214

¹ Примечание – составлено на основании: [263, д. 3030].

Таблица ПЗ – Средства содержания

Учебные заведения по разрядам	Из государственной казны	Из сбора за учение	Всего
1	2	3	4
I Милитарской	2000	9597	11597
I Варваринной		8999	8999
I Броерской		19872 р. 50 к.	19872 р. 50 к.
Итого	2000	38468 р. 50 к.	40468 р. 50 к.
II Дубинской	385	2055	2440
II Савицкой		6722	6722
II Мулярчик	385	2355	2740
Итого	770	11132	11902
III Козловицкой	60 – от городского общества	600	660
III Шутко		425 р. 50 к.	425 р. 50 к.
Итого	60	1025 р. 50 к.	1085 р. 50 к.

Приложение Р

Таблица Р – Средние и средние специальные учебные заведения Витебской губернии в 1910–1911 гг.¹

Средние учебные заведения				
Учебные заведения	Мужские		Женские	
	Количество учебных заведений	Количество учащихся	Количество учебных заведений	Количество учащихся
Гимназии	1	607	4	1903
Реальное училище	1	461	–	–
Учебные заведения I разряда	5	640	5	1899
Учебные заведения II разряда	–	–	4	428
Еврейские прогимназии	–	–	4	589
ИТОГО средних учебных заведений	7	1708	17	4819
Средние специальные учебные заведения				
Витебский учительский институт	1	Сведения не указаны	–	–
Полоцкий кадетский корпус	1	401	–	–
Витебская духовная семинария	1	236	–	–
Коммерческие училища	1	388	1	74
Женские училища духовного ведомства	–	–	2	383
Мариинское училище	–	–	1	106
ИТОГО средних специальных учебных заведений	4	1025	4	563
ВСЕГО	11	2733	21	5382

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [179, с. 42, 62–65].

Витебская мужская гимназия. 1910–1918 годы¹ (в сокращении)

ЗДАНИЕ

Наша гимназия была основана в 1808 году. В 1908 году праздновала свое столетие. Юбилей проводился с большим подъемом, с разными увеселениями и торжественными актами или, как теперь говорят, «собраниями».

Гимназия занимала площадь в центре города на стыке Замоквой и Вокзальной улиц... На берег Двины выходило дворянское собрание, теперь построен городской театр на этом месте. Между гимназией и дворянским собранием был сквер, а справа от гимназии находился плац для проведения игр, больших перемен и уроков гимнастики.

Здание гимназии было построено добротно, каменное, трехэтажное, во дворе была пристройка, в которой находился гимнастический зал. Пристройка соединялась с главным корпусом теплым коридором. Во дворе находились и служебные постройки, квартира дворника и сторожа. Перед зданием гимназии по фасаду... были сделаны: два сквера, между которыми находилась колокольня для гимназической церкви.

В нижнем этаже здания в левом крыле находилась квартира директора гимназии, а в правом – квартира инспектора гимназии. Между квартирами был парадный вестибюль и парадная лестница. Квартиры были многокомнатные (6–8 комнат). На нижнем этаже по его фасаду находилась фундаментальная библиотека и гардероб с вешалками для класса, а также буфет, который тогда назывался столовой...

На I и II этажах здания были классы – всего было 18 классных комнат... На II этаже размещались кроме классов рабочий кабинет инспектора гимназии, учительская, актовый зал... докторский кабинет... На стенах висели огромные доски в массивных рамах, в которые заносились фамилии, окончивших гимназию с золотыми и серебряными медалями... На стенах зала были портреты царей... В углу зала около портрета Александра I находилась икона Сергия Радонежского, покровителя школ и учащихся, и горела лампада.

...На стенах коридоров были повешены рисунки гимназистов, выполненные в классическом стиле и удостоенные похвальными грамотами...

В классах были расставлены рядами ясеневые или дубовые парты, очень прочные, с крышками, покрытыми черным лаком, парты двухместные, с ящиками для книг и тетрадей со встроенной чернильницей посреди стола парты. На боковых стенках парт находились номера сидячих мест, поэтому парты стояли в определенном порядке. За каждым гимназистом закреплялся номер сидячего места на учебный год, это номер записывался в дневник и в классный журнал...

На III этаже находилась домашняя церковь... На этом же этаже были кабинет директора и канцелярия гимназии, физический кабинет... В одной торцевой стороне III этажа находился карцер... В карцер сажали по воскресеньям сроком на 2 часа и больше, на 6–8 часов. На II этаже находился докторский кабинет, гимназия имела своего доктора, фельдшера, а временами приходил и зубной врач.

¹ Примечание – составлено на основании: [256].

ШТАТЫ ГИМНАЗИИ

Каждый класс делился на два отделения: I и II, т.е. все классы были параллельными. В гимназии было восемь классов и один подготовительный, примерно по 30–40 учеников в классе, т.е. около 500–550 учащихся в гимназии. Преподавателей было более 20 человек, с высшим образованием и почти все учителя – мужчины, из женщин было две учительницы иностранных языков: французского и немецкого. Имелся свой православный академик (окончил духовную академию). Были в штате ксендзы, раввин и пастор... Почти все учителя были классными руководителями... Были еще и помощники классных руководителей, или как их называли, надзирателями. На них возлагались обязанности посещать гимназистов на дому, проверять, как ученик готовится к урокам, как проводит время... Надзиратели дежурили на переменах между уроками, несли дежурство в общежитии гимназии... Смотрели за порядком... на большой перемене, чтобы [классы] хорошо проветривались...

В канцелярии было двое служащих...

Был еще библиотекарь... музыкант. Из технического персонала – уборщики, а по-старому «дядьки»... Были еще дворники, сторожи швейцар...

УЧИТЕЛЯ ГИМНАЗИИ

Все преподаватели гимназии имели высшее образование, из них многие были хорошими преподавателями... Любили тех, которые на уроках излагали материал не только тот, что был в учебниках, но сверх него, умели интересно приподнести материал, завлекали своим преподаванием учеников, относились к ученикам без унижения личности учащегося... Им приходилось учитывать в три оценки работы и дисциплину учащихся: поведение, внимание и прилежание, кроме того, знания изучаемых предметов.

...Большим уважением пользовался учитель математики и физики Езерский Евгений Михайлович. Он вел у нас арифметику в младших классах и физику в старших. Это был большой мастер своего дела, чудный педагог. Он сумел нам привлечь любовь к математике и [научил] решать сложные задачи по задачнику Верещагина и [помог] усвоить теорию арифметики... Он впервые в гимназии применил метод опроса сразу 4-х человек. У доски решали задачи на передней и задней досках, делили каждую пополам. Проводил конкурсы на решение сложных задач. Решивший задачу первым получал «5», вторым – «4», если хотел. Много опытов проводил по физике, и его уроки мы посещали с удовольствием, мы чувствовали как расширяется наш кругозор с пониманием мира и природы, их материальной сущности... Вел у нас в гимназии астрономический кружок.

В первых 2-х классах арифметику преподавал Захаров Михаил Васильевич – это был очень интересный человек и педагог. На его уроках была идеальная дисциплина, он редко делал кому-либо словесное замечание, а только останавливался перед провинившимся, посмотрит ему в лицо, а тот от взгляда замирал и успокаивался. Его взгляда мы боялись больше всего. Про его ходили слухи, что он гипнотизер... Зимой он купался в проруби на Двине, каждое утро перед завтраком и работой.

Там же – кл. руководитель занимался «бумажной» работой...

...Уважали мы и своего классного руководителя Басаргина Николая Федотовича... Наказывал справедливо, и ученики не обижались... Более серьезные нарушения дисциплины передавались на рассмотрение инспектора или директора и выносились решения педсоветом.

Пользовался уважением и преподаватель рисования и чистописания Качаргин Александр Александрович. Он был хорошим художником и умел нас увлечь рисованием с натуры гипсов, натюрмортов или отдельных предметов, ваз, кувшинов, орнаментов, геометрических тел. Учил технике рисования, тушевки, акварели и проч...

Уважали преподавательницу французского языка Гаврикову А.М. Ее уроки проходили организованно, упражнялись в разговорной речи на французском языке. Фраза записывалась на доске в специальных тетрадах-словариках, как и новые слова к следующему уроку...

Беда была тем преподавателям, которые дисциплину на уроках старались удерживать криками, замечаниями или наказаниями: стоять у стенки или в коридоре у дверей класса, оставление без обеда или арестом на несколько часов в воскресенье в карцере или в классе до 2 часов. Против таких преподавателей устраивались всем классом «концерты» – срывался урок... Искали виноватых и зачинщиков, но класс их не выдавал, заявляли, что все кричали, была круговая порука. Иногда создавалась банда, чтобы выбивать окна в квартирах таких учителей...

...Нужно отметить, что в гимназиях много внимания уделялось изучению русского языка и грамотности. Вообще... уделялось много внимания изучению гуманитарных наук и мало естествознанию...

Много внимания уделялось историческим наукам... трижды изучалась история России концентрическим способом...

Довольно много внимания уделялось изучению географии... России и других стран мира... При изучении многое внимание уделялось знаниям карты, работали с атласом и чертили карты, читали... статьи

Изучали много языков кроме русского – латинский 5 уроков в неделю, церковнославянский... немецкий и французский языки, а для желающих – греческий.

В младших классах учили нас рисованию и пению, а также чистописанию, обращали внимание на выработку хороших почерков...

По физическому воспитанию у нас были уроки гимнастики раз или два в неделю...

С началом I мировой войны в гимназиях была введена допризывная подготовка...

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ, РЕЛИГИОЗНАЯ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ГИМНАЗИСТАМИ

Она проводилась в гимназии, как и в других учебных заведениях, под девизом «За веру, царя и Отечество». Проводилась эта работа разнообразными способами, но в первую очередь через религию... Вся религиозная работа начиналась с уроков закона Божьего... В I кл. изучался Ветхий завет (Библия)... во II классе Новый завет (Евангелие)... в III классе «Катехизис» православной церкви... В IV классе изучались основы богослужения... В VI классе изучалась история православной церкви. В VII и VIII классах изучались «Основы вероучения и нравоучения». В первом классе изучалось наизусть 10 обязательных молитв... Уроки и прием пищи всегда начинались с молитвы... Обязательным было ношение нательных крестиков и иконок святых...

...На первой неделе Великого поста все говели... Приезжих гимназистов отпускали говеть домой, но они обязаны были представить от церкви, где говели, свидетельство с печатью церкви.

РАЗВИТИЕ ПАТРИОТИЗМА И МОНАРХИЗМА СРЕДИ ГИМНАЗИСТОВ

...Для этого проводилась большая идеологическая работа... Все... гимназисты должны были знать текст гимна и уметь его петь... Приучали любить царя и его семью.

В 1912 г. праздновали столетие войны 1812 г. К этому юбилею готовился город, учебные заведения и учреждения. ...Решено было построить на Успенской горе памятник в честь победы в 1812 году.

Был назначен день открытия памятника. На Дворцовой улице, начиная от Суворовской и Смоленской, построилась колонна учебных заведений... а также воинские части витебского гарнизона. Для освещения памятника прибыл архирей... губернатор... приглашенные гости... городская и губернская знать.

У нас в гимназии был проведен юбилейный вечер и бал. На вечере был объявлен царский манифест... о присвоении нашей гимназии звания императора Александра I. На память о празднике... были розданы подарки: книги, посвященные войне 1812 г., похвальные грамоты... красиво оформленные, с изображением Александра I, Кутузова и др. героев. В честь юбилея занятия были отменены.

В 1913 г. праздновался 300-летний юбилей дома Романовых. К нему также долго и обстоятельно готовились. Было изучено много юбилейной литературы... Часть этих изданий была роздана нам, гимназистам, в них восхвалялась слава царей дома Романовых, великих князей и царских полководцев, с описанием побед русского оружия, верности царю, церкви, героизме русских солдат и офицеров.

Мы, гимназисты, страдали романтизмом. Читали много исторических романов, приключенческой литературы и др., например В. Скотта, Л. Толстой, Ж. Верн, М. Рид, Ф. Купера... Книжонки сыщиков стоили 5–7 копеек, мы их систематически покупали, читали и обменивались друг с другом. Газет мы не читали, но когда началась война в 1914 году, мы стали читать сводки о военных действиях в газетах и журналах и др. статьи. Начало войны подняло волну патриотизма, верность престолу среди интеллигенции захватила и молодежь... стали создаваться госпитали и различные общества оказания помощи жертвам войны.

РЕГЛАМЕНТ ЗАНЯТИЙ В ГИМНАЗИИ

Приходить на занятия полагалось в 8 час. 45 минут утра. За это время проводилось 5 уроков и заканчивались в 14 час. 30 минут. Урок длился 50 минут, перемена между уроками была 10 минут, а большая перемена была 30 минут. В 8.45 давали звонок на молитву в актовом зале. На молитве присутствовали директор или инспектор, классные руководители, надзиратели... От молитвы освобождались гимназисты других религий: католики, протестанты, иудеи. Читались молитвы перед учением...

...Молитва кончалась, и все шли по классам, давался звонок для учеников, а в 9.00 – для учителей. Опоздавшие ученики на урок не допускались, а должны были в коридоре, около кабинета стоять... Инспектор или директор делали замечание опоздавшему, а иногда записывали опоздание... в четвертные отметки или оставляли в наказание без обеда.

В [хорошую] погоду большую перемену проводили во дворе, а в плохую – в спортзале или буфете. Проводились факультативные уроки по черчению, греческому языку, спевки хора, школьная гимнастика; в отдельном классе собирались под наблюдением надзирателя оставленные без обеда под наблюдением надзирателя либо дежурного классного руководителя; проводились и занятия кружков, как, например, астрономического...

Первые два класса переводились из класса в класс без экзаменов, а начиная с третьего класса и по восьмой проводились переводные экзамены и выпускные в мае месяце... При провале на экзамене давалась переэкзаменовка на осень, но не больше 3-х раз... а в случае провала... сразу оставлялись на второй год... В течение учебного года были зимой каникулы 2 недели, это были рождественские каникулы и были они с 22 декабря по 6 января (старого стиля). Весенние каникулы 10 дней: на «масляницу» 3 дня и одна неделя Пасхального или Великого поста для проведения говения... Затем следовали пасхальные каникулы 14 дней, они охватывали так называемую «страстную» неделю и пасхальную неделю... С мая месяца (после 20 мая) и по 15 августа – летние каникулы. Православные ученики обязаны были посещать богослужение в своей церкви по субботам и воскресеньям и в дни празднования великих церковных праздников... Был еще один праздник «Престольный»... 23 сентября в честь Сергия Радонежского, покровителя всех наук.

ВРЕМЯ ПЕРЕПРОВОЖДЕНИЕ ГИМНАЗИСТАМИ

Уроки проводились... с 9.00 до 14.30, по пять уроков, а иногда и 6 уроков с факультативами. Чтобы подготовиться к урокам, нужно было еще затратить часа 4, а иногда и 5, т.к. был ряд письменных заданий в тетрадях, решение задач, сочинения или пересказы, упражнения в правописании, заучивание наизусть стихотворений, текстов, молитв, чтение обязательной литературы, переводы текстов по иностранным языкам, иногда нужно было делать рисунки, чертить карты, чертежи и т.п. Нужно было время и на отдых, покататься на саночках, коньках, лыжах, поиграть в футбол, лапту, чехарду, в палочку-стукалочку, в городки, в скачки и др. игры. Надо было затрачивать время на посещение церкви, молитвы утром, кинотеатр, подготовку к предстоящим вечерам, участие в них. Раз в году весной до экзаменов проводилась общегимназическая прогулка в город. Например, ходили всей гимназией в Мазурино – это место на берегу Двины с небольшим леском в то время. Там был лагерь 100-го Островского полка. В Мазурино устраивались буфеты, мороженники с кадками мороженого; в буфете можно было купить пирожки, булочки, баранки, пирожные, чай, молоко, а кто хотел, тот приносил с собой еду из дома. Для развлечения проводились игры и через несколько часов возвращались строем в гимназию и возвращались по домам.

Кроме вечеров, организуемых родительскими комитетами, в целях приобретения денег для благотворительных целей, где проводились танцы и игры, устраивались в старших классах семейные вечера или вечеринки у кого-либо на квартире с разрешения родителей. Число участников было очень ограниченным, пели песни, плясали, играли в фанты, во флирт цветов и камней, в жмурки, в почту и т.п. Такие же вечера проводились в домах с устройством елок, и на масляницу – на блины и катания на саночках и на извозчиках, на пасху и на чьих-либо именинах и т.д. Танцевали под музыку – граммофон или кто-либо играл на пианино или рояле. В городе в воскресенье или субботу, после моления в церкви, выходили гулять на Замковую улицу, здесь гуляло много учащейся молодежи, происходили знакомства или посещали городской каток на Двине, где в праздничные дни играл оркестр, была теплая раздевалка, буфет, можно было взять напрокат коньки, саночные кресла для катания спутниц или малых детей. Бывал каток и на Витьбе, у мельницы, его делали иной раз и гимназисты нашей гимназии, расчищали его, поливали водой, чтобы был хороший лед. Иногда родительский комитет отпускал средства на его устройство. Был хороший каток в железнодорожном саду, около вокзала, катались по дорожкам, была горка ледяная и площадка для массового катания. Был летний театр и танцы в

Елагах в парке. Иногда ходили в кино, театры, цирк, ярмарки. На Двине проводились кулачные бои, но гимназисты в них не участвовали. Малыши катались с крутых берегов Двины и Витьбы на саночках.

До войны 1914–1918 гг. в городе проводились сборы средств для больных туберкулезом, а во время войны... для лечения больных и раненых, для оказания помощи инвалидам войны и сиротам. Эти средства не решали проблемы помощи, они были мизерными по сравнению с нуждой в них... Для сбора средств выходили в праздничные дни пары: гимназист старшего класса и девушка или молодая дамочка. Барышня или дамочка носили щиты со значками, искусственными цветами ромашки и др. цветов, а кавалеры несли металлическую железную кружку, запечатанную, с номером и разрезом для опускания монет или ассигнаций, т.е. бумажных денег. Подходили ко всем прохожим с просьбой оказать для благотворительных целей денежную помощь, дающим прикалывали к платью или пальто цветков или значок. Так ходили несколько часов, а затем шли на пункт сбора, сдавали кружки с деньгами и оставшимися значками или цветками.

Приложение Т

Таблица Т – Проект двухклассного еврейского женского профессионального училища (Полоцк, 1909)¹

Количество уроков в неделю					
Предметы	Приготовительный класс	Первый класс			Второй класс
		I-е отделение	II-е отделение	III-е отделение	
Закон еврейской веры	2 урока	5 уроков	4 урока	4 урока	1 урок
Русский язык	6 -/-	6 -/-	6 -/-	6 -/-	1 -/-
Арифметика	6 -/-	5 -/-	4 -/-	3 -/-	3 -/-
Русская история	–	–	–	2 -/-	2 -/-
География	–	–	–	1 -/-	1 -/-
Чистописание	4 -/-	2 -/-	2 -/-	1 -/-	1 -/-
Черчение и рисование	–	2 -/-	2 -/-	3 -/-	3 -/-
Счетоводство	–	–	–	–	1 -/-
Товароведение	–	–	–	–	1 -/-
Рукоделие	6 -/-	6 -/-	6 -/-	6 -/-	6 -/-
Ремесла	–	12 -/-	15 -/-	24 -/-	37 -/-
ИТОГО	24 урока	38 уроков	39 уроков	46 уроков	56 уроков

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [263, д. 3806].

Приложение У

Таблица У – Расписание уроков Двинского женского профессионального еврейского училища (1909–1910 гг.)¹

Начальное отделение: общеобразовательные предметы			
	1-й год	2-й год	3-й год
Закон еврейской веры	2 урока в неделю	2 -/-	2 -/-
Русский язык	7 -/-	7 -/-	8 (7) -/-
Арифметика	6 -/-	5 -/-	5 -/-
Чистописание	2 -/-	2 -/-	2 -/-
Пение	1 -/-	1 -/-	1 -/-
ИТОГО	18 -/-	17 -/-	18 (17) -/-

Начальное отделение: специальные предметы			
	1-й год	2-й год	3-й год
Рисование	–	1	2
Рукоделие	–	4	6
ИТОГО	–	5	8

Профессиональное отделение: общеобразовательные предметы				
	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год
Закон еврейской веры	2	1	1	–
Русский язык	3	2	1	–
Арифметика	3	2	1	–
Чистописание	2	1	–	–
Пение	1	2	1	–
ИТОГО	11	8	4	–

Профессиональное отделение: специальные предметы				
	1-й год	2-й год	3-й год	4-й год
Рисование	3	3	3	3
Ремесло	26	33	36	39
Счетоводство	–	–	1	1
Товароведение	–	–	–	1
Гигиена	–	–	1	1
Пение	1	1	1	1
ИТОГО	30	37	42	46

¹ Примечание – Таблица составлена на основании: [263, д. 3820].

Научное издание

БУСЕЛ Екатерина Николаевна

**РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Монография

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Корректор	<i>Т.В. Образова</i>
Компьютерный дизайн	<i>Т.Е. Сафранкова</i>

Подписано в печать .2015. Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,99. Уч.-изд. л. 10,09. Тираж экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.